

Джеральд О'ФАРРЕЛЛ

Великая МИСТИФИКАЦИЯ

Загадки гробницы Тутанхамона

...Открытие гробницы Тутанхамона в действительности являлось одной из самых дерзких мистификаций в истории. Авторами этой мистификации стали два уважаемых английских джентльмена, которые стремились скрыть хищение огромного количества бесценных ювелирных украшений и золота.

Д. О'Фаррелл

1342 г. до н.э. — наши дни

РУСИЧ

Джеральд О'ФАРРЕЛЛ

Великая МИСТИФИКАЦИЯ

Загадки гробницы Тутанхамона

...Открытие гробницы Тутанхамона в действительности являлось одной из самых дерзких мистификаций в истории. Авторами этой мистификации стали два уважаемых английских джентльмена, которые стремились скрыть хищение огромного количества бесценных ювелирных украшений и золота.

D. O'Farrell

1342 г. до н.э. — наши дни

УДК 931/939
ББК 63.3 (0) 32
О 91

Серия основана в 2010 году

Публикуется впервые с разрешения автора и его литературного агента. Любые другие публикации настоящего произведения являются противозаконными и преследуются по закону.

Перевод с английского А. А. Жеребилова

О 91 О'Фаррелл Джеральд
ВЕЛИКАЯ МИСТИФИКАЦИЯ. ЗАГАДКИ ГРОБНИЦЫ
ТУТАНХАМОНА./Пер. с англ. А. А. Жеребилова. – Смоленск: Русич, 2010. – 320 с. – (Историческая библиотека).

ISBN 0283-072-938 (англ.)

ISBN 978-5-8138-0992-7 (рус.)

Человечество убеждено, что Говард Картер, обнаружив гробницу Тутанхамона, совершил величайшее археологическое открытие XX столетия. Автор книги, основываясь на ряде наблюдений, утверждает, однако, что это открытие является не чем иным, как самой дерзкой мистификацией в истории и, вероятно, величайшим ограблением, масштабы которого вряд ли возможно превзойти. Интригующее исследование автора ставит под сомнение все то, о чем поведали всему миру в свое время Картер и Карнарвон.

УДК 931/939
ББК 63.3 (0) 32

ISBN 0283-072-938 (англ.)
ISBN 978-5-8138-0992-7 (рус.)

© Gerald O'Farrell, 2001
© Перевод и оформление серии.
«Русич», 2010

ВВЕДЕНИЕ

Скажем сразу: история открытия гробницы Тутанхамона есть не что иное, как величайшее шоу, свидетелем которого стал весь цивилизованный мир в 20-х годах прошлого века. Именно тогда все слышали о юном фараоне, и всем тут же отчаянно захотелось узнать о нем как можно больше. Наука египтология, которая до тех пор считалась делом избранных и была интересна разве только кучке чудаковатых ученых, внезапно превратилась в международную «мыльную оперу», каждого эпизода которой публика ожидала с неослабевающим интересом. Обнародованная история о юноше-фараоне, содержащая притягательную и интригующую смесь тайны, спрятанных сокровищ, царственного великолепия, открыла глаза множеству людей на древнюю цивилизацию и возбудила аппетит к познанию новых фактов о ней.

Чего не знали читатели тогдашних газет, так это того, что открытие гробницы Тутанхамона, в действительности, являлось одной из самых дерз-

ких мистификаций в истории. Авторами этой мистификации стали два известных и уважаемых английских джентльмена, которые стремились скрыть от человечества хищение огромного количества бесценных ювелирных украшений и золота. Возможно, это стало величайшим ограблением из всех, совершенных до того времени, и вряд ли его масштабы кто-нибудь когда-либо сможет превзойти. После своего грандиозного открытия эти два господина – Говард Картер и лорд Карнарвон – стали считаться героями, однако материалы нашего исследования позволяют утверждать, что они всего лишь «колоссы на глиняных ногах». На самом деле, они были очень хорошими шоуменами и обманщиками, обладавшими просто потрясающими способностями и дерзостью.

Многие ученые и специалисты, которые все эти годы писали об открытии гробницы Тутанхамона, совершенно недвусмысленно намекают на то, что дела там могли обстоять не совсем так, как рассказывали Картер и Карнарвон. Однако до сих пор никто не смог осознать полного масштаба их преступления. На протяжении почти ста лет весь мир верил в историю открытия, которая практически полностью является придуманной от начала до конца и которая дала возможность Картеру, лорду Карнарвону и их сообщникам тайно обогатиться в размерах, превосходящих самые безумные мечты алчущих богатства людей.

Эти двое с такой ловкостью манипулировали средствами массовой информации и мировыми политиками, что современные медиа-магнаты и политтехнологи могут им только позавидовать той завистью. Однако в процессе этого «ограбления

века», растянувшегося почти на десять лет, они обнаружили настолько потенциально взрывоопасную тайну, что даже сами не знали, как ею воспользоваться. Скрывая правду, они, можно смело сказать, изменили ход мировой истории, и это, вполне возможно, стоило жизней миллионам простых людей; в конце концов, их, а также многих других, почти наверняка, тоже убили именно за то, что они знали.

После того рокового открытия, совершенного в 1922 году, рассказы о расхитителях пирамид и «проклятии фараона» стали частью международного фольклора, однако ни одна из этих историй не может сравниться по драматизму и необычности с тем, что в действительности происходило поблизости от древних могил, среди зыбучих песков пустыни. В этой книге я собираюсь рассказать историю о том, как Картер и лорд Карнарвон смогли выйти «сухими из воды» после столь фантастического воровства древних артефактов, и как их открытие, если бы вся правда о нем стала известна, могло изменить образ мышления всего человечества. Как мы знаем, официальная версия того, что произошло с гробницей Тутанхамона, представляет собой одно из самых волнующих и романтических повествований в истории. Однако подлинная история, поверьте мне, производит куда более потрясающее впечатление.

Впервые Египет пленил меня в 1970 году, когда вместе со своей второй женой я совершил поездку в Каир. Стоя на плато в Гизе в тени Великой пирамиды Хеопса, я пытался понять, как же ее все-таки построили, зачем, и кто были ее строите-

ли. Это стало моей навязчивой идеей. Я прочитал все, что смог достать по этой теме, и возвратился туда сразу, как только время и финансы позволили мне это сделать. В конечном итоге для меня стало очевидным, что божественный гений Имхотепа спроектировал и построил не только ступенчатую пирамиду Джосера в Саккаре, но и пирамиды на плато в Гизе для фараонов Хеопса, Хефрена и Микерина. В семидесятые годы считалось, что между этими сооружениями существует временная пауза длиной приблизительно в два-три столетия, однако с тех пор этот разрыв во времени сократился, и сегодня принято думать, что их разделяет всего лет семьдесят – семьдесят пять.

Имхотеп был первым человеком из плоти и крови, возникшим из тумана веков. Однако по мере того как Имхотеп занимал мое воображение, передо мной начинали вырисовываться очертания другого значительного исторического персонажа, появившегося на египетской сцене значительно позже. Я говорю о фараоне Эхнатоне. Этих двух великих людей разделяют почти пятнадцать веков, однако для меня они оказались неразрывно связаны. Я не мог писать об Имхотепе, не думая об Эхнатоне (этого фараона многие специалисты считают отцом Тутанхамона) и всей XVIII династии.

И если раньше я ограничился посещением Каира, то в 1994 году судьба привела меня в Луксор, в Долину царей к гробнице Тутанхамона. И снова я был озадачен тем, почему меня настолько поразила простая гробница, в которой много веков назад оказался погребен со всеми своими сокровища-

ми юный царь. Я, как зачарованный, стоял, глядя на таинственную фигуру, лежавшую в саркофаге, – единственного на сегодняшний день фараона, который был найден в собственной гробнице, где он и покоится до сих пор.

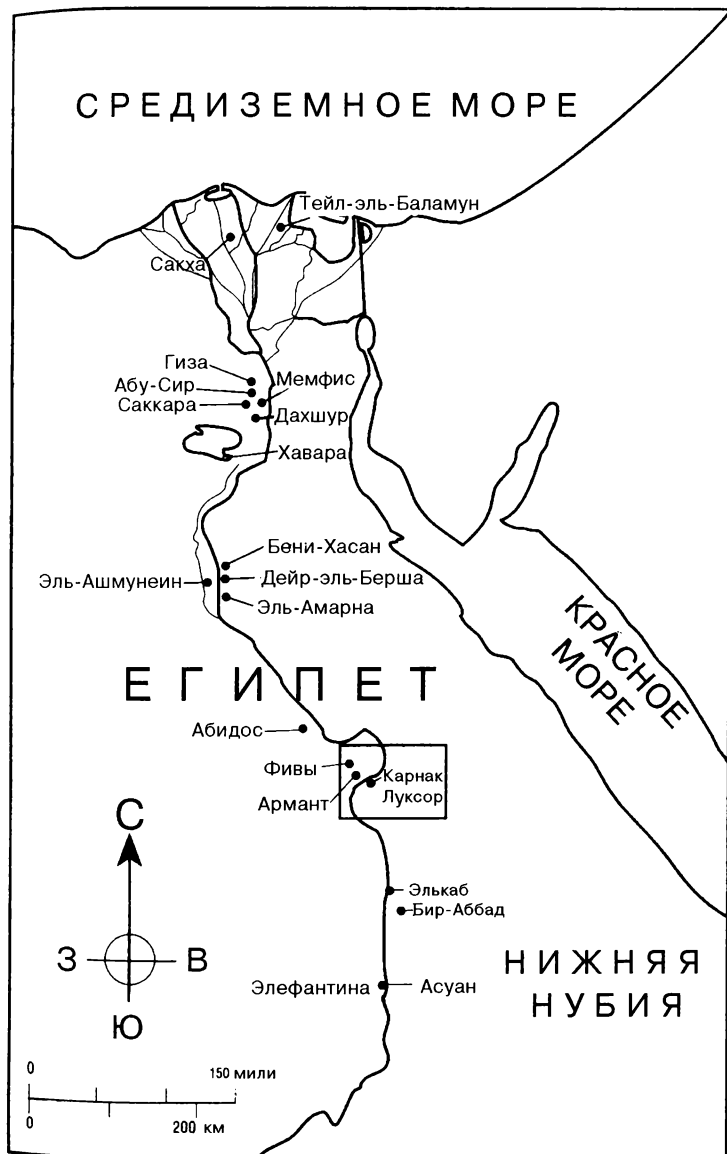
А, кстати, его ли это гробница? Едва я об этом подумал, как в голове у меня возник целый рой самых необычных пока еще разрозненных мыслей: может быть, все здесь не так понятно, как кажется на первый взгляд? Эта идея показалась мне настолько нелепой и абсурдной, что я постарался загнать ее куда-то на задворки собственного сознания, однако она не оставила меня окончательно, вновь возникла после того, как я прочитал великолепный труд Томаса Ховинга «Тутанхамон: нерассказанная история». Только тогда я понял, что вовсе не сошел с ума, а принятая версия событий, вполне возможно, неверна. И тогда я начал собирать факты.

Для несведущих напомню, что Ховинг в прошлом был директором Метрополитен-музея – организации, причастной к открытию гробницы Тутанхамона и сбору всех хранившихся в ней сокровищ. Многие из них до сих пор находятся в этом музее. Так вот, Ховинг в своей книге недвусмысленно утверждал, что не принимает официальную версию, которая была в ходу в то время. Однако мне показалось, что во всей этой истории есть что-то еще, чего он не смог открыть. В отличие от Музея древностей в Каире, в котором также находится потрясающая коллекция находок, извлеченных из гробниц в 20–30-е гг. XX в., предметы экспозиции в Метрополитен-музее начисто лишены какой-либо индивидуальности. Они ка-

жуются такими же холодными и отстраненными, как сам музей – учреждение, сыгравшее ключевую роль в деле изъятия сокровищ из многих египетских гробниц.

Ниже я излагаю историю, которую я, словно мозаику, складывал из множества кусочков, отыскивая их в различных музеях, библиотеках и частных коллекциях, а также в беседах с авторами книг, которые мне больше всего нравятся, включая и Ховинга. Мне удалось соединить различные звенья запутанной истории, длившейся на протяжении трех тысячелетий, но достигшей своего апогея в самом начале двадцатого столетия, как раз накануне смерти Зигмунда Фрейда. По моему глубокому убеждению, крайне спорные теории этого ученого в области египтологии и привели в конечном итоге к его гибели.

Карта Египта

Охота за сокровищами, какой не знала Земля

Да живет твоя душа, да проживешь ты миллионы лет, ты, кто любит Фивы, сидящий с лицом, обращенным к северному ветру, глаза твои наполнены счастьем...¹

Надпись на чаше из гробницы Тутанхамона

В наши дни, точно так же, как и в начале XX века, Долина царей прекрасна настолько, насколько может быть прекрасен вход в преисподнюю. Сама местность не слишком изменилась по сравнению с тем, как она выглядела три тысячи лет назад, или даже тридцать тысяч лет. Кажется, само время не властно над этим местом, преисполненным безграничного очарования, окутанным тайнами и загадками и внушающим безотчетный ужас тем, кто решился провести свою жизнь здесь.

Долина царей лежит в 600 километрах к югу от Каира на берегу Нила. На другой стороне реки, напротив Долины царей, находится город Луксор, который некогда носил название Фивы и был одной из величайших столиц древнего мира. Здесь, в этой пыльной, засушливой речной долине расположен один из самых замечательных древних некрополей, которые известны в мире. Во 2-м тысячелетии до нашей эры египетские рабочие вырубili в скалах этой долины гробницы, украсили их загадочными изображениями потустороннего мира и наполнили сказочными сокровищами. С величайшим уважением и непередаваемым мастерством египтяне мумифицировали тела своих усопших правителей, осыпали их драгоценностями и, окружив принадлежащими царям при жизни предметами, оставили покоиться здесь, превратив Долину в одно из самых священных мест в истории человечества.

«Само название местности преисполнено необыкновенной романтики, – пишет Томас Ховинг в своей книге «Тутанхамон: нерассказанная история». – Однако трудно вообразить более заброшенное, неприятное, жаркое, засушливое и безлюдное место на нашей планете. У самого входа в эту долину, вдали от малейших признаков жизни, были погребены уснувшие навеки тридцать величайших царей, которых только знала история Египта».²

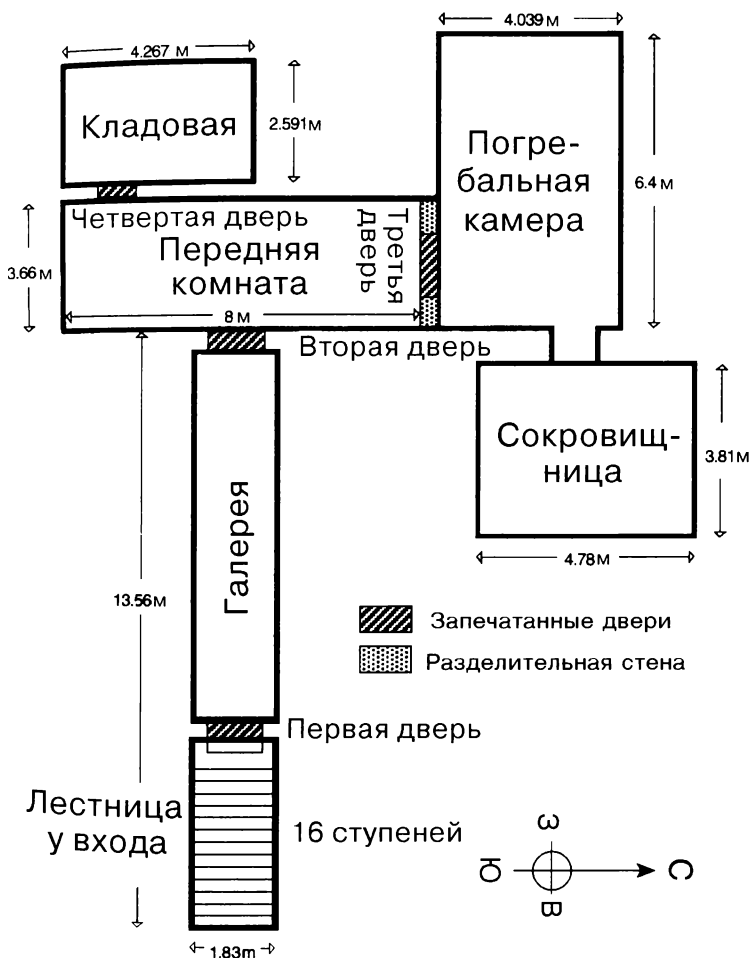
В настоящее время в Долине царей известно около восьмидесяти пяти гробниц. Двадцать пять из них принадлежат фараонам Нового царства. Оно длилось с 1550 г. до н. э. по 1319 г. до н. э., и в этот период в Египте правили величайшие влады-

ки древнего мира – Тутмос III, Рамсес II и, конечно, Тутанхамон (1333–1323 гг. до н. э.). Размеры усыпальниц различаются между собой: от простых, с прямоугольными погребальными камерами, до громадных подземных дворцов со множеством коридоров, комнат и огромными погребальными камерами, больше напоминающими дворцовые палаты. Многие из них сохранились до наших дней и входят в число самых прекрасных художественных и скульптурных памятников Древнего Египта.³

Во времена Нового царства Египет находился на пике своего могущества, а город Фивы, расположенный на восточном берегу Нила, на протяжении почти пяти столетий являлся духовной столицей страны. Шли тысячелетия, и влияние и слава этого города распространились до самых крайних пределов известного тогда мира. Гомер называл их «стовратными».⁴ Следует отметить, что Фивами город назвали греки, дав ему название по имени крупнейшего греческого города, а сами египтяне называли столицу «Васет», что в переводе означало «господство»⁵. Сейчас этот древний город носит арабское название Луксор. Впоследствии столица Древнего Египта переместилась на север, и долину окутал мертвый покой, пока во II в. до н. э. сюда не пришли греки.

На другом берегу Нила, по представлениям древних египтян, лежало царство Осириса – повелителя загробного мира. Фараоны XVIII династии именно здесь выбрали место для собственных погребений. При этом они отказались от прежней традиции строительства пирамид и взамен сделали свой выбор в пользу гробниц, вырубленных в

План гробницы Тутанхамона

Все размеры приблизительны

скальных породах. Эта негостеприимная долина расположена изолированно, поэтому ее можно было легко охранять от непрошенных гостей, но, вместе с тем, она находилась относительно недалеко от Фив, что делало ее местоположение идеальным при выборе места для нового царского некрополя. Окружающие долину горы могли напоминать древним египтянам «ахет» – иероглиф, обозначающий горизонт. Повторимся, что в настоящее время большинству туристов это продуваемое всеми ветрами ущелье на берегу Нила известно под названием «Долина царей». ⁶

Впоследствии политический и культурный центр Египта переместился на север, и почти на пять веков после того, как здесь был погребен последний фараон, долина погрузилась в поистине мертвый покой, пока до нее не добрались древние греки. Удивительно, но они появились в Долине царей как «туристы» и, вполне возможно, вооруженные «путеводителями» тех времен. Некоторые оставили на стенах и скалах надписи, например: «Я видел гробницы, сделанные с поразительным искусством, которое нельзя выразить словами».

Первое серьезное исследование о Долине царей называлось *Observation on Egypt* («Исследование Египта») и вышло в свет в 1743 году. Оно принадлежало перу англичанина Ричарда Покока, впоследствии ставшего епископом. В 1798 году в Египте высадился Наполеон Бонапарт со своей армией. Вместе с ним находились 139 лучших ученых того времени, которым ставилась задача изучить и описать историю страны и ее географию. Итогом деятельности этой экспедиции стал научный труд под

названием *Description de l'Egypte* («Описание Египта»), опубликованный с 1809 по 1816 год и высоко ценимый в среде ученых. Находка Розеттского камня открыла перед исследователями возможность расшифровать египетские иероглифы (что и произошло спустя несколько лет), и египтология впервые в Западной Европе стала необычайно модной, правда, пока еще только в среде богатых и образованных европейцев.

Артур Вейгалл, знаменитый археолог начала XX столетия и личность, которая занимает важное место во всей этой истории, придерживался того мнения, что будущим египтологам лучше самим посетить Египет, чем дожидаться, пока Египет «приедет» к ним в виде музейных экспозиций. Он сокрушается:

Крайне недальновидна политика некоторых европейских и американских музеев, желающих любой ценой разместить египетские и другие восточные древности перед взорами западных студентов для того, чтобы те имели удовольствие с комфортом изучать, практически не выходя из дома, чудеса тех стран, для посещения которых они не хотят предпринимать никаких усилий. Нисколько не сомневаюсь, что бесцеремонный вывоз уникальных памятников из Египта есть наиболее губительный образец глупости, который только можно встретить во всех безобразиях современной египтологии.⁷

Артур Вейгалл был не единственным, кого ужасал стиль работы тогдашних исследователей. Известный путешественник XIX в. и переводчик

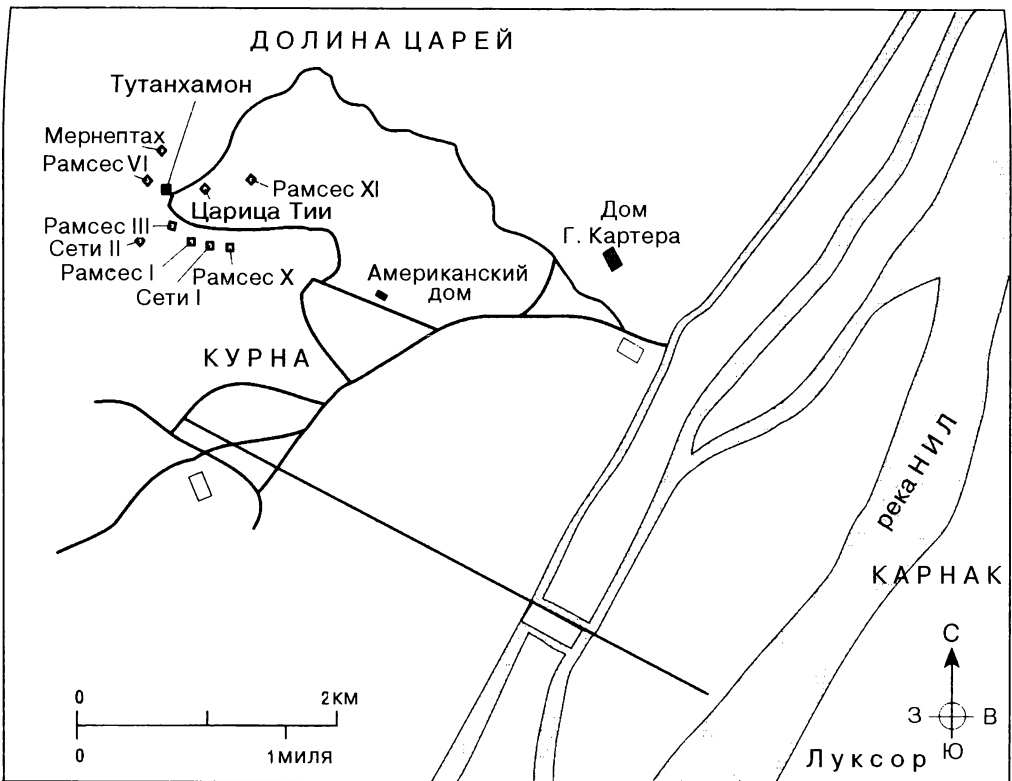
«Арабских ночей» сэр Ричард Бертон писал: «В прошлом, как и сейчас, земли Нила стали источником безудержного ограбления. Огромные состояния возникали благодаря находкам даже не золота, а просто древностей; места археологических раскопок превратились в поля битвы двух враждующих армий – драгоманов и местных жителей-феллахов».⁸

В 1877 году в своем труде «Египет как он есть» Дж. Маккоэн пишет: «Торговля костями занимает ведущее место в экспорте из Египта... Ежегодно ее объемы достигают десяти тысяч тонн...»⁹

Ему вторит сэр Фредерик Хенникер: «Здания и сооружения, пережившие нашествия варваров, не смогут устоять перед натиском современных цивилизованных ценителей прекрасного и алчностью антикваров».¹⁰

Итальянский инженер Джованни Батиста Бельцони, некогда зарабатывавший себе на жизнь выступлениями в цирке под псевдонимом «Силач Самсон из Патагонии», прибыл в Египет в 1815 году, собираясь заняться торговлей водяными насосами. Не сумев ничего заработать на этом деле, он попал в поле зрения английского генерального консула Генри Солта, который нанял его для транспортировки по Нилу гигантской головы Рамсеса II, которую предполагалось отправить затем в Лондон. Успешно выполнив задание Солта, Бельцони решил заняться изучением древностей и сумел открыть несколько важнейших гробниц, среди которых были захоронения Рамсеса I и Сети I. В итоге Бельцони прославился, а очень многие решили пойти по его стопам.

Долина царей

В отличие от многих наиболее значимых природных и исторических памятников Земли Долина царей не испытала на себе урбанистического вмешательства, даже невзирая на тот поистине огромный интерес, который испытывал к ней весь цивилизованный мир. Фивы могли превратиться в современный Луксор, однако город так и не перешагнул на другой берег Нила и не вторгся на территорию священного некрополя. Долина царей по-прежнему остается одним из самых жарких и безлюдных мест на планете, она все так же открыта всем ветрам. На фоне этого сурового пейзажа каждое утро возникают небольшие группы торговцев, продающих открытки и всякие безделушки туристам, желающим что-нибудь оставить себе на память о том, что они побывали в этом мистическом месте. Растительность на западном берегу, которую питают воды Нила, в наши дни заканчивается примерно в том же месте, на которое некогда ступили археологи, сделавшие самые известные открытия. По-прежнему в долину можно попасть только по одной дороге, которую было легко охранять, и другого выхода из долины нет, если только вы не решите прорубаться сквозь окружающие ее горы, обожженные безжалостными лучами палящего солнца и от этого приобретшими странные розовато-золотистые цвета.

Когда оказываешься здесь, трудно представить, что это именно то место, где древние жители Фив построили гробницы, подобные тем, которые встречаются в других частях Египта, но по своим монументальным масштабам превосходят все, что

только можно где-либо увидеть. Здесь, среди раскаленного песка и пыли, находятся места последнего упокоения величайших фараонов. Их невозможно увидеть, находясь на поверхности, однако наше воображение позволяет их представить со всей отчетливостью. В этом районе египтологами обнаружено более восьмидесяти гробниц и захоронений, однако никто не сможет знать, сколько подобных памятников остается пока неоткрытыми, а скольким из них уготована участь оставаться в безвестности целую вечность. Покой их владельцев никто и никогда не потревожит. И до сих пор никто не знает, какие сокровища еще могут находиться в этих спрятанных от посторонних глаз гробницах. Собственно, именно это и привлекает большинство наших современников. Практически каждый в детстве грезил о спрятанных сокровищах, и мечты найти их не оставляют нас даже тогда, когда мы становимся взрослыми.

С течением времени детские грезы о пиратских кладках, зарытых в зыбучих песках на необитаемых островах, уступают место более взрослым фантазиям. Некоторые из нас опускаются в пучины океана в поисках затонувших кораблей и их драгоценного груза, другие все свое свободное время тратят на то, чтобы бродить по окрестностям с металлоискателем. Как только вы увидите кого-нибудь в наушниках, сосредоточенно рассматривающего землю у себя под ногами, так можете смело утверждать, что это подобный кладоискатель, надеющийся обнаружить потерянную когда-то древнюю монету или что-то в этом роде.

Некоторые проводят долгие годы, намывая

горы песка в поисках золотых самородков, другие ныряют под воду, стремясь найти раковины с драгоценными жемчужинами, третьи роются в заброшенных шахтах Австралии, где, как говорят, до сих пор можно найти опалы. Сотни любителей легкого обогащения бродят по всей поверхности земного шара, желая отыскать залежи нефти; они обшарили практически все чердаки, надеясь обнаружить утерянные шедевры мирового искусства. Одним словом, для тех из нас, кто хочет начать охоту за удачей, не прилагая к этому особых усилий, всегда остается возможность приобрести лотерейный билет в надежде, что он покажет нам, где судьба припрятала драгоценный приз. Можно смело утверждать, что никто из нас не свободен от подобных мечтаний.

Однако самой большой наградой, конечно, могут считаться сокровища фараонов, поскольку их найти может лишь тот, кому под силу выдержать суровые испытания пустыней, и кто окажется достаточно умен, чтобы понимать, что именно он ищет. Поиск сокровищ фараонов – это экзамен на выносливость и интеллект, но тому, кто его выдержит, достанется награда, которая сторицей воздаст за все мучения.

Собственно, уже давно широко известен факт, что фараонов хоронили со всеми богатствами, которые им принадлежали при жизни, с тем, чтобы там, в загробном мире, владыки ни в чем не испытывали неудобств. Содержимое гробниц также часто описывается в древних текстах. И если уж говорить о содержимом, то, прежде всего, в гробнице должна находиться мумия самого фараона. На

лице у него должна быть посмертная золотая маска, дающая представление о том, как фараон выглядел при жизни, а на теле у него обычно всегда имелось множество украшений из золота и драгоценных камней. Мумия помещалась в гроб, который находился в другом гробу, а тот, в свою очередь, еще в одном. Каждый из них был более крупным по размерам, а все они находились в каменном саркофаге. Гробы покрывались позолотой, а иногда целиком изготавливались из золота. Саркофаг украшался резьбой, особенно его крышка, а сам он также мог находиться внутри нескольких более крупных деревянных ковчегов, также позолоченных.

Вокруг усыпальницы, в погребальной камере, а иногда и в прилегающих помещениях находилось множество всевозможных предметов, которые могли понадобиться усопшему правителю во время путешествия в загробном мире. Они подчеркивали, насколько важной персоной умерший был в мире смертных, а также должны были показать, что и после своей смерти повелитель заслуживает не меньших почестей. Кроме того, близ саркофага устанавливались позолоченные фигуры слуг и стражей в натуральную величину, а также большое количество более мелких статуэток. В гробницу помещались колесницы и лодки, на которых фараону предстояло путешествовать после своей смерти. Рядом помещались прекрасные резные ложа и другие предметы повседневного обихода: одежды, мебель, музыкальные инструменты, игры, благовония и всевозможные притирания, корзины, коробочки, сундуки, лампы и

письменные принадлежности, оружие, столовые приборы, еда и еще масса всего, что только могло понадобиться фараону для комфортного существования в вечности. В процессе мумификации внутренние органы умершего вынимали из тела и помещали в отдельные сосуды, которые запечатывали особыми печатями и также оставляли в гробнице.

Приготовления к смерти фараона начинались задолго до его кончины, причем зачастую предметы из одной гробницы изымались для того, чтобы послужить другому владыке, умершему позже. Эта практика доставляет массу хлопот современным археологам, когда они пытаются разгадать, кому же все-таки принадлежала та или иная гробница. Практически сразу после восшествия на трон фараон обычно решал, где будет находиться место его последнего упокоения. Вместе со жрецами он на протяжении всего своего времени правления следил за строительством и украшением усыпальницы. А все работы, как правило, выполнялись жителями Дейр-эль-Медины – населенного пункта, расположенного по ту сторону гор, окружающих долину. Ежедневно на заре сюда прибывала целая армия зодчих, каменотесов, штукатуров, живописцев, которые, работая совместно, и создавали эти удивительные произведения искусства.

Наше воображение услужливо предлагает нам заманчивые картины, иллюстрирующие эти общеизвестные факты, и самые лежковерные тут же приходят к заключению, что все это громадное количество золота и драгоценных камней, надеж-

но сокрытое во мраке гробниц, только и дожидается, когда его обнаружат самые находчивые и смелые из нас. Прямо скажем, были времена, когда подобные фантазии имели под собой реальную почву, однако с каждым новым открытием в Долине царей увеличивается и вероятность того, что оно будет последним. К тому же, как это часто бывает с мифами о том, что обогатиться легко, и в этом случае все обстоит далеко не так просто, как кажется. Во времена любой золотой лихорадки большинство мечтающих о легком обогащении людей вынуждены довольствоваться очень незначительными находками, которые они, впрочем, тут же безрассудно теряют, поддавшись эйфории. А ведь следует помнить: как природа тщательно прячет свои богатства и залежи драгоценных минералов, так и древние египтяне крайне тщательно следили за тем, чтобы их сокровища оказались надежно скрыты от постороннего внимания. Те, которые были спрятаны менее тщательно, оказались разграблены уже через триста лет после сооружения гробниц.

Более того, поиск сокровищ всегда напоминает своеобразное соревнование. В начале XX в. очень многим хотелось урвать хоть кусочек тех сокровищ, которые могла скрывать пустыня близ Нила. В числе желающих находились и просто бандиты, жаждавшие стремительно обогатиться, и даже члены правительства, стремившиеся защититься от чужих посягательств ценности, принадлежащие народу, будущим поколениям, а может быть, и им самим. На том историческом этапе, когда западноевропейцы (чаще всего, ан-

гличане) колесили по всему миру, полные опасностей путешествия в далекие страны были тем, о чем мечтали все молодые люди, в особенности те из них, у кого имелись деньги и положение, чтобы следовать этой моде. И так же, как они отправлялись навстречу приключениям в Индию и Африку, так самые предприимчивые из них плыли в Египет на поиски запряганных сокровищ.

Египет привлекал наиболее образованных путешественников как безграничными возможностями отыскать золото, так и желанием соприкоснуться с историей в месте, самым тесным образом связанном с нею. Основной мотив, заключавшийся в обыкновенной погоне за сокровищами, мог быть оправдан значительно более высокой целью – археологическими исследованиями. Однако состоятельные путешественники из развитых стран, стремившиеся дать пищу интеллекту, были не единственными людьми, отправлявшимися на поиски сокровищ. Кроме них имелось огромное количество египтян – жителей окрестных деревушек, которые на протяжении многих поколений зарабатывали себе на жизнь тем, что могли здесь найти. Для них поиски древностей представляли собой такое же обычное занятие, как, скажем, для центральноафриканских племен охота на антилоп или слонов с целью торговли шкурами и слоновой костью. Все мы помним, как фермеры в Техасе старались перекопать каждый дюйм своей земли в надежде отыскать нефть. Так и египтяне, жившие в окрестностях Долины царей, постоянно искали что-нибудь из

спрятанного древними жителями этих мест. И порой им, действительно, попадались отдельные предметы, вынесенные на поверхность земли сдвигами почвы, либо разливами, а иногда удавалось случайно наткнуться на новый склад драгоценностей, запрятанный среди множества гробниц.

Разграбление царских захоронений в этих местах продолжалось на протяжении тысячелетий. Люди подобно кротам врывались в землю, едва только замечали, как там что-то блеснуло под яркими лучами солнца. Конечно, самым желанным призом оказывалось золото в любом виде, или какие-нибудь драгоценности, которые можно было продать либо целиком, либо по кусочкам. Царственные останки для грабителей не представляли интереса, за исключением тех мумий, на которых могли находиться какие-нибудь украшения, а сами мумии безжалостно вышвыривались прочь. Впрочем, тут следует отметить, что хотя все это варварство длилось на протяжении тысячелетий, самый пик его приходится все же на то время, когда на этих землях появились захватчики, а исконные жители смешались с ними и просто исчезли как народ.

Надо сказать, что представители местного населения, чьи предки множество поколений подряд жили в этих местах, были настоящими экспертами в деле поиска сокровищ. Они могли не понимать исторической значимости своих находок, и не знали, кто их сделал, однако очень хорошо представляли, сколько все это стоит на местном рынке. Они прекрасно знали, что неко-

торые находки отправятся из местных лавчонок на прилавки богатых антикварных магазинов, чтобы оттуда перебраться в собрания коллекционеров, а другие будут тайно перепроданы из-под полы, из-за полуоткрытых дверей с многозначительными перешептываниями и перемигиваниями.

Когда в Египет приезжали английские джентльмены из викторианской Англии, или из Англии времен правления Эдуарда VII, или их коллеги-соперники из Франции, или стремительно разбогатевшие американские нувориши, все они первым делом старались посетить магазинчики, торговавшие именно такими трофеями. Европейские ученые пытались побольше узнать об истории здешних мест, восхищались местными произведениями искусства, стараясь при этом увести к себе домой все находки, которые удавалось тут раздобыть. И, несмотря на всю эту бурную деятельность, египтология как наука по-прежнему оставалась в зачаточном состоянии, любительской во многих своих аспектах. Все то немногое, что было известно о Египте времен фараонов, отличалось крайней запутанностью информации. Времена фараонов назывались «загадочной эпохой», и авторы, которые отваживались писать о ней, предлагали совершенно различные варианты «правды» об этом периоде истории страны.

Автор книги «*Забывтые фараоны*» (*The Lost Pharaohs*) Леонард Коттрелл писал: «И в заключение стоит строго предупредить начинающих египтологов, которые собираются путешествовать в бурных морях этой науки, что там имеют-

ся очень опасные водовороты...»¹¹ Затем он приводит целый список некоторых противоречащих друг другу утверждений, сделанных за многие годы различными «экспертами». Кроме того, следует отметить, что археологи, приезжавшие в Египет из «цивилизованных», как они сами считали, стран, в своей погоне за сокровищами наносили им вред ничуть не меньший, чем местные грабители. Наиболее чувствительные из ученых сами приходили в ужас при виде того, что здесь происходило.

Основательница Общества по изучению Египта Амелия Эвардз в 1877 году опубликовала книгу *«Тысяча лет на Ниле»* (*A Thousand Years up the Nile*), в которой выражала сожаление по поводу того, каким образом там ведутся работы. «Мы пришли в ужас от этого зрелища, – писала она, – однако очень скоро очерствели настолько, что научились рыться в хламе среди запыленных могил, испытывая при этом не больше трепета, чем банды охотников за мумиями. Это такой опыт, о котором люди впоследствии вспоминают с изумлением и некоторой долей стыда, однако всеобщее огрубление, царящее там, столь заразительно, а страстное желание отыскать какую-нибудь древность настолько захватывает, что, не сомневаюсь, окажись мы снова в той же ситуации, то опять поступали бы точно так же»¹².

Известный археолог сэр Флиндерс Питри был потрясен не меньше. В своей автобиографичной книге *«Семьдесят лет в археологии»* он пишет об одном французском археологе, работавшем в царских гробницах Абидоса, который «...не

имел никаких планов раскопок и хвастался, что топит кухню деревянными изделиями времен Первой династии». ¹³ Питри жаловался, что этот «исследователь» все свои находки раздавал своим финансовым партнерам в Париже, которые затем распродавали их на аукционах. «Похоже, все тут делается совершенно бессистемно, без какого-либо плана, – сокрушается Питри. – Работы начинают, а затем прекращают, не доведя до конца, никакого внимания не уделяется потребностям тех, кто будет изучать эти места в будущем. Здесь не используются цивилизованные орудия труда, которые могли бы облегчить работу, но обходятся теми, что имеются в наличии у местных жителей; песок насыпают в маленькие корзины, а потом его выносят детишки на своих головах. Отчаяние охватывает при виде масштабов того, как все здесь уничтожается и как мало делается для сохранения уникальных памятников... Поистине, все, что угодно, будет лучше, чем просто оставить все, как есть, дожидаясь его полного уничтожения. Лучше разграбить половину сокровищ в надежде сохранить другую половину, чем оставить все для уничтожения...» ¹⁴ Позже он писал: «Никто даже не задумывался о науке описания и систематизации результатов наблюдений; все это не имело значения, если только речь не шла о древних надписях или статуях. За год работы в Египте у меня создалось впечатление, что я нахожусь в доме, охваченном огнем, настолько стремительно там все уничтожалось. В этих условиях мне приходилось делать все то, что делает человек, стре-

мящийся спасти горящее имущество: постараться как можно быстрее собрать все, что только возможно, а уже потом, когда мне исполнится лет шестьдесят, можно будет спокойно сесть за письменный стол и попытаться описать. Таково реальное положение дел».¹⁵

Если египтология приводила в замешательство даже тех, кто ею занимался, то для обычной публики она казалась еще более непонятной, поэтому общественность в целом проявляла не слишком большой интерес даже к самым значительным открытиям в этой области науки. Так продолжалось до 1923 года, когда изумленному двадцатому веку после почти трех тысяч лет покоя и забвения из своей мирной подземной обители явился один из самых известных исторических персонажей всех времен.

Сегодня, если вы посетите гробницу Тутанхамона, то окажетесь в маленькой подземной комнате, где лежит невзрачное тело юного царя, освобожденного от всего своего некогда огромного имущества. Часто можно услышать, как посетители жалуются из-за того, что за деньги, которые у них забрали у входа в гробницу, они могут увидеть слишком мало: лишь древние останки мальчика, о котором, в сущности, ничего не знают, да великолепную золотую маску, ставшую всемирно известной.

Но удивительно вот что: этот мальчик был одним из самых особенных людей в истории человечества, а может быть, и самым особенным. История его короткой жизни облетела практически весь мир, в котором мы живем. А сам он, между

тем, остался в своей гробнице лишь для того, чтобы мы могли прийти поглазеть на него и испытать разочарование от увиденного. Куда подевались сказочные признаки власти и богатства, о которых мы все слышали? Как столь значительная история могла зародиться в таких маленьких жалких помещениях?

Совершенно другую картину можно наблюдать примерно в 600 километрах отсюда, в Каирском музее. Там у посетителей дух захватывает при виде чудес, выставленных в витринах. Именно эти сокровища всего восемьдесят лет назад еще окружали одинокого юношу в забытой всеми гробнице, оберегая от опасностей, подстерегавших его в загробном мире. Теперь они, закрытые стеклом и ярко освещенные, выставлены вдали от того места, где к ним более трех тысяч лет не проникал ни один солнечный луч.

Красоту и роскошь того, что было обнаружено в гробнице Тутанхамона, трудно представить и осмыслить, если не увидеть все это собственными глазами. Обилие золота просто ослепляет, однако у посетителей музея замирает сердце и при виде изящных безделушек, изготовленных древними ремесленниками. Эти изделия были созданы лучшими мастерами древности для царей, которых почитали как живых богов. Они служили не только культовым целям, но и были призваны подчеркивать значение того, кому они принадлежали. Каждый артефакт, каждый предмет мебели был любовно покрыт тончайшей резьбой и позолотой, с предельным тщанием ук-

рашен инкрустациями, поражающими наше воображение. Все эти вещи представляют собой ярчайшую демонстрацию богатства и могущества, равных которым не встречалось в истории. И еще никогда ничего подобного не доходило до нас в столь хорошо сохранившемся виде.

Следует упомянуть, что подобные экспозиции, содержащие предметы из гробницы Тутанхамона, находятся еще, по крайней мере, в десяти музеях по всему миру. Все они содержат не менее великолепные образцы искусства, роскоши и богатства. Если бы их удалось когда-нибудь собрать в одном месте, эффект мог бы оказаться просто потрясающим. А ведь нам говорят, что это менее половины того, что положили вместе с юношей-фараоном в гробницу после его смерти. Примерно шестьдесят процентов сокровищ, как считается, были разграблены еще в древности. И всякому, кто видит эти музейные сокровища, должна прийти в голову мысль о том, что этот молодой человек, наверняка, был кем-то экстраординарным и, возможно, более великим правителем, чем мы привыкли думать.

Когда в 70-х годах XX в. сокровища Каирского музея отправились в путешествие по всем крупнейшим европейским столицам, миллионы людей выстраивались в гигантские очереди, чтобы посетить эту великолепную выставку и восхититься мастерством древних египтян. Поистине это было потрясающее мировое турне, с которым не идут ни в какое сравнение выступления звезд современной эстрады. Ни до, ни после того мир не видел ничего подобного. Через три тысячи лет после смерти юно-

го фараона имя Тутанхамона было у всех на устах. Бесстрастные образы, запечатленные на резьбе, покрывавшей золотой гроб, и посмертная маска фараона стали знакомы каждому, потому что оказались растиражированы миллионами газет и журналов и появлялись на экранах телевизоров.

Однако кем же он был? И почему после многих веков забвения он внезапно превратился в одну из самых известных личностей древней истории?

II

Значение Тутанхамона

Разгадка тайны его жизни постоянно ускользает от нас – тени колеблются, но тьма не рассеивается никогда.¹

Говард Картер

Ко времени открытия его гробницы Говардом Картером в 1922 году, люди практически ничего не знали о Тутанхамоне, да и не особенно хотели знать. Вряд ли подобное имя могло задержаться в памяти учеников или их учителей в отличие от таких имен, как король Артур, Вильгельм Завоеватель, Александр Македонский или Аттила.

Для тех немногих, кто о Тутанхамоне все-таки слышал, он был одним из наиболее незначительных фараонов. Отчасти потому, что его правление длилось очень недолго (вероятно, всего лишь около десяти лет) и умер он в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет, отчасти потому, что его гробни-

ца оказалась надежно сокрыта от потомков. Кроме того, более поздние правители постарались сделать все возможное, чтобы его имя вместе со всеми членами его семьи вообще исчезло из истории.

*Это скульптурное изображение Тутанхамона
выполнено из раскрашенного дерева и гипса*

Среди исследователей считалось общепринятым мнение, что Тутанхамон был чисто номинальным владыкой: по их мнению, этот молодой человек унаследовал титул фараона, однако на протяжении всей его жизни страной правил регент. Считалось также, что его, скорее всего, убили, но никто, кроме самых дотошных ученых, особенно не интересовался деталями этой истории. Словом, как выразился однажды Говард Картер, человек, который в нашем повествовании будет играть центральную роль: «Самым примечательным событием в его жизни было то, что он умер и был погребен». Согласитесь, не слишком многообещающий материал для того, чтобы стать одной из самых заметных фигур древней истории.²

В 1907 году египетское правительство приняло решение провести значительные мелиорационные работы в Дельте Нила, с тем чтобы развивать там сельскохозяйственное производство. С этой целью планировалось увеличить на 7 метров высоту Асуанской плотины, а это означало затопление Нубийской пустыни на площади примерно в 250 км в длину и один километр в ширину по обоим берегам Нила. Это, в свою очередь, ставило под угрозу затопления большое количество древних захоронений и останков. Поэтому египетское правительство поручило сэру Грэфтону Элиоту Смитту из Медицинской школы в Каире провести работы по раскопкам и консервации находок. Выбор чиновников был не случаен, так как на тот момент Смит обработал тысячи найденных останков древних египтян. Этот ученый отличался дотошностью, от его внимания не ускользала ни одна мелочь. Изучив сотни оказавшихся в его распо-

ряжении черепов, Смит сделал вывод, что многие из них принадлежат не только египтянам, но и пришельцам из юго-восточной Европы, которых он посчитал относящимися, по всей вероятности, к «арменоидной расе».

В 1912 году ученый писал:

У пришлых народов имеется много замечательных черт, резко отличающихся от тех, что встречаются у коренного населения Египта и Нубии. По росту их различия не составляют сколько-нибудь заметной разницы, однако черепная коробка короче и значительно шире, чем у местного населения. Нос намного более узкий, сильнее выступает, и переносица более высокая, чем у египтян или нубийцев, а по сравнению с последними и более прямая. Глазные впадины у пришлого населения отличаются большими размерами и во многих случаях далеко расположены друг от друга... однако лучше всего отличительные черты просматриваются на такой части скелета, как нижняя челюсть. В этом случае характерные особенности позволяют с первого взгляда отличить останки, принадлежащие пришельцам, от останков египтян, нубийцев и других африканских народов, даже если невозможно подвергнуть анализу другие части скелета.³

Элиот Смит пришел к заключению, что пришедший в Египет народ был более чем достаточно развит, чтобы возвести те удивительные сооружения на берегах Нила, которые поражают весь мир, а величайшие владыки этого народа лежат под землей в скрытых гробницах Долины царей. Никто не

знает, что это был за народ – голубоглазый и светлокожий, невозможно даже ответить на вопрос, откуда пришли эти люди, и это еще больше сгущает атмосферу таинственности, окружающую их, и порождает все новые и новые мифы. Принято считать, что по своему антропологическому типу они должны относиться к кавказским народам.⁴ Впрочем, археологи, работавшие в начале XX в., ничего об этом не знали и значительно больше интересовались поисками гробниц самых знаменитых царей, правивших на протяжении почти пятисот лет в периоды правления XVIII, XIX и XX династий. Исследователи испытывали благоговейный трепет от имен Эхнатона и Рамсеса Великого, но никак не от Тутанхамона.

Сам Тутанхамон относится к правителям выдающейся XVIII династии, все фараоны которой погребены в Долине царей. Во многих случаях их гробницы, за исключением принадлежавших Рамсесам, были надежно спрятаны и почти недоступны ранним исследователям. Одна из причин того, почему о юном фараоне знали так мало, заключалась в том, что практически ничего из сокровищ, находившихся в его гробнице, не попало на прилавки антикварных лавок до самого начала XX в. Поэтому и торговцам не было смысла что-то рассказывать покупателям об этом фараоне. В самом деле, если нет товара, то незачем что-то сочинять для повышения спроса. Но в том-то и дело, что «товар» имелся. Он лежал себе под толщей скальных пород подобно некоей исторической бомбе, ожидавшей детонации, и лишь один или два наиболее просвещенных исследователя знали об этом.

О Тутанхамоне было известно лишь то, что он

либо взошел на трон после фараона Семнехкара, который был его братом, либо унаследовал престол от своего отца Эхнатона. О Семнехкара тоже имеется не слишком много сведений, но Эхнатон прославился как очень сильный правитель, который, однако, вверг страну в хаос, заставив народ отказаться от традиционного пантеона богов и установив культ единого бога Солнца Атона. Для того времени это было крайне радикальным нововведением, которое многие рассматривали как ересь, но многие исследователи считают, что иудейская идея единобожия, а следовательно, и христианство с исламом, берут свое начало именно в этой реформе. При этом если сам Эхнатон поклонялся единому богу, то все остальные его подданные должны были по-прежнему считать богом и фараона.

Среди многих ученых бытует мнение, что, в отличие от Эхнатона, Тутанхамон оказался слабым правителем.⁵ Однако как сын Эхнатона он почитался одновременно и сыном бога, а затем ему и самому предстояло стать живым богом. Кстати, слово «мессия» является производным от египетского «мессер» – крокодил, поскольку при восшествии на трон фараонов помазывали крокодильим жиром так же, как позже королей и царей помазывали на царство священным маслом.⁶ Словом, исследователи, пришедшие в Долину царей три тысячелетия спустя после смерти Тутанхамона, могли считать его незначительной фигурой, однако для людей, которые его хоронили, он, несомненно, являлся чрезвычайно важной персоной.⁷ Об этом говорит и тот факт, что когда его саркофаг открыли, на груди Тутанхамона обнаружили два золотых венка, перевязанных узлом. Простые

цари обычно имели только одно подобное украшение. Следовательно, во времена его погребения кто-то верил в то, что этот неприметный юноша является настоящим богом.

Сегодня по-прежнему остается загадкой, кто был матерью этого юноши, но наиболее широко распространено мнение, что это Кийя – одна из жен Эхнатона. Вероятно, она была «фавориткой» царя, так как в Египте в ее честь строились храмы и святилища. На некоторых барельефах она изображена с ребенком, однако нет уверенности, что это именно Тутанхамон.⁸

Эхнатон и его самая известная жена Нефертити имели пять дочерей, и вторую по возрасту звали Анхесенпаатон. Она была несколько моложе Тутанхамона и к тому же приходилась ему наполовину сестрой, но это не помешало ей стать его женой. У юной пары, вероятно, родилось двое детей, умерших в младенчестве, поскольку в гробнице Тутанхамона были обнаружены две детских мумии.

Когда он стал фараоном, ему на тот момент исполнилось всего восемь-девять лет, поэтому, скорее всего, страной от его имени правили вельможи, занимавшие высокие посты при дворе. Одним из них был великий визирь Эйе, который, по мнению некоторых историков, являлся отцом Нефертити. Вполне вероятно, что именно Эйе и решал, кого допускать к юному царю, а кому следует отказать.

Поскольку у Тутанхамона и его супруги не осталось детей, после смерти молодого повелителя фараоном стал сам Эйе, а через четыре года ему наследовал один из величайших полководцев

Древнего Египта Хоремхеб – первый правитель XIX династии. Новый фараон тут же сделал все, чтобы уничтожить следы правления Эхнатона, а также малейшие упоминания о Семнехкара, Тутанхамоне и Эйе. Он запретил упоминать в текстах их имена, приказал разрушить воздвигнутые ими храмы, разбил статуи своих предшественников, а также повелел уничтожить все барельефы, выбитые по их приказаниям.⁹ Таким образом, всего через пятьдесят лет после смерти Эхнатона и сам фараон-реформатор, и Тутанхамон, и Эйе исчезли из всех надписей, словно они никогда и не существовали на свете. Образно выражаясь, их вычеркнули из исторических сочинений еще до того, как те были написаны.¹⁰

Поскольку Тутанхамона вычеркнули из списка правителей, то прошло не так уж много времени, и его имя оказалось совершенно забыто современниками. Грабители пирамид ничего о нем не слышали и, естественно, даже не пытались искать его гробницу. Вполне вероятно, что даже фараоны, которые правили позже, не знали о его существовании. Так, например, когда два столетия спустя Рамсес VI приказал соорудить себе гробницу, он, видимо, не представлял, что собирается устроить свое загробное жилище прямо напротив замурованного входа в гробницу юного царя. Единственными свидетельствами существования Тутанхамона остались лишь скромные фрагменты надписей, которые египтологи изредка находили в пустыне. Однако не удавалось обнаружить ничего настолько значительного, чтобы хоть кто-то мог заподозрить, что скрывается под толщей скальных пород.¹¹

К началу XX в. было общепризнано, что Долина царей полностью себя исчерпала, и все сокровища, которые можно было тут обнаружить, уже найдены. Однако наиболее стойкие ученые и ис-

*Долина царей во времена Картера и Карнарвона.
В центре – вход в гробницу Тутанхамона.*

катели приключений, среди которых особенно выделялся своим упрямством один молодой англичанин по имени Говард Картер, продолжали охотиться за древностями в этой местности. Эти энтузиасты лелеяли надежду, что смогут найти могилу малоизвестного юноши-фараона, и она расскажет все, что им хотелось бы знать об обычаях того времени. Правда, они и сами мало представляли, что они откроют, если все же удастся определить, где находится гробница Тутанхамона. Им просто хотелось продолжать поиски.¹²

Многие, включая и английские власти, считали эту бесконечную гонку за сокровищами чистым донкихотством, столь же бесполезным занятием, как и поиски снежного человека в Гималаях или попытки обнаружить доисторического динозавра в озере Лох-Несс. Однако никто не мог запретить мечтателям мечтать. К началу XX столетия двое из них, наиболее энергичные – Говард Картер и лорд Карнарвон, – как раз собирались объединить свои усилия и начать творить историю.

III

Говард Картер – не совсем джентльмен

Мистер Картер – неплохой парень, который интересуется, главным образом, живописью и естественной историей... Мне нет смысла использовать его на раскопках...¹

Профессор У.М. Флиндерс Питри

Когда молодой человек по имени Говард Картер, выходец из английской семьи, принадлежавшей к среднему классу, впервые прибыл в Луксор, вряд ли кто-то мог предположить, что однажды он эффектно войдет в историю как самый удачливый египтолог.

Картер родился 9 мая 1874 года в южном пригороде Лондона Патни, известном своим гребными клубами, однако детство он провел в городке Суоффем, графство Норфолк. Его отец, художник, зарабатывал на жизнь тем, что писал портреты животных – питомцев местных джентри, а также

рисовал иллюстрации для Illustrated London News. Говард был самым младшим из его одиннадцати детей, а отцовские доходы были крайне ограниченными. Поскольку семья не могла себе позволить послать мальчика в школу, младший Картер обучался дома; позже он на протяжении всей своей жизни горячо сожалел о том, что не получил достаточного образования. Впоследствии он как-то написал: «Говорят, что природа отправляет некоторых из нас в мир ужасно неподготовленными».²

Юный Говард успешно усвоил первые уроки живописи от своего отца и вскоре мог с огромной точностью изобразить, как выглядит то или иное животное, деревенский дом или сельская улица. Правда, следует признать, что его работы, холодные, бесстрастные и безукоризненно выполненные, не несли на себе печать подлинного мастерства. Благодаря живописи семья Картер пользовалась определенной известностью в среде местного мелкопоместного дворянства, однако сама она к этому классу не принадлежала. И это с самых ранних лет оказывало глубокое влияние на формирование характера Говарда. Дело в том, что в конце XIX в. сословная система в Великобритании казалась застывшей и незыблемой, и мало кому из тех, кто не мог похвастаться знатными предками, удавалось пробиться наверх. Не имелось никаких причин предполагать, что Говард в этом смысле станет исключением.

Однако затем судьба улыбнулась ему. Молодой профессор из Египетского музея древностей Перси Ньюберри как-то посетил в Норфолке свою хорошую знакомую, будущую леди Амхерст Хакни, и сказал, что ищет человека, который помог бы

ему с выполненных в Египте рисунков находок сделать зарисовки иероглифов и различных исторических памятников. Баронесса Амхерст предложила профессору кандидатуру юного Говарда Картера: тот ранее выполнил для нее несколько живописных работ, которыми она осталась довольна. Это была редкая возможность для молодого человека. В Англии той поры выходцам из среднего класса порой удавалось улучшить собственное социальное положение, добившись профессиональных успехов, став священниками, поступив на армейскую службу либо получив поддержку какого-либо аристократа; дорогу наверх открывало также научное поприще, или карьера политика. К сожалению, Картер, несмотря на все свое желание улучшить социальный статус, не отличался легкостью в общении или какой-то особой обходительностью. Он легко раздражался, дипломатичность и общительность также были ему несвойственны. С годами он становился все более одинок. «У меня был очень взрывной характер, — писал он позже, — и то огромное упорство в достижении поставленной цели, которое недружелюбные наблюдатели иногда называют упрямством, а в наши дни мои враги определяют словосочетанием *mauvaise caractere**. Ну, что ж, тут я ничем не могу им помочь».³

Впрочем, когда он впервые сблизился с профессором Ньюберри, все это его еще только ожидало в будущем. А пока Картеру было всего семнадцать лет — примерно столько же, сколько исполнилось Тутанхамону на момент смерти. И единственное,

* Дурной нрав (фр.).

чем он мог зарабатывать себе на жизнь, – это своими акварелями.

Ньюберри предложил Картеру именно такую возможность, в которой тот нуждался, и юноша с благодарностью принял это предложение. Он тут же поехал в Лондон работать в Британском музее. Нетрудно представить, какой страх и одновременно восторг должен был испытывать юноша из провинции, начиная работать в столь величественном британском учреждении. Волнение и восторг – потому что он впервые ощутил вкус работы и мира, которым собирался посвятить остаток жизни, а трепет и благоговейный страх вызывал тот факт, что его теперь окружали высокообразованные люди, выпускники самых известных колледжей и университетов.

Старательно и прилежно выполнявший все, за что бы он ни взялся, Картер произвел благоприятное впечатление на профессора Ньюберри и всего через три месяца работы в музее получил приглашение поработать в Фонде археологических исследований Египта, который проводил раскопки в долине Нила. Следует отметить, что он стал самым молодым сотрудником этой организации и при этом стал получать жалованье в размере чуть больше 50 фунтов в год (или 250 долларов). Впрочем, в этом случае деньги не играли определяющей роли; Картер нашел ту нишу, где он мог самоутвердиться и завоевать кое-какую репутацию. Несомненно, он заметил, что преуспевающие археологи пользовались всеобщим уважением, почетом и, что немаловажно, имели возможность разбогатеть. Кроме того, сама мысль совершить путешествие в жаркую, экзотическую страну вро-

де Египта должна была показаться юноше очень привлекательной.

По всей видимости, Ньюберри выразил некоторое сомнение относительно того, сможет ли Картер найти общий язык с выпускниками привилегированных учебных заведений, которые в ту пору доминировали на общественной сцене среди англичан, проживавших в Египте. Во всяком случае, в письме, которое он получил от профессора Гриффита из Кембриджского университета, среди прочего имелись и такие строки: «...Если вам удастся найти рисовальщика, который согласился бы поехать в Египет, если ему всего лишь оплатят расходы на эту поездку и ничего более... то, в этом случае, неважно, будет ли этот художник джентльменом...»⁴ Тем не менее, если Картер вообразил, что покидает общество, где он постоянно чувствовал себя человеком низшего сорта и где его «ставили на место» люди, которые, как он знал, вовсе не умнее и не трудолюбивее него, если он надеялся, что теперь уезжает в страну более равноправную, то его должно было ожидать жестокое разочарование. Общество англичан-эмигрантов в Египте отличалось еще более строгими взглядами на классовые различия.⁵

Поначалу это оказалось неудачное для Картера время. Из-за происхождения его притирка с верхними слоями общества происходила очень непросто. Вдобавок временами сам Картер бывал довольно неуживчив, агрессивен и чрезвычайно упрям. Как следствие, он частенько подвергался остракизму со стороны коллег. И все-таки к концу 1891 года он был готов к тому, чтобы отправиться в свою первую поездку в Египет. При этом сле-

дует учитывать, что он не имел никакой специальной профессиональной подготовки и был самым молодым среди археологов, поднимавшихся на борт корабля, отправлявшегося в Александрию. Позже он вспоминал: «Я очень хорошо помню угнетенное состояние, в котором находился, когда отправился с вокзала «Виктория-стейшн», помню, какую тоску испытывал из-за своей молодости и неопытности, когда пересек Ла-Манш и впервые оказался один в чужой стране, языка которой практически не знал».⁶

С ощущением душевного дискомфорта и не в состоянии наладить отношения с будущими товарищами по работе и своими начальниками, Картер плыл в Египет, тем самым подтверждая опасения представителей местной английской диаспоры, что он никогда не станет «одним из них». В Египте Картер стал завсегдатаем местных кофеен, и в отличие от остальных европейцев был готов часами пить кофе и курить с «туземцами». Несомненно, он выделялся среди местных жителей в своем европейском костюме-тройке и галстуке, которые в те времена носили практически все англичане (за исключением одного-двух эксцентричных оригиналов вроде Лоуренса Аравийского). Вообще, у Картера вызывала ненависть манера британцев смотреть на египтян сверху вниз и считать их всех, как сформулировал профессор Айяд аль-Куаззас, «грязными, бесчестными, бессовестными, отсталыми, низкими, недоразвитыми, примитивными, дикими, грубыми, сластолюбивыми, порочными, полуголыми, ленивыми, хитрыми, нечестолюбивыми». Поскольку те же самые европейцы смотрели и на него точно так же свысока, Картер пони-

мал, что подобное отношение проистекает от невежества и высокомерия.⁷

Следует признать, что установление тесных отношений с местным населением, презираемым его соплеменниками, было значительно более разумным ходом, нежели Картер мог полагать сначала. Новые друзья из кофеен не только научили его арабскому языку, они рассказали ему о гробницах, а также о незаконном, но очень прибыльном рынке древностей, который зависел от них на протяжении многих веков. Среди завсегдатаев этих уличных кофеен встречались люди, принадлежавшие к семейству Абд эль-Рассул из селения Курна, что находится по соседству с Долиной царей. Это была династия грабителей пирамид, и ее представители гордились деяниями своих предков, несмотря на то, что правительство изо всех сил пыталось положить конец их незаконной торговле древностями.

Николас Ривз и Ричард Уилкинсон в своей книге *The Complete Valley of the Kings* («Полное описание Долины царей») приводят рассказ о том, что именно семья Абд эль-Рассул оказалась причастна к потрясающему открытию середины XIX в. Именно тогда в Египте была обнаружена гробница, в которой находились мумии, а также предметы погребального культа пятидесяти царей, включая Тутмоса III, Сети I и Рамсеса II. Существуют несколько версий рассказа о том, как все случилось, но одной из самых любимых является следующая. Говорят, что один из членов этой семьи как-то раз пас коз, и одна из них провалилась в шахту, которая вела в гробницу. Желая спасти животное, пастух спустился вниз и оказался в на-

полненной сокровищами пещере Аладдина. Рассказывают также, что семья после этого жила безбедно на протяжении нескольких лет, пока специалисты на Западе не обратили внимание на то, что на рынке внезапно и из неизвестного источника появилось большое количество папирусов и древних артефактов. Только тогда началось официальное расследование обстоятельств дела.⁸

Египетские власти начали днем и ночью решительно преследовать семейство. Поговаривали даже, что двух старших членов семьи жестоко пытали, стараясь проникнуть в тайну происхождения находок, и одного из них больше так никто никогда и не увидел. Несмотря на все жестокости со стороны правительственных чиновников семья эль-Рассул держалась и отказывалась выдавать свои секреты. Однако позже, понимая, в каком сложном положении оказалась семья, ее глава решил, что настало время «освободиться от преследований правительства и за соответствующее вознаграждение сообщить властям, где находится гробница с сокровищами. Тем более, что за каждым шагом семьи теперь следили».⁹ В результате летом 1881 года представители Службы охраны египетских древностей во главе с Эмилем Бругшем были приведены в это тайное место, и, таким образом, были обнаружены захоронения египетских фараонов.

Население Долины царей занималось этим промыслом столько времени, сколько существовали сами гробницы. Охота за сокровищами была у местных жителей в крови, и, несмотря на тот факт, что ни у кого из них не было никакого образования, они очень хорошо знали, где можно найти

самые ценные артефакты. Картер быстро сообразил, что может воспользоваться этой ситуацией к собственной выгоде. В отличие от конкурентов по профессии, не желавших поддерживать отношений с местным населением, которое они считали «туземцами», Картер охотно общался с простыми египтянами. Конечно, можно смело утверждать, что о сделках, заключаемых с расхитителями гробниц, он своим работодателям никогда не докладывал. И на его счастье во время пребывания Картера в Египте именно члены семейства эль-Рассул стали его самыми верными помощниками, снабжая его информацией, помогая устанавливать нужные связи и нанимать рабочих, на которых он мог бы положиться, при этом не привлекая внимания.¹⁰

В те времена движущей силой египетской археологии по праву считался Уильям Флиндерс Питри, профессор египтологии из лондонского Университи-Колледжа. Когда они впервые встретились с Картером, Питри собирался начинать раскопки в Амарне, городе, который как раз был основан отцом Тутанхамона Эхнатоном. Картер еще мало представлял, какую роль в его жизни сыграют эти два человека: один – из прошлого, а другой – его современник.¹¹ Позже, в начале 1892 года, Картер станет ассистентом Питри, присоединившись к нему в Амарне. Однако местом первой его работы стал Верхний Египет, где он под руководством Перси Ньюберри делал зарисовки надписей и барельефов в тридцати девяти скальных гробницах Бени-Хасана. Картер оказался прекрасным работником, он уделял пристальное внимание малейшим деталям, но по иронии судьбы

его старательность не произвела особого впечатления на Питри. В своем дневнике между 3 и 9 января 1892 года профессор записал: «Мистер Картер хороший парень, который интересуется, главным образом, живописью и естественной историей... Мне нет смысла использовать его на раскопках».¹²

Это была одна из тех величайших ошибок, которые в истории человечества порой совершают, в общем-то, неглупые люди. Так, в 1938 году после мюнхенской встречи с Гитлером Чемберлен размахивал договором, уверяя всех, что привез «мир для нашего поколения», а еще через пару десятков лет несколько звукозаписывающих компаний отказались от услуг четырех парней из Ливерпуля, которые потом стали известны как «Битлз». Вот и в нашем случае недооцененный Флиндерсом Питри юноша начал мечтать и строить планы, которых не мог постичь даже академик. Прекрасно подготовленный в живописи, Картер смог стать прекрасным копировальщиком, способным воспроизвести практически любой оригинальный документ, который оказался бы перед ним. Этот его навык мог оказаться полезным и для Питри, а в будущем давал Картеру возможность получить отличное место, так необходимое ему в его стремлении к славе и известности.

Твердо решив однажды добиться успеха в жизни, невзирая на недостаток образования и низкое происхождение, Картер пока терпеливо изучал основы иероглифического письма и старался узнать об археологии и египтологии все, чему могли научить окружавшие его замечательные люди. А еще он ждал, когда представится возможность пойти дальше. Наконец, через девять лет после

того как Картер покинул Англию, его терпение и усилия были вознаграждены. Гастон Масперо (в скором будущем сэр Гастон) назначил Картера на пост смотрителя за монументами Верхнего Египта и Нубии. Его резиденция размещалась в Луксоре, неподалеку от Долины царей. Не приходится сомневаться, что своим назначением он был обязан швейцарскому египтологу Эдуарду Невиллю, который не только был близким другом Масперо, но и на протяжении шести лет работал с ним, а в Фивах мог наблюдать за деятельностью Картера. Так вот, Масперо, занимавший в ту пору должность генерального директора египетской Службы древностей, не был согласен с мнением Флиндерса Питри о талантах Картера. Сам Масперо всегда выступал за то, чтобы предоставить иностранцам право проводить раскопки в Долине царей, так как считал, что без их денег и самодисциплины сокровища гробниц в конце концов окажутся в руках грабителей, подобных семейству эль-Рассул.

Работая смотрителем под началом Масперо, Картер также познакомился с одним американским мультимиллионером из Род-Айленда, которого звали Теодор М. Дэвис. Американец сделал состояние в финансовом бизнесе и теперь желал посвятить себя самому дорогому хобби из всех существующих – поиску сокровищ. Как многие богачи, он любил проводить зиму в Луксоре с его теплым климатом. Дэвис владел плавучим домом – баржей «Бедуин», на которой плавал вверх-вниз по Нилу со своей спутницей Эммой Эндрюс, однако на каком-то этапе он решил, что необходимо как-то разнообразить размеренный образ жизни.¹³

Позже Картер так писал о Дэвисе: «Он часто

говорил мне, что хотел бы чем-нибудь заняться во время своего пребывания в Верхнем Египте. Я сделал ему следующее предложение. Дело в том, что египетское правительство выражало желание, чтобы я, когда это позволят мои обязанности, провел от его имени исследования в долине царских гробниц. Так вот, если бы он смог со своей стороны взять на себя часть расходов, тогда египетское правительство было бы ему чрезвычайно признательно и охотно предоставило бы ему возможность получить копии всех древних предметов, которые будут найдены в ходе этих исследований. В то же время я рассказал ему о моем предположении, что нам, вполне возможно, удастся обнаружить гробницу Тутмоса IV». ¹⁴

В 1902 году Дэвис получил разрешение провести раскопки в Долине царей «под контролем правительства», а Масперо дал поручение Картеру осуществлять надзор за деятельностью богатого любителя археологии. По мнению Картера, Дэвис оказался открытым человеком, но в то же время довольно решительным. Работать с ним было одно удовольствие, и, как он сам позже написал: «у него значительно больше положительных качеств, чем можно найти у большинства миллионеров, занимающихся раскопками». ¹⁵ Дэвис охотно позволил Картеру самому определять места, где стоит проводить исследования, а также и общее руководство раскопками. Создается даже впечатление, что самого Дэвиса вообще не особенно интересовало, будет ли найдено хоть что-нибудь. Ему доставлял наслаждение сам процесс поисков сокровищ. Правда, к глубокому разочарованию Картера, в ходе работ не соблюда-

лись элементарные требования археологической науки, не велось никаких записей, не говоря уже о том, чтобы принимать меры к консервации находок, сделанных экспедицией Дэвиса. Тем не менее их сотрудничество продолжалось, так как Картеру требовался богатый покровитель, а Дэвису – эксперт в археологии.

Несмотря на варварские методы, Дэвис смог сделать несколько хороших находок, хотя они ничего не прибавили к его и без того значительному состоянию. Работая в паре с британским археологом Эдвардом Эйртоном, он нашел среди прочего гробницы Тутмоса IV, фараона Сиптаха и царицы Хатшепсут, правда, все они к тому времени, когда археологи до них добрались, оказались пусты. Удалось обнаружить лишь несколько предметов царской мебели.

Работая с Масперо и Дэвисом, Картер, по всей видимости, продолжал поддерживать отношения с семьей эль-Рассул, о которой никто из его коллег ничего не знал. От имени членов этого семейства он продавал и покупал различные древности, одновременно продолжая исследовать лабиринты подземных галерей и погребальных камер в усыпальницах. Однако вскоре официальной карьере Картера предстояло прерваться самым неожиданным образом.

Однажды вечером 1905 года он получил записку от своего старого знакомого сэра Уильяма Флиндерса Питри, в которой тот просил о помощи. В то время Питри зарисовывал иероглифы в одной гробнице в Саккаре и жил в лагере неподалеку от этого населенного пункта со своей женой и тремя юными ассистентками. 8 января там по-

явилась группа французских туристов. После того как им сказали, что для посещения гробницы требуется купить билеты, туристы в грубой форме потребовали проводника и охрану. Дело усугублялось тем, что все они оказались пьяны. В конце концов, все, кроме трех человек, купили билеты. Однако у входа в гробницу, когда сопровождавший их служитель попросил предъявить билеты, те не стали дожидаться окончания проверки и силой вломилась в гробницу, сломав при этом один из засовов. Обнаружив, что внутри нет свечей, и поэтому ничего не видно, подвыпившие «любители старины» бросились обратно, требуя назад свои денежки. Эти требования они подкрепили мерами физического воздействия на зрителя – один из французов ударил охранника. Грозил разразиться грандиозный скандал.

Прочитав записку, Картер немедленно собрал охранников и вскоре прибыл на место происшествия. Обменявшись несколькими резкими репликами с возмутителями спокойствия, он приказал охранникам защитить археологов и место раскопок. В начавшейся свалке кому-то из французов крепко досталось, и тот оказался на земле.

Конечно, нет никаких сомнений, что в данной ситуации действия Картера дипломатичными никак не назовешь, поэтому через некоторое время ему передали официальный протест от имени сэра Гастона Масперо. От всей души желая успокоить эту бурю в стакане воды, Масперо попросил Картера принести извинения, с тем чтобы все могли продолжать и далее работать без помех. В послании Масперо ясно читалось раздражение, однако можно было пойти ему на-

встречу и выполнить эту просьбу, поскольку дело не стоило выеденного яйца.¹⁶

Однако Картер был убежден в том, что он прав, а виноваты во всем французы, поэтому пусть они и извиняются. К несчастью для него, в те времена именно французы официально руководили всеми археологическими раскопками в Египте – это был пережиток, сохранявшийся со времен египетского похода Наполеона Бонапарта. Масперо неплохо относился к своему бывшему ассистенту, однако понимал, что если Картер из-за собственного упрямства откажется от сотрудничества, то им придется пожертвовать из политических соображений. В то же время Масперо высоко ценил работу, которую выполнял Картер, и не желал его терять. Более того, он говорил одному из своих коллег, что просто не представляет, как они будут без Картера справляться. Несколько раз Масперо лично просил его пересмотреть свою позицию, писал друзьям, чтобы те от его имени обратились к нему с той же просьбой, но Картер уперся. Ньюберри впоследствии сообщал: «Картер отказался их [извинения] принести, говоря, что лишь исполнил свой долг, и из-за своего отказа вынужден был оставить свой пост».¹⁷

В этой ситуации у Масперо не осталось другого выбора, и он с крайней неохотой вынужден был снять Картера с его поста. Любому было понятно, что для человека, который еще совсем недавно считался чужим в этом кругу, и чьи надежды на успех в обществе и финансовое благополучие были связаны только с его работой, подобное развитие событий должно было стать жесточайшим ударом. И если Картер сразу разозлился и возмутился тем,

что случилось, то, несомненно, из-за увольнения со службы это его возмущение должно было только укрепиться. Однако, вполне вероятно, что этот инцидент был вовсе не тем, чем казался, а Картер не стал извиняться, руководствуясь некими скрытыми мотивами. Дело выглядело так, будто Картер в этой ситуации, выражаясь современным языком, «работал по своей программе». Очень может быть, что ему требовалось под благовидным предлогом уйти из Службы древностей, чтобы заняться чем-то более значительным, каким-то более дерзким проектом, чем-то очень и очень тайным. И, судя по всему, Картер не сомневался, что, благодаря своим связям с семейством эль-Рассул, он сможет обеспечить себя и без того чахлого жалованья, которое выплачивала ему Служба древностей.

Оказалось, что пьяные французы, сами того не подозревая, дали ему возможность уйти с работы, сохранив репутацию человека с высокими моральными принципами. Масперо и другие коллеги Картера могли возмущаться его упрямством, но одновременно он сохранил их уважение. На самом деле, можно, пожалуй, даже утверждать, что он действовал честнее своих коллег, отказываясь извиняться за проступок, которого, по его глубокому убеждению, он не совершал. Ведь не будь этого инцидента, ему пришлось бы объяснять мотивы своего прошения об отставке, тут же начались бы расспросы, что он собирается делать дальше. Но все случилось так, как случилось, и теперь Масперо и остальные думали, что понимают мотивы Картера, хотя и не соглашались с ним.

Хотя перед Картером маячило совершенно нео-

пределенное будущее, не возникало ни малейшего сомнения, что в Англию он не вернется. В действительности, он возвратился в Луксор, где, по словам Чарльза Бристеда, воспользовался гостеприимством начальника стражи, сыгравшего ключевую роль в поимке расхитителей гробниц из семейства эль-Рассул, которые к тому моменту уже были освобождены.¹⁸ В последующие четыре года Картер делал все возможное, чтобы заработать себе на жизнь. Он вспомнил свою первую любовь – живопись – и продавал свои произведения богатым туристам, останавливавшимся в отеле «Винтер» в Луксоре. Кроме того, он работал на Теодора Дэвиса в качестве внештатного рисовальщика и зарисовывал предметы, найденные в гробницах, где покоились жрецы Иуйя и Туйя. Но, в целом, это было для Картера тяжелое время.

Впрочем, в таком положении дел имелись и свои положительные моменты. Теперь у него появилось много времени, которое он мог коротать, просиживая в многочисленных кофейнях, заводя новые знакомства с местными жителями и укрепляя отношения с семейством эль-Рассул. Известно, что примерно в эту пору Картер начал заниматься операциями с различными древностями и античными произведениями искусства. Несомненно, что его деятельность сводилась к посредничеству между богатыми туристами и торговцами антиквариатом. Европейцы, приезжавшие в Египет, крайне неохотно покупали старинные безделушки, когда на ломаном английском их предлагали смуглолицые арабы или улыбающиеся мальчишки в туземных одеждах. Куда комфортнее гости из Европы ощущали себя, когда человек в костюме и

при галстукe, да к тому же признанный эксперт в этих вопросах, говорил им, что они могут совершенно спокойно приобрести ту или иную вещь, не опасаясь подделки. Иными словами, Картера в ту пору можно было бы назвать «джентльменом от коммерции», который, действуя от имени многих иностранных покупателей, оставлял себе за посреднические услуги 15 процентов. Словом, связи, которые он завязал, когда занимал пост инспектора, начали приносить пользу.¹⁹

Как-то, в 1900 году, к Картеру подошли два местных жителя – Макариос и Андраос – и предложили ему сделку. Они недавно обнаружили гробницу, получившую порядковый номер KV34, и предлагали поделиться с Картером находками, если он уплатит все необходимые в таком случае пошлины и сборы. Еще будучи инспектором, Картер сам пробивал соглашение с властями, согласно которому на совершенно законных основаниях «в собственность нашедшего захоронение поступает половина всех обнаруженных предметов старины, либо половина их стоимости». Естественно, в такой ситуации у Картера не было никаких причин отказываться от предложения. Налоговое управление Луксора в ту пору возглавлял Ахмед Гиригар, который позже стал одним из самых преданных помощников Картера. И, очевидно, данное обстоятельство создало возможность того, чтобы в будущем с помощью «верных» туземцев совершить жульничество. А пока Картер наладил контакты с дельцами в Луксоре, на каждом углу заявляя всем и каждому, что у него имеется кое-что на продажу. Из воспоминаний известно, что ни

один из его покупателей ни разу не разочаровался в том, что ему предлагалось.²⁰

А вообще об этих годах в жизни Картера практически ничего неизвестно. Это было время, когда совершенно неясно, чем он занимался. В сущности, покинув пост инспектора, он исчез из поля зрения официальных властей и представителей научного сообщества и в итоге получил возможность делать то, что его более или менее устраивало. Теперь известно, что это время для Картера выдалось очень трудным, однако нет никаких сомнений в том, что оно стало также крайне интересным и насыщенным. Зная теперь больше о его жизни в более поздние годы, можно сделать вывод, что в ту пору он сосредоточился на укреплении контактов с местным населением, а его предпринимательская деятельность отличалась куда большей активностью, чем было принято думать раньше. Именно тогда в его воображении возникло множество самых различных планов, которые терпеливо ожидались своего воплощения.

В целом же приходится признать, что, хотя Картер и зарабатывал в тот период жизни больше, чем обычно считали, он еще не создал материального фундамента, позволявшего ему профинансировать работы, которые он хотел провести. Для этих целей ему по-прежнему требовался спонсор, кто-то не менее, если не более богатый, чем Теодор Дэвис. И спонсор этот должен был иметь примерно такой склад мышления, как у самого Картера.

Между тем Масперо, хоть и высказал ясно свое неудовольствие упрямством Картера, в душе, должно быть, испытывал восхищение принципиаль-

ной позицией молодого человека, особенно неожиданной, если принимать во внимание его происхождение, общественное и материальное положение. В любом случае, как только представилась возможность познакомиться Картера с человеком, который мог помочь ему вновь заняться собственной карьерой, Масперо немедленно ухватился за нее. С помощью лорда Кромера он познакомил Картера с лордом Карнарвоном. Это было исполнением самых тайных мечтаний Картера. И это стало для них обоих счастливой встречей.

IV

Лорд Карнарвон – повелитель всего, что он видит

Карнарвон... был среднего роста, тщедушного телосложения, с невыразительным лицом и редкими волосами. Голова у него была неправильной формы: плоская сверху, она резко обрывалась ото лба и расширялась внизу, что смотрелось довольно комично на тонкой шее... Нездоровый цвет его кожи становился заметнее из-за того, что лицо его было покрыто оспинами. Однако, когда он начинал говорить о египтологии, его бледные безжизненные глаза загорались энтузиазмом.¹

Джозеф Линдон Смит

Пятый лорд Карнарвон родился 26 июня 1866 года в Гемпшире. Как единственный сын, он унаследовал титул в 1890 году и получил доступ ко всем мыслимым возможностям, доступным в этот «золотой век» английской аристократии. Обладая

своеобразным шармом, живым умом и привлекающей внешностью, юный лорд не нашел им лучшего применения, чем вести развеселую жизнь.²

Его отец, четвертый лорд Карнарвон, отличался значительно более серьезным отношением к своим обязанностям; он в свое время был даже членом кабинета Дизраэли и пользовался уважением всех, кому доводилось с ним общаться. В Англии семейству принадлежал великолепный замок Хайклер, считавшийся одним из самых замечательных в стране. Из его окон открывался чудесный вид на холмистые лужайки, заросли можжевельника и озера; внутри имелась огромная библиотека, а стены были украшены картинами старых мастеров. Кроме бесценных коллекций книг и старинных гравюр замок мог похвастаться великолепной мебелью, включая стул и письменный стол, принадлежавшие Наполеону. В окрестностях Карнарвоны владели 36 тысячами акров земли с конезаводами и огромными пастбищами. Словом, по любым меркам это было огромное поместье.³

Впрочем, сыну практически ничего не перешло от отцовской образованности и серьезного подхода к жизни. Как и многие его сверстники из аристократических семей, он обучался в Итоне, но особых успехов не добился. Затем он поступил в Кембриджский университет, однако его можно было чаще видеть на скачках, чем в лекционных аудиториях. В результате у него так и не появилось диплома об образовании. Однако юный Карнарвон был сказочно богат и влиятелен настолько, насколько только мог быть влиятелен английский аристократ в те времена. О его щедрости к друзьям, родственникам и слугам ходи-

ли легенды. Словом, это был очаровательный молодой повеса, который не придумал ничего лучше, как проводить свою жизнь в путешествиях и занятиях спортом. В возрасте двадцати одного года он совершил кругосветное путешествие и вообще вел жизнь аристократического плейбоя. В этом качестве он порой составлял компанию даже Принцу Уэльскому, старшему сыну королевы Виктории. А в журнале автомобилистов *Autocar* однажды появилась статья, в которой рассказывалось, что лорд Карнарвон «подобно молнии промчался в авто мимо пешеходов и велосипедистов на огромной скорости двадцать миль в час».⁴

Юный повеса вступил в права наследства в 1889 году, когда ему исполнилось двадцать три года. Теперь ему одному принадлежали богатейшее поместье и замок. Однако для того чтобы продолжать привычный образ жизни, Карнарвону отчаянно требовались наличные деньги. Очевидно, именно поэтому в возрасте двадцати девяти лет он женился на очаровательной Альмине Виктории Марис Уомбелл. Кроме красоты и незаурядного ума у этой девушки имелось еще одно вполне очевидное достоинство – она была внебрачным ребенком барона Ротшильда, одного из богатейших людей на планете. Говорят, что в день свадьбы он подарил счастливой паре чек на сумму 250 000 фунтов.

В те времена династия немецких евреев Ротшильдов считалась одним из самых богатых и могущественных семейств на планете. При необходимости они смогли бы одолжить любому правительству такие суммы, которые и не снились другим владельцам несметных состояний. Есте-

ственно, они находились в самом эпицентре мировой власти, и связь с ними Карнарвона должна была в тысячи раз увеличить и его влияние. У них с Альминой родилось двое детей: Генри, виконт Порчестерский, и леди Эвелина Герберт, которая позже стала ближайшим другом отца и его постоянной спутницей в путешествиях.

Отношения Карнарвонов и Ротшильдов берут начало в 1847 году, когда барон Ротшильд стал первым евреем, избранным в английский парламент. Ротшильд в силу обстоятельств, естественно, не мог произнести парламентскую клятву, в которой содержались слова «христианство – единственная истинная вера», и на этом основании ему было отказано в праве занять кресло депутата. Последовала бурная реакция, и обстановка в парламенте накалилась до предела, однако тогдашнему лорду Карнарвону удалось ее урегулировать. Он просто предложил, чтобы палата Общин собственным постановлением отменила решения о дисквалификации депутатов, избранных в нее не по партийным спискам. Это сработало, конфликт оказался улажен, а два парламентария стали близкими друзьями. Свое наиболее сильное воплощение эта дружба получила в установлении родственных отношений между двумя семействами, которые возникли после брака пятого лорда Карнарвона и Альмины.⁶

В возрасте тридцати лет молодой Карнарвон, находясь в Германии, попал в автомобильную аварию. У него оказались сломаны грудная клетка и челюсть, сильно обгорели конечности. Сердце его едва не остановилось. Спас лорда личный шофер, который вытащил хозяина из-под искореженных

обломков и вылил на него холодной воды. После этого происшествия здоровье Карнарвона полностью так и не восстановилось, и с тех пор его постоянно мучили боли. Его вес стремительно снизился до менее чем шестидесяти килограммов, и оставался таким, несмотря на все усилия Карнарвона. Доктор посоветовал ему на зиму уезжать куда-нибудь за границу, с тем чтобы избежать опасностей, которые мог нести холодный и сырой английский климат. А поскольку Карнарвон сам был страстным путешественником, то нет никаких сомнений, что он с радостью последовал этому указанию. В 1903 году он впервые посетил Египет. Тамошний климат оказался вполне подходящим, но так же, как и Теодору Дэвису, Каир показался нашему путешественнику слишком скучным после городов Европы и Америки. Требовалось чем-то развлечься, поэтому, как и многие другие образованные джентльмены до него, Карнарвон от нечего делать заинтересовался идеей поиска сокровищ. Он направился в самый известный в Луксоре отель «Винтер», которому суждено было на несколько будущих лет стать для него домом, и поинтересовался возможностью получить концессию на проведение раскопок.⁷

С тем состоянием, которое у него имелось, Джордж Карнарвон, несомненно, мог делать практически все, чего ему хотелось. Как сам он признается в одной своей незаконченной статье, написанной незадолго до смерти, раскопки сразу же вызвали у него огромный восторг. «Примерно с 1889 года самым большим моим желанием и стремлением было участие в раскопках, однако по тем или иным причинам я никак не мог начать

их».⁸ Через своего друга лорда Кромера Карнарвон вышел на британского генерального консула в Египте и получил от него лицензию на проведение раскопок в районе Шейх-Абд-эль-Курны. По иронии судьбы данное место находилось на равнине чуть повыше той долины, где как раз жил Картер, когда работал с Эдвардом Невиллем. Рабочие, нанятые Карнарвоном, работали едва ли не целые сутки, когда вдруг наткнулись на то, что показалось непотревоженным погребением. «Известие об этой находке взволновало департамент древностей, и они вскоре прибыли сюда, но тут выяснилось, что это погребение так и осталось незавершенным, – сообщал позже Карнарвон. – Впоследствии, в течение шести недель я проводил там день за днем в клубах пыли. Однако кроме огромного мумифицированного кота, который ныне красуется в каирском музее, я больше не получил никакого вознаграждения за все свои упорные и чрезвычайно запыленные усилия. Однако эта полная неудача, вместо того чтобы разочаровать, произвела на меня совершенно обратный эффект – я заинтересовался этим делом больше, чем прежде».⁹

Несмотря на провал, Карнарвон решил, что ему требуется убедить власти предоставить ему еще один шанс. Он вновь связался со своим другом лордом Кромером и попросил посоветовать, как бы ему получить концессию на раскопки в каком-либо более многообещающем месте. Кромер обратился к Масперо, а тот, в свою очередь, после некоторых раздумий решил, что будет разумно воспользоваться услугами опытного археолога. Человеком, которого порекомендовал Масперо,

был не кто иной, как пользовавшийся его глубоким уважением Говард Картер. Итак, после многих лет, проведенных в этой глуши, для амбициозного археолога не могло быть более удачного знакомства. Он, наконец, встретил покровителя и товарища, которого столь страстно хотел обрести. Впрочем, и Карнарвон был рад знакомству не меньше, чем Картер. Он, наконец, нашел человека, который мог придать научную респектабельность его любительским усилиям.¹⁰

Лорд Карнарвон, хоть и находился на самой вершине социальной пирамиды, не мог быть обвинен в том, что со снобизмом относился к выбору друзей. Напротив, он пользовался репутацией человека, который мог привлекать в свой круг интересных людей, встречавшихся ему на жизненном пути. В любом случае, тот факт, что Картер «не был джентльменом», нисколько его не тревожил; Джордж Карнарвон считал себя выше подобных глупостей. Более того, может быть, Картер ему даже больше нравился как раз из-за того, что не имел высокого социального статуса. Лорд мог видеть, что у Картера имеются те знания, которых ему самому не хватало, что Картер страстно желает добиться успеха и готов работать изо всех сил. Короче, эти двое распалили воображение друг друга и начали грезить о великих свершениях.

В Египте здоровье Карнарвона несколько улучшилось, но оно не стало таким, как до той роковой аварии. Карнарвону часто приходилось ложиться в постель, чтобы немного отдохнуть, и, по словам Картера, он в такие минуты выглядел «лет на десять старше, чем на самом деле». Его отношения с Альминой тоже стали напряженными; возможно,

жена начала испытывать некую ревность к страстной увлеченности мужа соблазнительными сокровищами гробниц древних фараонов.

К тому времени Картер уже знал, что именно он хочет делать в Долине царей. Карнарвон же имел влияние, которое помогало реализовать их планы, а также средства, чтобы нанять столько работников, сколько могло потребоваться Картеру, а иногда их требовались сотни. Карнарвон также имел очень важные связи, которые помогали сгладить шероховатости с властями, если бы партнерам вздумалось ввязаться в какое-либо рискованное предприятие. Кроме того, если Картер имел знакомства среди местного населения и знал, где можно найти ценные древние артефакты, то Карнарвон совершенно точно знал, что с ними сделать. Если лорд не решал поместить их в свою быстро растущую коллекцию, то он знал, кому именно можно будет их продать, будь то заведующие музеями, которые имели бездонные бюджеты для приобретения новых экспонатов, либо частные коллекционеры, вроде ближневосточного нефтяного магната «Мистера пять процентов» — знаменитого Калуста Гулбекяна. Нет никаких сомнений, что Картер был ослеплен человеком, которому без усилий давалось все, чего он сам не имел, и особенную радость ему доставляло то, что они обращались друг с другом как равные. Должно быть, Карнарвон использовал все свое обаяние, потому что Картер был им буквально очарован. Они стали партнерами, и в последующие годы Картер во всем подражал своему другу и покровителю: невзирая на жару, носил такие же костюмы

из толстого твида, покупал такие же фетровые шляпы и мундштуки.

Им обоим хотелось начать работать в Долине царей. Однако предыдущий работодатель Картера, Теодор Дэвис, по-прежнему владел концессией на проведение раскопок в этом месте, поэтому Карнарвону и Картеру пришлось думать о проведении раскопок где-нибудь в другом месте. Одновременно они с помощью семейства эль-Рассул занимались пополнением постоянно растущей коллекции египетских древностей, которую начал собирать лорд. Дело в том, что Картер не только мог помочь в добывании лучших образцов; он, кроме того, еще и очень хорошо разбирался, какие именно предметы имеют подлинную ценность, а какие нет. Тем не менее Дэвис оставался серьезной проблемой. Его люди продолжали копать как раз там, где это хотели делать наши герои, и постоянно существовала опасность, что именно Дэвис найдет сокровища, которые, по глубокому убеждению Картера, все еще хранились где-то там в ожидании, пока их найдут. В 1906 году у подножия скалы Дэвис нашел маленькую чашу, на которой имелась надпись тронного имени Тутанхамона. А на следующий год с помощью британского археолога Эдварда Эйртона его экспедиции удалось обнаружить нечто, что, по его мнению, могло оказаться гробницей.

«На глубине двадцати пяти футов, – писал Дэвис, – мы нашли камеру, почти до самого верха наполненную сухой грязью, из чего можно было сделать вывод, что когда-то ее заполняла вода». Дальнейшие исследования позволили найти «сломанную шкатулку, в которой оказались несколь-

ко золотых пластинок с именами Тутанхамона и его жены». ¹¹

В течение следующих нескольких дней на поверхность были извлечены еще несколько предметов. И, тем не менее, похоже, никто даже не подумал и не определил, что гробница Тутанхамона может находиться где-то поблизости. А ведь найдены были сосуды для бальзамирования, которые, вероятнее всего, использовались при бальзамировании тела юного фараона. После долгих споров большое количество крупных сосудов осторожно перенесли в дом Дэвиса, находившийся поблизости в долине, а на следующий день с огромной pompой официально предъявили взволнованной обществу. Предмет за предметом осторожно вынимались из сосудов, и перед очевидцами появлялись глиняные печати с написанным на них именем Тутанхамона, обрывки льняных тканей, а также большое количество черепков и фрагменты костей. Со своим обычным пренебрежением к обязательным требованиям строгой археологической науки Дэвис тут же начал демонстрировать гостям прочность древнего полотна, разрывая его на клочки! Картеру с Карнарвоном оставалось только сидеть и беспомощно смотреть на то, как уничтожаются ценные артефакты. Впрочем, забегаю вперед, отметим, что последнее слово, все-таки, осталось за ними. Несмотря на все свои затраты, Дэвис так и не понял в тот раз, что он обнаружил вход в галерею, которая вела в гробницу Тутанхамона.

В 1912 году Дэвис объявил, что участок, который он обнаружил, это и есть могила юного царя, больше там ничего нет, а Долина царей отныне не

таит в себе ничего ценного. Однако Картер был уверен, что Дэвис ошибается. Разве может такое скромное захоронение быть местом упокоения хоть какого-нибудь фараона? Пусть даже столь незначительного, как Тутанхамон. Итак, Картер и Карнарвон продолжали нехотя вести раскопки в других местах Долины царей, одновременно следя за каждым шагом американца и, несомненно, опасаясь однажды услышать, что Теодор Дэвис – человек, которого они считали жалким выскочкой, замахнувшимся на то, что ему не принадлежало, – обнаружил последнее величайшее сокровище в этом районе.

Их собственные усилия давали смешанные результаты. Во время первого сезона, который Картер и Карнарвон провели вместе, лорд в придачу к своей концессии на проведение раскопок в Фивах добавил еще разрешение на работы в Асуане. Говорят, он сказал: «Я подумал, что мне необходимо иметь два варианта, потому что я не был уверен, что моя жена захочет остаться в Луксоре еще на пару месяцев». А несколько ранее Карнарвон написал: «Если я желаю получить то, чего хочу, то мне необходимо найти знающего человека, ибо у меня нет времени, чтобы учиться всему необходимому для поисков». Этим «знающим человеком» и был Говард Картер.¹²

В 1907 году лорд Карнарвон получил разрешение на проведение раскопок в более перспективном месте в северной оконечности фиванского некрополя. Руководствуясь указаниями Картера, ему не пришлось долго ждать первых удачных находок. Уже через пару недель раскопок рабочие экспедиции обнаружили богато расписанную гроб-

ницу Тетики, правителя Фив времен начала XVIII династии. Вслед за этим вскоре последовала находка другой гробницы, содержавшей две деревянные таблицы с надписями Птахотепа. Это был, пожалуй, один из важнейших текстов, когда-либо найденных в Египте, и в нем рассказывалось о поражении, которое нанес вторгшимся из Азии гиксосам фараон XVII династии Камос. Затем последовали другие важные открытия, включая два храма – царицы Хатшепсут и Рамсеса IV. В итоге при участии Картера в 1912 году Карнарвон опубликовал большой доклад об их находках, озаглавленный «Пять лет исследований в Фивах. Описание работ, выполненных в 1907-1911 гг». Он вызвал многочисленные благожелательные и вполне заслуженные отклики, после чего Карнарвон добавил в доклад слова благодарности коллегам-египтологам.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, и Картер и Карнарвон желали расширить район своих поисков и перенести их за пределы фиванского некрополя. Они решили активизировать свою деятельность в Сахе – древнем Койсе – в Дельте Нила. Сейчас трудно судить, было ли там что-нибудь обнаружено, поскольку отчеты о раскопках, там проводившихся, так никогда и не были напечатаны. Но известно, что всего спустя две недели после начала работ, они были стремительно свернуты «по причине большого количества кобр и рогатых гадюк, заполонивших все окрестности».¹³ В следующем сезоне партнеры перенесли свои операции в местечко Телль-эль-Баламун – древнее поселение, расположенное примерно в 19 километрах от побережья Средиземного моря. Там находок

практически не было – всего несколько маленьких браслетов с надписями, относившихся к греко-романскому периоду.

Бесплодные усилия, предпринятые ими в том году, Карнарвон описал в своей публикации от 1912 года: «Удалось раскопать и обследовать захоронения мумий, из песка виднеются фрагменты саркофагов и обрывки погребальных пелен... Повсюду свидетельства того, что тут на каждом углу побывали исследователи и грабители».¹⁴

Вполне очевидно, Картер и Карнарвон замирали от ужаса при одной мысли о том, что Дэвис найдет гробницу Тутанхамона раньше, чем у них появится шанс вернуться в Долину царей, однако они дольно часто с усмешкой рассказывали в Англии, как ловко им удалось обвести вокруг пальца этого богатого американца и послать его «за семь верст киселя хлебать». Откровенно говоря, Карнарвон Дэвиса, действительно, на дух не переносил и частенько вместе с Картером рассуждал о том, как они заработают за его счет.

В эти первые годы их сотрудничества, невзирая на то, что у них много времени занимали раскопки, которые приносили пользу науке, но отнюдь не приносили доходов, наши партнеры все же смогли заработать в Египте кучу денег. Картер предложил скупать египетские древности, а затем перепродавать их с выгодой для себя. Им было хорошо известно, что Британский музей в Лондоне, музей искусств Метрополитен в Нью-Йорке, а также множество других музеев и коллекционеров по всему миру постоянно ищут памятники эпохи Древнего Египта. В этом смысле никто лучше Картера и Карнарвона не мог бы им

помочь. Прибыль, которую они таким образом получали, можно было пустить на финансирование дальнейших раскопок.¹⁵

У Карнарвона с Картером получился неплохой тандем: пользуясь рекомендациями своего друга, лорд начал собирать собственную большую коллекцию египетских древностей. Как выражался сам Карнарвон: «И тогда, и сейчас моя главная цель заключается не в том, чтобы покупать что-то, просто потому что это редкость. В первую очередь, принимается во внимание красота предмета, а не его историческая ценность».¹⁶ Впрочем, многие из этих так называемых «красивых предметов» тоже затем оказались в коллекциях крупнейших музеев, причем Картер получал прибыль как продавец и комиссионные как агент по продажам.¹⁷ Иными словами, сверх ежемесячного жалованья, которое ему платил Карнарвон, Картер должен был собрать еще довольно приличную сумму. Правда, неизвестно, где он приобретал эти самые артефакты. Существуют серьезные подозрения, что и здесь тропинка вела к дверям семейства эль-Рассул.

Специалисты утверждают, что на одной единственной сделке Картер заработал столько, что мог бы комфортно жить в течение следующих десяти лет. Речь идет о продаже так называемых «сокровищ трех принцесс», богатой коллекции драгоценностей, относившихся ко времени правления XVIII династии. Многие египтологи считают, что это самое замечательное открытие из всех, сделанных в фиванском некрополе, а по ценности оно стоит на втором месте, сразу вслед за сокровищами из гробницы Тутанхамона. Впервые об этой наход-

ке стало известно в 1914 году после сильной бури, которая разрушила древнее поле захоронений, известное под названием Кладбище Аписа. В отличие от общепринятого мнения, сильные дожди в Египте случаются довольно часто, и их с восторгом встречают местные расхитители гробниц. Мощные потоки воды регулярно вымывают древние артефакты, таящиеся в скалах или засыпанные песком, что затем служит путеводными нитями ордам охотников за сокровищами. Бывший директор нью-йоркского Метрополитен-музея Томас Ховинг в своей книге «Тутанхамон: нерассказанная история» утверждает: «Когда начался тот самый ливень, члены семейства эль-Рассул тут же отправились на поиски из своего дома в Курне к расселинам в горах. Совершенно неожиданно на них свалилось сказочное богатство, после того как им буквально упал в руки клад драгоценностей, вымытый водой из тайника».¹⁸ Слухи о находке стремительно достигли ушей известного местного торговца Мухаммеда Мохассиба, который тут же предложил грабителям щедрое вознаграждение за их трофеи. Для пущей сохранности те разделили найденное на несколько частей, но Мохассиб понимал, что пройдет некоторое время, и в его двери постучатся владельцы крупнейших мировых коллекций.

На Западе интерес к египетским древностям рос одновременно с ростом цен на них. В 1912 году Карнарвон написал Уоллису Баджу из Британского музея: «Вы, конечно, слышали, что Морган за 80 000 фунтов стерлингов¹⁹ купил коптские манускрипты, от которых Вы отказались». Конечно, это была огромная сумма, однако теперь уже и более

мелкие предметы переходили из рук в руки за тысячи фунтов. Хотя Бадж занимал пост всего лишь помощника смотрителя Британского музея, он еще был известен и как коллекционер, отличавшийся редкостной алчностью, который часто выезжал в Египет, как говорится, на «шоп-туры». Сейчас можно считать доказанным, что он пользовался своим положением в Британском музее в личных целях, вследствие чего многие британские и французские официальные лица называли его методы постыдными и недостойными.

Картер теперь занял прекрасное положение в качестве промежуточного звена между местными торговцами древностями и представителями крупнейших музеев и коллекционеров, имевшими выход на Карнарвона. В 1917 году Картер начал скупать у Мохассиба «сокровища трех принцесс». Сделки совершались в течение следующих пяти лет, и все это время он за деньги Карнарвона скупал партии древних предметов, которые грабители ловко поделили между собой. Затем Картер обратился в Метрополитен-музей и сообщил им, что Карнарвон желал бы продать им большую часть собственной коллекции через него, как своего агента. Руководство музея с огромной радостью, если не сказать счастьем, согласилось действовать через Картера, поскольку к тому времени он стал уже довольно опытным торговцем и, как многие торговцы египетскими древностями, научился лихо сталкивать лбами музей и частных коллекционеров. Однако его посредничество позволяло всегда побеждать в этом соревновании за сокровища. Картер предлагал музею находки небольшими, но крайне соблазнительными партиями, по мере того

как сам скупал их у Мохассиба, поддерживая тем самым максимально высокую цену на весь товар. В итоге, к 1922 году Метрополитен-музей выплатил ему 55 397 фунтов стерлингов (несколько миллионов фунтов на сегодняшние деньги) и стал обладателем 225 предметов из найденного клада трех принцесс. Скажем прямо, все участники этой сделки были более чем счастливы, но самым счастливым может считаться именно Картер, поскольку отныне ему не требовалось ломать голову над своим финансовым будущим.²⁰

Махинации Картера и Карнарвона с продажей сокровищ трех принцесс достаточно хорошо задокументированы, однако в тот же период совершалось много менее значительных сделок, в ходе которых Карнарвон увеличивал свою постоянно растущую коллекцию. Следует признать, что деньги, вырученные от продажи драгоценностей, принадлежавших принцессам, и от других сделок подобного рода, совершавшихся в те годы, не шли ни в какое сравнение с тем, что эти двое уже успели умыкнуть откуда-то еще и начали очень дозированными порциями выбрасывать на рынок.²¹

Произведения египетского искусства, которые Карнарвон приобретал у отдельных лиц и в процессе раскопок, постоянно пополняли его собрание, и оно неуклонно превращалась в самую лучшую коллекцию в мире. Некоторые, правда, называли ее «карманной коллекцией», как бы намекая на то, что лорд Карнарвон, пользуясь своим титулом, просто наполнял карманы сокровищами, которые мог отыскать; при этом его дипломатическая неприкосновенность также помогала ему приобретать все, что вызывало его интерес. Но, в

действительности, его коллекционирование несколько не отличалось от того, чем занимались в Египте крупнейшие музеи мира. Это занятие можно было бы назвать проще – воровство, однако разграбление могил там считалось нормой. Если у вас имелись деньги и влияние, то можно было с легкостью купить расположение чиновников и заставить замолчать тех, кто пытался остановить вандализм. Единственным оправданием в этой ситуации могло быть только то, что если бы музеи не действовали подобным образом, произведения древнеегипетского искусства попадали бы в значительно менее достойные руки. И если бы музеи не скупали все, что только возможно, древние артефакты просто исчезли бы в тайниках частных коллекционеров, и широкая публика никогда не смогла бы насладиться их видом. Бесспорно, лучше все же, когда бесценные сокровища тщательно реставрировались, составлялась их подробная опись, после чего они выставлялись на широкое обозрение, чтобы ими могли восхищаться все желающие, а не кучка состоятельных людей. Не будем спорить, в подобной аргументации имеются слабые стороны, и, конечно, в целом здесь имело место откровенное разграбление исторического наследия одного народа более сильными иностранными государствами.²²

Существуют предположения, что Говард Картер начал зарабатывать на грабеже гробниц еще до того, как познакомился с лордом Карнарвоном. Еще в 1900 году, занимая пост старшего инспектора департамента древностей в Верхнем Египте, Картер обнаружил гробницу, в которой находился скульптурный барельеф царицы Ти. По сло-

вам Картера, он только лишь сфотографировал находку, после чего гробницу вновь опечатали и закрыли для исследований. Однако дело этим не закончилось. В 1908 году новый инспектор Артур Вейгалл решил вновь открыть гробницу. Каково же было его изумление, когда он увидел, что барельеф исчез, а на его месте в стене зияет огромная дыра. Не желая прямо обвинять своего предшественника, Вейгалл решил, что за этот период в гробницу могли проникнуть грабители, которые и украли этот шедевр. Однако впоследствии барельеф обнаружился в Королевском музее Брюсселя, правда, оригинальные иероглифические надписи оказались грубо замазаны греческими письменами, явно для того, чтобы скрыть подлинную принадлежность памятника. Даже несмотря на то, что нет прямых доказательств, указывающих на причастность Картера ко всей этой истории, согласитесь, совпадение примечательное.

Кстати, хотя и Карнарвон был довольно популярной личностью, всегда имелись сомневавшиеся в том, что он может быть археологом. Вейгалл, например, характеризует его как нечто среднее между представителем богемы и плутократам: «Он видел самые темные уголки адской бездны и имел репутацию человека, имеющего изощренные мозги, который мог обвести вокруг пальца самых прожженных букмекеров и проходимцев. В душе он отчаянный авантюрист, который делает, что захочет, и которому, похоже, глубоко наплевать на общественное мнение. Его манеры и поведение ничего кроме сожаления не вызывают: многие часто считают его надменным, и, тем не менее, невзирая на все свои недостатки, он очень умело руко-

водит людьми, чтобы добиваться собственных целей, а друзья в нем души не чают. Уж не знаю, отчего это так: то ли он настолько хитер и постоянно прячет свои отрицательные качества, то ли зачастую проявляет незаурядную находчивость». ²³ Вейгалл не считал ни Карнарвона, ни Картера учеными, хотя и признавал, что Картер имеет большой опыт раскопок, как, впрочем, любой, кто занимался поиском древностей. По его твердому убеждению, оба эти джентльмена были крайне несерьезны и бестактны и, к тому же, своей деятельностью вызвали «неприязнь туземцев». ²⁴ Однако, какую бы неприязнь ни испытывали к ним местные жители, она была пустяком в сравнении с тем ураганом, что надвигался на планету.

V

Официальная история открытия

Карнарвон: Вы что-нибудь видите?

Картер: Да! Удивительные вещи!

В 1914 году Дэвис, наконец, прекратил поиски Тутанхамона в Долине царей. Когда его люди прекратили раскопки, они находились всего в нескольких метрах от гробницы, однако раскоп вышел к обочине дороги, и Картер убедил Дэвиса, что, если продолжить работы, возникнет угроза повреждения дорожного полотна. Дэвис, похоже, и сам уже устал от погони за сокровищами, поэтому согласился и приказал прекратить раскопки. В следующем году он умер, так что, вполне возможно, начавшиеся у Дэвиса проблемы со здоровьем также помогли Картеру убедить американца, что настало время бросить дорогостоящие поиски в местности, которую тот и сам уже считал малоперспективной.

В Европе вспыхнула война, и поиск древностей в Египте стал интересовать общественность еще меньше, чем прежде. Все внимание правительств и средств массовой информации сосредоточилось на вопросах обороны и выживания в условиях мировой войны. Конечно, в какой-то мере это создавало дополнительные трудности, однако теперь Картер и Карнарвон могли действовать с большей свободой, не привлекая излишнего внимания. Как только Дэвис отказался от продолжения работ, они получили разрешение на проведение раскопок в том же месте, и Картер начал систематические раскопки на всей территории в полной уверенности, что там имеется, по крайней мере, одна неоткрытая гробница – гробница Тутанхамона.

Вскоре турецкое правительство объявило войну странам Антанты и ее союзникам, и британцы тут же заявили, что Египет, в ту пору номинально еще входивший в состав Османской империи, переходит под защиту Британской короны и, таким образом, становится британским протекторатом. Но поскольку британские войска плотно увязли в сражениях на Западном фронте и на других театрах военных действий по всему миру, турки на следующий год попытались восстановить свое господство над Египтом по всему течению Нила. Британским войскам удалось их отбросить, однако затем армия Оттоманской империи нанесла поражение союзникам при Галлиполи, после чего в 1916 году последовало новое вторжение турок в Египет. Оно снова закончилось неудачей. Британские войска перешли в наступление, захватили Синайский полуостров и вторглись в Палестину.

Таким образом, турецкая угроза Египту была окончательно ликвидирована.

Во время войны лорд Карнарвон вынужден был большую часть времени проводить в Англии. Картер же, если говорить о войне, постоянно заявлял, что выступает в роли представителя английской короны. В некотором смысле это было правдой. Так, в 1915 году благодаря своему знанию арабского языка он занимался доставкой секретных депеш для сэра Генри Макмагона под прикрытием Форин Офиса. Кроме того, Картер передавал устные послания и выполнял обязанности переводчика на тайных переговорах, которые английские и французские официальные представители вели со своими арабскими агентами.²

Кстати, его буквально шокировало, с каким высокомерием британские чиновники обращались с местным населением. Как и многие из тех, кто хорошо знал настроение местного населения, Картер чувствовал: как только война закончится, националисты непременно постараются воспользоваться ненавистью простых египтян к их «защитникам».

Примерно в то же время Картер также направлялся британскими властями в Верхний Египет для оказания неофициальной помощи в деле поддержания порядка в долине. В суматохе военных лет его пребывание в этой стране окуталось тайнами, а раскопки практически прекратились. От той поры сохранился лишь один доклад, из которого следует, что там у него возникли какие-то проблемы, подобные истории с пьяными французами, случившейся в 1903 году. Правда, на этот раз он вступил в конфликт с некими армейскими регла-

ментами и предписаниями. По всей видимости, Картер вел себя со свойственной ему самоуверенностью, что в итоге и привело к его увольнению из армии.

В сентябре 1917 года Картеру официально сообщили, что он может уволиться и вернуться к раскопкам. «Итак, – написал он, – начинается наша настоящая кампания». А затем добавил: «Трудность заключается в том, чтобы узнать, где следует начинать».³ Наняв местных ребятишек и взрослых мужчин, он начал, казалось, бесконечную работу по подъему сотен тонн щебенки и песка, с тем чтобы очистить место раскопа до материкового основания. Его план не составлял секрета. Более того, он работал совершенно открыто и верил, что его люди работают как раз там, где «мы надеемся найти гробницу Тутанхамона».⁴ Как утверждает Николас Ривз в своей книге *The Complete Tutankhamen*, «согласно официальной версии вся эта история представляла собой смесь из огромной любви к науке и гигантского упорства; Карнарвон продолжал оплачивать все расходы, а Картер нанимал рабочих и обеспечивал общее руководство».⁵

Однако к весне 1922 года Карнарвон, наконец, устал тратить деньги на Египет. К тому же до него стали доходить уверения всех остальных египтологов, включая и Масперо, в том, что в Долине царей уже ничего ценного не осталось. И он решил покончить с Египтом. В результате Картера пригласили прибыть в замок Хайклер, где ему сообщили, что раскопки должны прекратиться. Согласно истории, рассказанной нам Николасом Ривзом, Картер не на шутку «перепугался».⁶ В последнем отчаянном

усилии убедить своего патрона Картер даже заявил, что будет сам финансировать работы. Карнарвон, конечно, знал, что у его партнера могут быть какие-то накопления, однако ему также было известно, что для найма рабочих требовалось все-таки иметь серьезное состояние. Вдобавок, стало известно, что недавно назначенный на пост генерального директора департамента египетских древностей Лако предложил пересмотреть правила, регулировавшие порядок выплаты компенсаций «иностранным археологам». Словом, если еще оставалась возможность разыскать гробницу Тутанхамона, то теперь было самое время. Впечатленный решимостью своего друга, Карнарвон согласился профинансировать работы в течение еще одного сезона. Таким образом, Картер получил временную отсрочку.

В начале ноября Картер возвратился в долину, чтобы продолжить работы. Оба они понимали, что это их последняя попытка. Картер наткнулся на фундаменты нескольких древних жилищ ремесленников и начал их расчищать. Моральное состояние у всех было крайне низким, и даже всегдашний оптимизм Картера начал таять. И работников и самих археологов охватило чувство уныния; уже не в первый раз они начали сомневаться, удастся ли им на самом деле добиться успеха.

И вот однажды какой-то мальчуган, из тех, что находились на побегушках у взрослых, и которого настолько захватила мысль о поиске сокровищ, что он даже не пошел в тень отдыхать, как это обычно делали в полдень остальные работники, принялся играть на раскопе, подражая взрослым. Еще раз подчеркнем, что все остальные скрыва-

лись в тени от лучей палящего солнца, поэтому никто и не обратил сначала на мальчишку внимания. Согласно воспоминаниям Картера об этом дне, приведенным позже в его книге, палка, которой играл ребенок, внезапно уперлась во что-то твердое, скрытое под слоем щебенки и песка. Заинтересовавшийся мальчик принялся руками раскапывать землю и спустя несколько мгновений его взору открылась каменная ступенька. Убежденный в том, что он нашел именно то, что все искали, мальчишка испугался, как бы кто-нибудь не заметил, чем он тут занимался и не отобрал у него славу первооткрывателя. Он быстренько все снова засыпал землей так, «чтобы его находку не увидели конкуренты», и помчался искать Картера.⁷

Картер сразу сообразил, что мальчик наткнулся на что-то важное, и приказал немедленно раскопать ступени. Когда рабочие убрали камни и песок, их глазам открылась лестница, которая вела куда-то вглубь холма. К следующему полудню удалось раскопать двенадцать ступеней, за которыми виднелась верхняя часть закрытого входа. Дверь оказалась запечатана овальными печатями, надпись на которых Картер не смог прочитать. Позже он признавался, что в тот момент все еще испытывал определенные сомнения, поскольку обнаруженная дверь, на его взгляд, была слишком мала, чтобы служить входом в царскую гробницу. Это могло оказаться очередным тайником вроде того, что обнаружил Дэвис. Но, несмотря на сомнения, Картер был убежден, что на сей раз они нашли нечто действительно важное. По верху дверного полотна шла деревянная перемычка, под которой он проделал небольшое отверстие и про-

сунул в него зажженный факел. Внутри все оказалось заполнено камнями, словно кто-то пытался преградить вход нежелательным посетителям.

Несомненно, Картер должен был испытывать острое желание немедленно продолжить раскопки, однако он осознавал, что сначала необходимо связаться с Карнарвоном, находившимся в Англии. Его друг и спонсор, конечно, заслуживал того, чтобы присутствовать на раскопках в ту минуту, когда с дверей снимут печати и появится возможность войти внутрь. Приказав своим людям снова засыпать ступени и по очереди охранять участок, Картер на осле вернулся домой, а на следующий день отправил в Хайклер телеграмму: «Наконец-то в Долине сделано чудесное открытие, восхитительная гробница с нетронутыми печатями; все приведено в прежний вид до вашего прибытия; примите поздравления».

Вторую телеграмму он направил британскому археологу А. Р. Коллендеру, работавшему на другом участке, в которой пригласил того присоединиться к ним с Карнарвоном. Картер раньше работал с Коллендером, и они неплохо ладили. Этот археолог отличался легким характером, практической хваткой и всегда охотно выполнял все, о чем бы Картер его ни попросил. Герберт Уинлок, позже ставший директором Метрополитен-музея, писал, что Коллендер был «одним из немногих коллег Картера, который мог находиться с ним сколько угодно времени и работать, не разгибая спины».⁸

Карнарвон и его дочь – очаровательная леди Эвелина Герберт, которой тогда исполнился двадцать один год, – прибыли в Луксор через две с по-

ловиной недели, и только тогда Картер смог возобновить работы. К их приезду рабочие под руководством Коллендера уже расчистили лестничный колодец, и лорд с дочерью и встречавшим их Картером прямо со станции направились верхом на ослах к месту раскопок. Лорд Карнарвон, не отличавшийся крепким здоровьем, чувствовал усталость после долгого путешествия, однако страстно желал увидеть, что же такое удалось раскопать. Однако леди Эвелина волновалась по поводу самочувствия отца, потому что по дороге они решили возвратиться назад в Луксор, в отель «Винтер», чтобы отдохнуть, а последние несколько ступеней расчистить следующим утром.⁹

На другой день, после расчистки последних ступеней, перед археологами открылся запечатанный вход в гробницу. И теперь Картер ясно читал на печатях именно то имя, которое надеялся здесь увидеть: «Тутанхамон». Нарастающее волнение сменилось легким беспокойством, когда все увидели, что часть плиты, закрывавшей вход в гробницу, по всей видимости, нарушена. Неужели расхитители гробниц уже побывали в ней? Неужели исследователям предстоит открыть вход лишь для того, чтобы обнаружить внутри еще одну пустую камеру да разбросанные повсюду ничего не стоящие остатки сокровищ?

Кусочек за кусочком рабочие убирали глыбу, и затем открылся вход в нисходящий коридор, доверху заполненный обломками известняка. Армия рабочих, словно муравьи, принялась расчищать коридор и выносить камни в корзинах на поверхность, и к четверем часам дня работы завершились. Коридор имел 12 метров в длину, а в конце него

обнаружилась еще одна дверь. Она тоже оказалась запечатана, однако несла на себе следы проникновения. Исследователи по-прежнему не имели возможности узнать, что их там ожидает. Может, еще одна лестница? Другой коридор? Пустая гробница, или величайшее в Египте собрание забытых царских сокровищ?

В конце концов, когда выяснилось, что коридор практически пуст, рабочие вернулись на поверхность, а в подземелье остались четверо: Картер, Карнарвон, леди Эвелина и Коллендер. В напряженном молчании они ждали, пока Картер проделает отверстие в глыбе, запечатывавшей вход в гробницу. Когда отверстие оказалось достаточно большим, он взял свечу, чтобы проверить, нет ли внутри вредных газов. Вот как описывал этот момент сам Картер:

Я просунул в отверстие зажженную свечу и заглянул внутрь; лорд Карнарвон, леди Эвелина и Коллендер в страшном волнении стояли у меня за спиной, желая услышать мой вердикт. Сначала я ничего не увидел – из камеры выходил горячий воздух, и пламя свечи дрожало, порой едва не затухая, однако некоторое время спустя, когда мои глаза привыкли к свету, из полумрака начали мало-помалу проступать детали комнаты, странные животные, статуи и золото... повсюду золотое сияние. На мгновение, которое, наверное, показалось вечностью тем, кто стоял рядом, я потерял дар речи, потрясенный увиденным. А когда лорд Карнарвон, не имея сил ждать более, взволнованно спросил: «Вы что-нибудь видите?», я только и смог сказать ему: «Да! Удивительные

*вещи!» Затем, еще расширив отверстие так, чтобы можно было смотреть вдвоем, мы просунули туда электрический фонарь».*¹⁰

Зрелище, которое предстало глазам Картера в тот вечер, сотни раз описано в сотнях книг и других публикациях. Это та сцена, описание которой, похоже, люди никогда не устанут перечитывать. В конце концов, каждый из нас хотя бы однажды в своей жизни мечтал оказаться в подобной ситуации. Это было похоже на счастливый конец удивительной сказки.

Они мечтали об этой минуте четырнадцать лет и почти десять лет трудились ради достижения своей мечты в поте лица; Картер выполнял большую часть черновой работы, а Карнарвон, обеспечивая ее, потратил такое количество денег, которое почти не поддается учету. Они потратили значительную часть своих жизней, а Карнарвон еще и собственного состояния на поиски того, что много столетий ускользало от других. И вот теперь, как и положено в сказках, они, наконец, получили вознаграждение за все годы лишений, разочарований и крушения надежд. Они проявили бездну терпения и упорства там, где все остальные отступились, и наградой им было не только обнаружение сокровищ, которые превосходили все самые смелые мечты, но и оправдание в глазах современников и доказательство их правоты. Поистине, Долина царей еще далеко не «исчерпала своих возможностей».

Пока остальные возбужденно всматривались в темноту, стараясь рассмотреть лежащие внутри чудеса, Картер расширял отверстие, делая его до-

статочно большим, чтобы все могли увидеть, как свет электрического фонаря переходит с одного поразительного зрелища к другому.

*Во-первых, прямо напротив нас находились три огромных позолоченных ложа. Их резные края были выполнены в виде чудовищ с причудливо изогнутыми телами, для того чтобы тому, кто ими пользовался, было удобнее, однако головы отличались поразительным реализмом. Совершенно жуткие твари, если посмотреть на них в любое время: мы сами это испытали, когда смотрели на них. Позолоченная поверхность этих изваяний мерцала, когда на них падал электрический свет, а их головы отбрасывали искаженные тени на стены. Это зрелище ужасало.*¹¹

Самым захватывающим во всей этой истории, по рассказам всех присутствовавших, было то, что, когда они вошли, то увидели очертания еще одного входа с печатями в северной оконечности помещения. Возле него стояли две фигуры стражей в полный человеческий рост, выполненные в виде самого фараона, одетые в золотые юбки, в золотых сандалиях с символами царской власти в руках – жезлами и булавами, а также с изображениями священной кобры над головами.¹² В книге Кристофера Фрейлинга «Лик Тутанхамона» (*The Face of Tutankhamen*) говорится, что Картер сообщал:

Спустя какое-то время до нашего взбудораженного сознания дошло понимание, что среди всего этого множества предметов нет саркофага и вообще каких-либо следов присутствия му-

мии. Мы вновь стали думать о том, что же такое нам удалось обнаружить – гробницу или просто сокровищницу. Размышляя об этом, мы еще раз осмотрели помещение и тут впервые увидели между двумя черными фигурами стражей очертания двери с печатями. Мы тут же все поняли. Мы находились на пороге нашего величайшего открытия. То, что мы сейчас видели, представляло собой всего лишь переднюю комнату. За охраняемой статуями дверью нас, наверняка, ожидали другие помещения, возможно, несколько, и в одном из них, вне всякого сомнения, во всем своем посмертном великолепии нас ждал сам фараон.¹³

На следующий день Карнарвон послал письмо египтологу Алану Гардинеру: «Здесь достаточно предметов для того, чтобы заполнить доверху отдел египетских древностей Британского музея. Я полагаю, что это величайшая находка из всех, когда-либо сделанных».¹⁴

Собственно, это было все, что исследователи могли позволить себе официально, по закону. Для того чтобы войти в гробницу, им следовало дожидаться прибытия правительственного чиновника. Поэтому, по словам Картера, они решили больше в тот день ничего не предпринимать и вновь запечатали входное отверстие.

«Это был всем дням день, – вспоминал Картер, – самый замечательный из всех, прожитых мною, и, несомненно, такой, которого мне больше никогда не доведется увидеть вновь».¹⁵

Позже, разговаривая о случившемся, они гадали, что может находиться за третьей дверью. Откроется ли им там лабиринт связанных между

собой комнат, каждая из которых будет удивительнее предыдущей? А, может, там только одно помещение, и в нем их дожидаются жалкие остатки сокровищ, которые не успели забрать грабители, забравшиеся в гробницу с другой стороны?

Как сообщает Картер, при первых лучах солнца они возвратились в долину и расширили входное отверстие, чтобы можно было без помех проникнуть в гробницу. Отметим, что внутрь археологи проникли, не дождавшись прибытия инспектора. Когда они вошли в помещение, которое отныне стали называть «передней», и Карнарвон наспех провел туда электрическое освещение, все были еще больше поражены увиденным. Они бродили среди груд различных предметов, снова и снова восклицая от восхищения и постоянно призывая друг друга взглянуть на новые сокровища.¹⁶

В книге «Тутанхамон: нерассказанная история» Томас Ховинг пишет:

Внезапно всех охватило чувство, близкое к замешательству, от ощущения, что они самовольно вторглись сюда. Целая вечность прошла с той минуты, когда там, где сейчас находились они, стоял последний человек. Однако казалось, что люди ушли отсюда только вчера. Все вокруг выглядело так, будто оставлено совсем недавно: сосуд с известковым раствором, которым штукатурили дверной проем, светильник, словно только что погасший; на окрашенной поверхности стены еще виднелись отпечатки чьих-то пальцев, на пороге лежал поразительно хорошо сохранившийся букет засохших цветов. Казалось, что эта древняя комната еще наполнена

*дыханием давно ушедших людей, и от этого у всех возникало ощущение, что они непрошеными гостями вторглись в чужой дом.*¹⁷

И снова мы отчетливо видим эту картину. Разве любой из нас не испытывал бы те же самые чувства, не вел бы себя так же, если бы нам посчастливилось хоть раз оказаться в подобной ситуации?

Внимательно обследовав штукатурку между двумя статуями стражей, исследователи пришли к заключению, что печати на входе в следующее помещение носят следы повреждений. Неужели древние грабители уже побывали там? И, если так, то, может быть, после их ухода египетские жрецы поспешно заделали вход? И хотя взломанные печати доказывали, что гробница была ограблена в древности, Картер и его спутники сделали вывод, что, по всей видимости, в нее за последние три тысячи лет никто не забирался, по крайней мере, через этот вход. Но сохранялась возможность, что грабители нашли другой вход в помещения, находящиеся за дверью.

И тогда археологи решили взломать плиту, закрывавшую вход, и посмотреть, что находится за ней. Пробив маленькое отверстие в той части плиты, которая уже была нарушена, Картер смог протиснуться внутрь, а за ним последовали Карнарвон с дочерью. Коллендер отличался несколько более крупным телосложением, поэтому ему пришлось остаться в передней и ожидать рассказа спутников о том, что они обнаружили в новом помещении.¹⁸

Когда они пробрались внутрь, им сразу стало ясно, что сбылись их самые смелые мечты. Прямо перед ними возвышалась массивная рака, а спра-

ва от нее в открытом дверном проходе виднелось еще одно помещение, в котором мерцало золото новых находок. Прямо у порога вход охраняла статуя бога Анубиса в виде собаки. Теперь Картер был совершенно уверен в том, что нашел Тутанхамона, и мумия юного фараона, почти наверняка, должна находиться здесь, в толще массивной усыпальницы, куда ее положили три тысячи лет назад. Из рисунков на папирусах, найденных в других захоронениях, археологам было известно, что тело фараона покоится в саркофаге, который, в свою очередь, помещался в ковчег, тот – еще в один. Всего могло оказаться не менее пяти ковчегов, один в другом. В массивной усыпальнице, на самом дне, должен был находиться гроб из чистого золота и в нем – сама мумия.¹⁹

По мнению Томаса Ховинга, изложенному в его книге, Картер и Карнарвон затем решили вернуться в переднюю и вновь заделать стену, в которой они пробили отверстие. Таким образом, когда на следующий день они станут открывать гробницу, все присутствующие испытают то же самое волнение и будут теряться в догадках: что находится за третьей дверью? Компаньоны решили, что не будут говорить о своем первом посещении гробницы, однако выразят уверенность в том, что тело Тутанхамона лежит там, за стеной. И Картер и Карнарвон были неплохими шоуменами и желали обставить свое открытие со всем драматизмом, с тем чтобы мир испытывал максимально возможное волнение при открытии гробницы. Итак, заделав отверстие, они скрыли следы поспешных «ремонтных» работ при помощи валявшихся поблизости корзины и охапки тростника.²⁰

«Передней» предстояло стать первым помещением, которое они собирались продемонстрировать общественности. Таким образом, утром 27 ноября убрали плиту, закрывавшую вход, и Картер в первый раз, по крайней мере «официально», переступил порог гробницы вместе со своими коллегами. В служебном отчете было написано, что помещение 6 метров шириной и почти 9 длиной было доверху наполнено сотнями предметов, громоздившихся друг на друге. Повсюду золото, замысловатые вазы из алебастра, самоцветные камни, а у стены – шесть колесниц. Картер обратил внимание, что оси колесниц были спилены наполовину, и, таким образом, их, несомненно, вкатили через вход во время похорон. Все предметы выглядели точно так же, как были оставлены, когда гробницу запечатали почти три тысячи лет назад.

В юго-западном углу комнаты, где присутствующие заметили еще один вход, в плите, закрывавшей его, обнаружилось маленькое отверстие. Заглянув в него, они увидели еще одно помещение, забитое сокровищами, к которым можно было добраться через эту четвертую дверь. Археологи назвали эту комнату «Кладовая», а комната рядом с погребальной камерой получила название «Сокровищница».

Они почти всю ночь провели там, блуждая среди находок, затем вновь запечатали входные отверстия и направились верхом на ослах по домам. Нет никакого сомнения, что все были потрясены.

О самом первом посещении погребальной камеры, случившемся еще до официального открытия гробницы, возможно, никогда бы не стало из-

вестно, если бы внезапно не увидел свет неопубликованный черновик статьи, написанной Карнарвоном. В этой статье, обнаруженной много лет спустя, не только подробно рассказывается о том, как компаньоны расширяли отверстие во второй двери, но и дается описание бесценных артефактов, которые они там увидели. И хотя об этом ночном вторжении было известно узкому кругу тех, кто участвовал в раскопках, остальной мир испытал состояние шока. В 1945 году Алан Гардинер написал письмо Перси Ньюберри по поводу материалов Картера, которые должны были выставляться в институте Гриффита в Оксфорде, и в постскриптуме приписал: «А, кстати, вы видели статью Лукаса, в которой он, попросту говоря, проболтался? Я очень рад, что это произошло, поскольку не мог сделать этого сам».²¹

Альфред Лукас, директор департамента химических веществ в египетском правительстве, присоединился к группе, работавшей в гробнице Тутанхамона, через месяц после ее официального открытия. Через двадцать пять лет он написал в официальном журнале *Les Annales du Service des Antiquités de L'Égypte* буквально следующее: «Довольно серьезная загадка кроется в вопросе об отверстии, проделанном грабителями (том самом, что ведет в погребальную камеру). Когда примерно 20 декабря я впервые увидел гробницу, отверстие было завалено прутьями вроде тех, что идут на изготовление корзин, и каким-то тростником, который мистер Картер до этого собрал на полу и навалил перед входом... Совершенно точно, мистер Картер и лорд Карнарвон с дочерью входили в погребальную камеру и сокровищницу, дверь в

которую была запечатана, до ее формального открытия». А позже он еще написал: «Данное отверстие, в отличие от того, что имелось на внешнем входе, было закрыто и запечатано не древними служителями заупокойного культа, а мистером Картером. Вскоре после обнаружения гробницы я работал с мистером Картером, и он показал мне закрытый и запечатанный вход. А когда я сказал, что эти печати не кажутся очень древними, он согласился и добавил, что сделал это сам».²²

Лукас категорически утверждает, что помнит, как еще до официального открытия гробницы он увидел в доме у Картера шкатулку для благовоний, которую впоследствии обнаружили в гробнице. Для тех, у кого имелись подозрения по поводу деятельности Картера и Карнарвона, это послужило еще одним подтверждением тому, что эти двое решили сочинить драматичную сказку с описанием открытия гробницы и, таким образом, скрыть правду об их первом незаконном проникновении в нее. Впрочем, сообщников, похоже, несколько не беспокоила вся эта шумиха. В декабре 1922 года Карнарвон возвратился в Англию и имел аудиенцию у короля Георга V в Букингемском дворце. Согласно дворцовым записям, он заверил короля: «Проникнув через стену в погребальную камеру, мы обнаружим в ней несколько позолоченных ковчегов, а открыв их, увидим юного царя».²³ Спрашивается, как мог Карнарвон знать, что мумия лежит внутри в своем саркофаге, если еще не побывал в погребальной камере?

Между тем история об открытии гробницы Тутанхамона начала неуклонно распространяться по всему миру. Египет наводнили слухи, в которых

правда мешалась с вымыслом, а подлинные факты соседствовали с фантастикой. Говорили, например, что местные жители видели, как в Долине приземлились три аэроплана, а затем улетели в неизвестном направлении, нагруженные сокровищами. Известно, что Картер тоже знал об этих слухах, однако не обращал на них внимания, отвергая как смешотворные. Возможно, в те времена общественность отличалась меньшим цинизмом, поскольку с явным удовольствием согласилась с ним. Никто и слушать не хотел о том, что два героя, один из которых богатый английский аристократ, а другой – уважаемый британский ученый, два настоящих джентльмена, которые носили шляпы и строгие костюмы с галстуками даже в самую изнуряющую жару, что два таких человека настолько низко пали и стали красть сокровища, ими же самими найденные! Кто поверит речам диких и необразованных «туземцев», если имеются свидетельства столь прекрасных людей? Конечно, никто!²⁴

Официальное открытие гробницы состоялось 29 ноября, однако посетителям показали только переднюю. Отверстие, через которое можно было попасть в погребальную камеру, было благоразумно прикрыто корзиной и тростником. В числе приглашенных находились провинциальные египетские чиновники и несколько особо близких друзей, таких как леди Ньюберри. Как сообщается в книге Т. Джеймса «Говард Картер: дорога к Тутанхамону», второй осмотр открытых сокровищ организовали на следующий день, и теперь на него пригласили генерального директора Службы древностей Пьера Лако, советника министерства общественных работ Пола Тоттенхема, а

также сэра Артура Мертона, представителя газеты «Таймс».²⁵ В итоге при содействии Картера 30 ноября новость о сенсационном открытии по телеграфу облетела весь мир.

Следует признать, что Картер и Карнарвон смогли успешно скрыть свое жульничество. Что и говорить, не все было ладно в египетской Службе древностей. Кстати, Лако и его помощника Тоттенхема вообще не пригласили на церемонию официального открытия гробницы, и многие египетские националисты тут же усмотрели в этом факте демонстративный выпад против их народа. Слишком долго к тому времени англичане разворачивали национальное достояние Египта. Как следует из книги Николаса Ривза «*The Complete Tutankhamen*», Артур Мейс, специалист по консервации памятников, посланный в Египет Метрополитен-музеем, писал из Луксора: «Археология в сочетании с журналистикой уже достаточно плохо, но если сюда еще добавить политику, то это будет немного чересчур».²⁶ И все-таки подлинный масштаб находки и трагическая история гробницы сдерживали недовольство высокомерным поведением английских археологов, а Картер и Карнарвон спешили, невзирая ни на что. Открытие погребальной камеры запланировали на 17 февраля 1925 года, и к этой дате спешно подготовили и разослали список почетных гостей.

В один из дней Картер повел толпу собравшихся посетителей ко входу в гробницу. Карнарвон, следовавший за ним, находился в исключительно игривом настроении и, обернувшись к зевакам, пошутил: «Сейчас у нас будет концерт! Картер собирается спеть им песню». Услышав эту ехидную

реплику, Артур Вейгалл, один из тех, кого не пригласили, стоя у входа, недовольно бросил: «Если он сейчас спустится туда с таким настроением, думаю, он не протянет и шести недель». Как оказалось, это были пророческие слова.²⁷

Спустившись в подземелье, Картер, действительно, устроил настоящее шоу. Переднюю к тому времени уже прибрали и установили стулья, чтобы публика могла на них сидеть. Отверстие, которое проделали в стене погребальной камеры Картер с Карнарвоном, теперь предусмотрительно закрыли маленькой деревянной платформой. Именно с нее Карнарвон обратился к собравшимся с короткой речью, поблагодарив рабочих и выразив особую признательность Метрополитен-музею за его огромную помощь в осуществлении всего проекта. Затем наступила очередь Картера. Соблюдая меры предосторожности, он начал аккуратно снимать штукатурку со стены погребальной камеры. Он совершенно точно знал, что будет найдено в этом помещении, однако сознательно держал в напряжении посетителей, сидевших у него за спиной. Наконец, отверстие оказалось достаточно большим, и Картер, повернувшись к собравшимся, хрипло произнес: «Я вижу сине-золотую фаянсовую стену».²⁸

Для присутствующих зрителей наступил скажочный момент, и Картер успешно сделал вид, что потрясен не меньше их. Отверстие еще расширили, и стала заметна мерцающая золотом стенка ковчега*. Картер проскользнул в погребальную

* Деревянные позолоченные ковчеги в гробнице Тутанхамона сам Картер, а вслед за ним и другие авторы, называют также внешними саркофагами, в отличие от внутреннего саркофага, выполненного из желтого кварцита. — *Прим. ред.*

камеру и продолжил священнодействовать, доставая оттуда множество восхитительных предметов искусства: шкатулки, светильники и даже одиннадцать весел для священной ладьи. Затем Картер, как написано в книге Томаса Ховинга «Тутанхамон: нерассказанная история», «снял запоры на внешнем ковчеге и, открыв крышку, достал льняной покров... За древним куском материи скрывался еще один ковчег, крышка которого была также закрыта на запоры и, на этот раз, запечатана... Данный факт, как объявил замороженной публике Картер, означал, что грабители не добрались до тела юного фараона». Надо признать, что ни один сценарист не написал бы более захватывающего по своей драматургии сценария. Подобное шоу заслуживало того, чтобы продолжаться целую вечность.²⁹

Карнарвон так рассказывал корреспонденту «Таймс» Артуру Мертону о том, что он чувствовал в тот день:

Трудно описать, что я чувствовал, когда вошел во внутреннее помещение, потому что, ручаясь, я никогда и не мечтал, что мне доведется увидеть такое восхитительное зрелище, которое открылось моим глазам... Затем с величайшей осторожностью я последовал за мистером Картером. Можете представить, что все эмоции и волнение, испытанные мною, когда я вошел в первое помещение, ровно ничего не стоили в сравнении с тем, что я почувствовал, оказавшись в практически нетронутой гробнице египетского фараона. Я нисколько не сомневался, что, открывая ковчег за ковчегом, в пространстве между их стенками

мы увидим множество предметов, представляющих огромный интерес и отличающихся от уже найденных только тем, что они будут еще прекраснее. Работа по снятию крышек с ковчегов требовала величайшей осторожности и сноровки, и по мере того как она продолжалась, я ожидал со все нарастающим интересом и волнением, пока, наконец, мы не добрались до того места, где, вне всякого сомнения, лежало не потревоженное тело царя.³⁰

Картер осознал, что для работ в гробнице ему требуется помощь, и поспешил связаться с заведующим отделом египетских древностей Метрополитен-музея Альбертом Литгоу, который незадолго до того прислал ему телеграмму с поздравлениями и предложил свои услуги. В ответ Картер телеграфировал: «Спасибо за послание [с поздравлениями]. Открытие поистине колоссальное, и требуется любое содействие. Не сможете ли привлечь Бертона на время? Расходы за наш счет. Обязете самым скорым ответом. С наилучшими пожеланиями – Картер, отель «Континенталь», Каир.

Литгоу немедленно согласился. Он был крайне заинтересован в том, чтобы завязать более тесные отношения с Картером. Прежде всего, он стремился получить право первого выбора в отношении всего, что будет найдено в гробнице. Картер сделал правильный выбор среди конкурирующих музеев, а щедрость Литгоу впоследствии была полностью вознаграждена.

Гарри Бертон, о котором шла речь в телеграмме, был англичанином, жившим во Флоренции и

в 1914 году завязавшим контакты с Метрополитен-музеем. Он занимался раскопками в Долине царей с Теодором Дэвисом, а теперь стал работать с Картером в качестве фотографа. Сотни стеклянных негативов, сделанных им в последующие годы за то время, пока очищалась гробница, могут считаться лучшими фотографиями из всех, на которых запечатлены археологические исследования. Вообще предложения помощи поступали отовсюду, и Картер смог собрать настоящую команду тех, кто ему нравился и кому он мог доверять. Среди них были Артур Мейс, Коллендер, Перси Ньюберри (человек, впервые открывший Картеру египтологию), Алан Гардинер, Джеймс Брестэд, Уолтер Хаузер, Линдсей Фут Холл и Ричард Адамсон.

Такова официальная история открытия гробницы Тутанхамона.

VI

«Тутанхомания»

История, которая начинается словно сказка о пещере Аладдина, а завершается точно так же, как греческий миф о Немезиде, не может не захватить воображение мужчин и женщин...¹

Леди Бургклер

Когда Картер и Карнарвон 29 ноября 1922 года официально объявили об открытии входа в гробницу, они пригласили единственного журналиста – Артура Мертон, друга Картера и местного корреспондента лондонской *The Times*. Мертон создал этому событию именно ту рекламу, которую стоило. Согласно его сообщению, это было «самое сенсационное открытие столетия»². Редакции других мировых газет, в особенности лондонских и кайрских, пришли в негодование из-за того, что о столь значимом событии им пришлось читать у конкурентов, однако приняли эту корреспонден-

цию и перепечатали ее. У них не осталось выбора, а новость была слишком хороша, чтобы ее проигнорировать. Следует отметить, что средства массовой информации в те годы, может, и не так стремительно реагировали на события, как это происходит в наши дни, однако и тогда они ожесточенно конкурировали между собой. Когда у издателей появлялась новость, которая казалась им заслуживающей внимания, они использовали ее по полной программе. А история с открытием неразграбленной гробницы обещала стать таким лакомым куском, который будет привлекать внимание читателей на протяжении многих лет, поэтому всем хотелось урвать что-нибудь и себе.³

Картер совершенно неожиданно для себя обнаружил, насколько тяжело бремя внезапно свалившейся на него славы. Нет никакого сомнения, ему нравилась мысль о том, что им будут восхищаться равные ему по социальному статусу коллеги; возможно, он даже надеялся получить рыцарское достоинство, однако другая сторона славы его никак не могла обрадовать. В особенности Картеру не нравилось иметь дело с праздной публикой, которая теперь путалась под ногами и отвлекала глупыми вопросами. По словам его коллеги Артура Мейса, «из-за всех этих волнений нервы у Картера сдавали, и у него непременно случился бы нервный срыв, если бы он не берег себя».⁴ До 1922 года широкая общественность никогда не проявляла особого интереса к археологии, которая, если не говорить о поисках сокровищ, всегда представлялась ей довольно сухой и малопонятной наукой. Но открытие гробницы Тутанхамона изменило все в одночасье. Тут

читатели газет столкнулись с историей, которая им была понятна и интересна: мальчик-фараон, погребенный три тысячи лет назад в окружении бесчисленного количества золотых украшений и сказочных произведений искусства.

Описание обстановки, царившей вокруг гробницы, опубликованное в «Дейли телеграф», дает представление о том напряжении, в котором находился Картер в те дни.

Обстановка вокруг гробницы напоминает Дерби – день ежегодных скачек в Эпсоме. Дорога, ведущая к ущелью, окруженному горами, забита всевозможными повозками, колясками и вьючными животными. Проводники, погонщики ослов, торговцы древностями и разносчики воды – все отчаянно кричат и торгуются. Когда последний предмет был вынесен из коридора, корреспонденты газет бросились со всех ног через пустыню на берег Нила. На ослах, лошадях, верблюдах, в повозках они мчались вперед, чтобы первыми добраться до телеграфа и отправить свои корреспонденции.⁵

Но кроме сокровищ мир желал увидеть, как же выглядит в действительности гроб фараона, и узнать, есть все же в нем или нет мумия, которую исследователям так отчаянно хотелось найти. Как сообщалось, по всей Америке, куда бы вы ни поехали – в отелях, поездах и т.п., – только и было разговоров, что о фараоне и его сокровищах.⁶ В те дни в полном соответствии с традициями их профессии, освященными временем, журналисты и комментаторы могли придумывать и преувеличи-

вать столько, сколько им хотелось, чтобы их рассказ стал максимально интересен читателям. И они в полной мере этим пользовались. Сухие исторические факты внезапно ожили, преломляясь через романтическую историю жизни юного царя и его двора. Здесь же, кстати, пригодились и рассказы о том, как Картер с Карнарвоном протиснулись в отверстие в стене, и дыхание замерло у них в груди при виде ослепительной красоты, обнаруженной ими, и от осознания величия тех тайн, с которыми они соприкоснулись. Словом, воображение целого мира работало круглые сутки без перерыва на сон и на отдых.

Более того, рассказывая историю об отверстии в плите, закрывавшей вход в гробницу, и сознательно нагнетая напряжение читателей повествованием о том, что в первый день им было неизвестно, что скрывается за стенами передней, Картер и Карнарвон тысячекратно укрепляли могущество создаваемого ими мифа.

Подобно многим современным спортивным и кинозвездам, внезапно оказавшимся в центре внимания публики, Картер вдруг обнаружил, что за ним повсюду ходят толпы репортеров в надежде найти какую-либо новую грань в этой истории. Причем потенциальная сенсация совсем не обязательно имела хоть какое-то отношение к археологии или Древнему Египту. Его бомбардировали письмами и телеграммами, в которых содержались поздравления, предложения помочь в работе, просьбы прислать что-нибудь «на память». Словом, Говард Картер мог умело сочинять истории и создавать мифы, но он оказался не готов к той популярности, которая обрушилась на него благодаря этим мифам.

*Известие об открытии гробницы Тутанхамона
привело в Долину царей толпы зевак.*

Гробницу осаждали толпы народа, а ежедневная дорога на работу и обратно превратилась для археологов в сущее мучение. Многие просто желали поглазеть на событие, разворачивавшееся у них на глазах, с тем чтобы потом хвастаться друзьям, что они лично «там побывали». Вдобавок постоянно появлялись так называемые «официальные» представители. Никем не приглашаемые, они размахивали всевозможными разрешениями от различных министерств, во все вмешивались и в целом доставляли одни неприятности. А к этому еще надо добавить газетчиков и сотни фотографов-любителей, которые вились возле входа в гробницу в надежде сделать удачные снимки, чтобы впоследствии выгодно продать их дома. Мертон из «Таймс» попробовал как-то утихомирить эту орущую и суетящуюся

толпу, но одному человеку это было, явно, не под силу. И посреди всего этого сумасшествия Картер попытался организовать работы по извлечению находок из гробницы. В таких, прямо скажем, не простых условиях даже элита журналистского сообщества начала возмущаться. 14 марта в «Таймс» появилось письмо, написанное сотрудниками Метрополитен-музея, египетской экспедиции и помощником хранителя музея А. Мейсом. В нем говорилось:

Общественность должна научиться сдерживать свое любопытство до тех пор, пока археолог не будет готов сделать объявление о результатах своего исследования, тогда и в той форме, в какой сочтет нужным... Давайте оставим в покое мистера Говарда Картера и его помощников, с тем чтобы они могли довести до конца благородное дело спасения для нас этих чудесных сокровищ. И давайте уважать их решение общаться с публикой, когда это им угодно, и самим выбирать форму, в какой следует сообщать о результатах своих открытий.⁷

Это заявление осталось гласом вопиющего в пустыне. Те зеваки, которые не могли попасть в гробницу, сидели у входа под палящими лучами солнца, путаясь под ногами у рабочих Картера. Стало еще хуже, когда он внезапно обнаружил, что туристические агентства по всему миру начали предлагать клиентам туры, которые предусматривали «осмотр гробницы»⁸. Словом, жизнь становилась все тяжелее, и для Картера это сделалось первым кошмаром. И чем хуже становились усло-

вия работы, тем более раздражительным становился Картер. Теперь он часто выходил из себя и отказывал десяткам людей, каждый день пытавшимся сделать его фото «на память», когда археолог шел на работу или домой. Гостям, среди которых было много художников, и обществом которых Картер обычно наслаждался, теперь приказали убираться. Нам никогда теперь не узнать, попытались бы они с Карнарвоном как-то иначе обставить открытие гробницы, если бы заранее представляли все последствия, но это была та цена, которую им приходилось платить за свой огромный успех.

Это явление получило название «Тутанхомания» и стремительно распространилось по всей Европе и Америке. В своей книге «Лик Тутанхамона» (*The Face of Tutankhamen*) Кристофер Фрейлинг утверждает следующее: «Сумасшествие охватило все стороны жизни – от лохмотьев в стиле Тутанхамона, в которых публика щеголяла на балах в лучших отелях, до последних швов в нарядах, дизайн которых был навеян египетскими мотивами, а также мебели, интерьеров и модных аксессуаров.⁹ В 1920-е годы Запад старался уйти от воспоминаний о недавно закончившейся мировой войне, а открытие гробницы Тутанхамона давало прекрасную возможность уйти от реальности. И действительно, что могло быть забавнее и волнительнее, чем оказаться свидетелем сказочных богатств и попыток достичь бессмертия, которые предпринимал древний, загадочный двор фараона, пребывавший в неизвестности почти три тысячи лет?

Кроме помех, которые постоянно чинили посетители, возникали многочисленные остановки из-за того, что приходилось вызывать к гробнице

Мейса и Лукаса. Их помощь требовалась для срочной обработки предметов перед их перемещением или для того, чтобы передвигать неудобно расположенные объекты. Тем не менее основная тяжесть ложилась на плечи Картера, поскольку именно он был тем человеком, которому приходилось работать среди толп собравшихся зевак. Карнарвон, хотя и оказывал ему какую-то поддержку, был более привычен к общественному вниманию (кое-кто даже поговаривал, что ему этого внимания не хватало), но именно Картеру, проводившему все дни на жаре, жизнь казалась особенно тяжелой. Титанический труд по вывозу из гробницы находок, их консервации и описи, наверняка, стоил ему десяти лет жизни.

Одним из тех, кто находился с Картером все это время, был Бертон, фотографировавший каждый этап работы с находками из гробницы. Хаузер и Холл отчаянно спешили, стараясь сделать чертежи, схемы и зарисовать все найденные в гробнице предметы. Лукас и Мейс появлялись у гробницы с воском, чтобы провести первую необходимую консервацию находок, когда это требовалось.¹¹ Ни одни раскопки, проводившиеся до той поры в Долине царей, не протоколировались с такой тщательностью, никогда археологические находки не учитывались так, как в этот раз. Такая кропотливая, трудоемкая работа могла бы вывести из себя любого, не говоря уже о таком вспыльчивом человеке, как Картер. Напряжение усиливалось еще и условиями труда в самой гробнице: при отсутствии свежего воздуха жара становилась еще более непереносимой из-за электрического освещения, которое провели внутрь,

чтобы лучше видеть предметы. В некоторых тесных уголках, где и поместиться-то нормально невозможно, Картер и его коллеги работали по несколько часов кряду, что, несомненно, давалось им очень болезненно. Многим со стороны казалось, что Картер руководит великолепным коллективом единомышленников, больше напоминающим хорошо смазанный механизм, но и тут стали заметны первые «поломки». Ривз и Тайлер в книге *«Говард Картер перед Тутанхамом»* (*Howard Carter Before Tutankhamen*) приводят комментарий Гарри Бертона: «Этот Картер просто невозможен!»¹² Что и говорить, при таких обстоятельствах Картер был близок к тому, чтобы потерять остатки терпения и взорваться в любой момент, особенно, учитывая, что у него имелись вещи, которые ему очень хотелось спрятать от посторонних любопытных глаз.

Желая обуздать прессу, Картер и Карнарвон тогда же разработали план, который должен был в сотни раз усложнить жизнь газетчикам. Сегодня в масс-медиа широко распространенным явлением стали эксклюзивные договоры на право освещения тех или иных событий. Знаменитости и герои главных новостей буквально осаждаются журналистами, которые предлагают им подписать с тем или иным издательством эксклюзивный договор, по которому звезда обязуется не передавать информацию никому другому. Кроме финансовых вознаграждений, предлагаемых крупнейшими издательствами, они обычно еще и обещают защищать героев новостей от нежелательного внимания со стороны конкурирующих средств массовой информации. Основной смысл

данной политики заключается в следующем: раз эксклюзивный договор подписан, то соперники поймут, что проиграли, и уберутся восвояси. Правда, это все теория. На практике же конкуренты часто ищут различные способы, чтобы перехватить сенсацию и поживиться самим. С этой целью они либо находят кого-то, кто может рассказать такую же историю, либо просто выдумывают ее сами.

Так вот, Карнарвон с Картером решили заключить такой эксклюзивный договор с лондонской «Таймс». В те времена эта газета имела наиболее солидную репутацию во всем мире, ее читали самые влиятельные люди на Британских островах и те, кто правил империей в других частях света. По этому поводу Карнарвон написал Картеру:

Боюсь, вам пришлось пережить тяжелое время из-за прессы. Я мог бы все устроить раньше, но хотел посоветоваться с вами и узнать вашу точку зрения. У меня такое ощущение, что в нашем случае не стоит устраивать, так сказать, аукцион по передаче журналистам прав на публикации и т.п. Я также опасаюсь, что это сделает наш вопрос слишком публичным и чересчур коммерческим, однако я посчитал, что предложение, поступившее от «Таймс», это лучшее, что может быть сделано. После всего вышесказанного и сделанного добавлю, что это – первая газета в мире, и даже теперь она имеет большую власть и влияние, чем любая другая. Думаю, что эта власть только усилится после реорганизации газеты и особенно под руководством ее редактора Джеффри Доусона. И хотя я не испытываю к нему

*особой любви, все же сразу видно, что имеешь дело с настоящим джентльменом.*¹³

Для Карнарвона выбор в пользу «Таймс» был само собой разумеющимся, зато Картеру сотрудничество с этим изданием дало возможность работать исключительно с Артуром Мертоном, человеком, с которым они отлично поладили и который не задавал неудобных вопросов. Карнарвон согласился на гонорар 5000 фунтов, предложенный редактором газеты, с условием, что в случае продажи газетой прав на публикацию другим издательствам они с Картером получают 75 процентов авторского гонорара. Даже в сегодняшних ценах подобное предложение настолько серьезно, что его может себе позволить далеко не каждая современная газета.¹⁴

Конечно, причины, которыми Картер и Карнарвон оправдывали заключение подобной сделки, имели под собой основание. В конце концов, они не могли тратить все свое время на то, чтобы отбиваться от осаждавших их журналистов, добиравшихся в Долину из Египта и со всего мира и постоянно требовавших провести их в гробницу, дать интервью и сообщить, что еще найдено. В такой ситуации, если бы вся информация аккумулировалась в «Таймс», а остальные покупали ее там, это ослабило бы давление на Картера и его людей и позволило бы им работать спокойно. В любом случае, данное предложение выглядело чрезвычайно разумным для двух джентльменов, которые его, собственно, и подготовили. Для всех остальных журналистов, за исключением Артура Мертона, подобный эксклюзивный договор представ-

лялся раздражающе высокомерным и снобистским. Наиболее жестокие комментаторы даже предполагали, что вся эта история стала попросту результатом жадности Карнарвона. На тот момент лорд уже успел заключить с Голливудом договор о съемках фильма, ряд соглашений с журналами и договор об издании книги, и недоброжелатели заявляли, что он стремится еще больше заработать на своей находке и вообще ведет себя так, словно гробница принадлежит только ему и находится на британских землях.

Признаем, что элемент правды содержится и в этих утверждениях о мотивах заключения договора с «Таймс». Но имелась и еще одна чрезвычайно важная причина, по которой Картер и Карнарвон хотели установить жесткий контроль над тем, как пресса освещает их деятельность: им было что скрывать. Если бы они позволили репортерам появляться слишком часто и подбираться слишком близко к гробнице, дотошные журналисты тут же связали бы концы с концами и начали бы делать некоторые выводы. Словом, пока компаньонам удавалось обеспечивать выборочный доступ к гробнице, они могли контролировать информацию, которая оттуда поступала.

В своей книге «Тутанхамон: нерассказанная история» Ховинг сообщает, что Артур Мертон был личным другом Картера – человеком, с которым археологу было удобно иметь дело и который ни при каких обстоятельствах не стал бы «раскачивать лодку». Объяснение этому простое: Мертон сам был заинтересован в сохранении статуса-кво. Что и говорить, со времен войны настолько

сенсационные репортажи не появлялись ни в одной газете мира. Естественно, издатели «Таймс» не имели ни малейшего желания рубить курицу, несущую золотые яйца, и распространять сомнения в честности героев этой сказочной истории. И «Таймс», и Картер с Карнарвоном стремились сохранить притягательную силу, которой обладало их открытие в глазах многочисленных читателей.¹⁵

В этой ситуации неудивительно, что остальные печатные издания испытывали недовольство. Особенно раздражались египетские газетчики, наблюдавшие, как у них на глазах древнее наследие их страны монополизировали иностранцы. После мировой войны в стране наблюдался всплеск националистических настроений, и националистов выводило из себя подобное недипломатичное поведение британцев. Египтян оскорблял сам факт того, что им приходилось покупать «Таймс», чтобы прочитать о собственных исторических памятниках. Однако ни Картер, ни Карнарвон, казалось, даже не замечали, какая суета началась вокруг. В конце концов, разве Египет не британский протекторат? Разве не британцы установили правила, по которым ведутся раскопки в этой стране? Разве не они вот уже десять лет набивали мозоли на руках (ну, по крайней мере, Картер), тратили деньги (кто, если не Карнарвон?) на одну бесплодную попытку за другой? Не они ли обеспечивают работой сотни местных жителей и обогащают страну, привлекая в нее толпы туристов? И разве не они помогают египтянам открыть завесу тайны над их собственным про-

шлым и сохранить его так, как сами египтяне никогда бы не смогли? И, учитывая все вышесказанное, разве не могут они делать все, что захотят, со «своей» гробницей после того, как они же ее и разыскали?

Впрочем, недовольство договором с «Таймс» выражали не только местные газетчики. Конкуренты из Лондона и Нью-Йорка, в особенности такие, как «Нью-Йорк таймс» и «Дейли мейл», также пришли в ярость, узнав о соглашении. Отказавшись сотрудничать с этими газетами, Картер и Карнарвон нажили себе очень влиятельных врагов. В 1923 году еще одна лондонская газета – «Дейли экспресс» опубликовала статью под заголовком «Тутанхамон Ltd», в которой говорилось:

В то время как все мы восхищаемся убежденностью и настойчивостью, принесшими столь замечательное вознаграждение лорду Карнарвону за все его усилия, трудно оправдать тот способ, при помощи которого он решил воспользоваться своим открытием... Гробница отнюдь не является его частной собственностью. В конце концов, он не ведет раскопки праха своих предков в горах Уэльса. Он обнаружил фараона в земле египтян, и, держа в тайне то, что находится в гробнице, лорд Карнарвон настроил против себя большинство наиболее влиятельных газет мира.¹⁶

Когда срок соглашения с «Таймс» закончился, Карнарвон то ли от жадности, то ли из высокомерия тут же заключил с газетой новый договор, правда, на меньшую сумму. По новому договору

приятель Картера Артур Мертон стал называться официальным представителем археологической экспедиции и получил право лично определять уровень взаимоотношений с другими периодическими изданиями. По этому поводу он написал Картеру:

Убедительно прошу подтвердить официально мое согласие присоединиться к штату ваших сотрудников в качестве агента по связям с общественностью. Как было между нами условлено, я буду представлять ваши интересы в Долине царей по всем вопросам освещения работ в гробнице Тутанхамона. Что же до публикаций новостей и других сведений, то я буду передавать только ту информацию, которую вы считаете нужным обнародовать, и лишь в тех пределах, которые вы мне время от времени будете указывать.¹⁷

Не удивительно, что все это лишь еще больше обострило ситуацию.

24 декабря 1922 года Карнарвон написал Картеру письмо, в котором информировал компаньона о наиболее выгодном, по его мнению, варианте продажи рассказа о раскопках средств массовой информации. По словам Карнарвона, он решил заключить договор с компанией «Голдвин Ltd» в Голливуде о передаче им права на съемки захватывающего фильма. 1920-е годы по праву считались золотым веком Голливуда, и что могло быть лучше, чем захватывающая история о Долине царей, сказочных сокровищах и двух бесстрашных героях, которые борются со стихиями и обстоятельствами ради того, чтобы выяснить правду!

Лорд Карнарвон от всей души увлекся обеими сторонами данного проекта, как деловой, так и художественной. А пресса начала еще громче выражать свое неодобрение. Словом, Картер и Карнарвон наживали себе врагов повсюду, но это, похоже, не слишком беспокоило лорда: если вы богаты и знатны, то все нападки будут вам, как слону дробина. Когда кто-то пытался обратить его внимание на то, что пишут в газетах, он лишь пожимал плечами. Несомненно, он сделал правильный вывод о том, что никто не станет принимать всерьез то, что там публикуется.

И вдруг, когда, казалось, что пресса уже не сможет сделать археологам ничего плохого, газетчики ухватились за историю о «проклятии фараона».

VII

Проклятие фараона

...Все разумные люди должны с презрением отбросить подобные измышления.¹

Говард Картер

Откуда конкретно пошли слухи о «проклятии фараона», неизвестно. Но совершенно точно, что, решив посмеяться над ним на страницах газет, Картер привлек к этим слухам повышенное внимание, после чего они получили громадный кредит доверия и стали распространяться все дальше. Общественность рассуждала просто – если уж что-то отрицается, значит, стоит вспомнить пословицу «нет дыма без огня».

В конечном итоге «проклятие фараона» стало такой же легендой, как история про юношу-фараона и открытие его гробницы. Восставшая из мертвых всклокоченная мумия, волоча за собой пропитанные гноем пелены, пошатываясь, начала

свое зловещее, победное шествие, превратившись в героиню, подобную вампирам (вроде графа Дракулы) либо рукотворному чудовищу, вышедшему из лаборатории Франкенштейна. Словом, мумия фараона прочно заняла свое место в международном пантеоне «страшилок» где-то между Джеком Потрошителем, ожившими мертвецами вуду и другими не менее симпатичными героями фильмов ужасов.

Согласно сообщениям прессы, среди людей первой жертвой «проклятия» стал сам Карнарвон. Причем, всего через четыре месяца после открытия гробницы – 2 апреля 1923 года. Согласно официальной версии, после открытия погребальной камеры он решил несколько дней отдохнуть, и его ужалило в щеку какое-то насекомое. Во время бритья Карнарвон занес инфекцию, и у него начался жар. В тот момент ему уже исполнилось пятьдесят семь лет, а здоровье, и без того слабое, было ослаблено последними бурными месяцами, поэтому по настоянию любящей дочери Эвелины он решил отлежаться в постели. Через пару дней его состояние, казалось, пошло на поправку, и Карнарвон заговорил о том, что собирается вернуться к гробнице. Однако затем наступило обострение болезни, и он снова слег, поэтому Эвелина начала готовить его к отправке в Каир, в отель «Континенталь-Савой». Но больному становилось все хуже, он подхватил пневмонию, которая и свела его в могилу.

В книге «Годы моей работы» (*My Working Years*) египтолог Алан Гардинер написал:

В разгар сезона своей кульминации достигли и волнение и горести. Возможно, он [Карнарвон]

и поправился бы после того, как в Луксоре его укусило какое-то насекомое, если бы имел лучший уход. Он вернулся в Каир и пригласил меня пообедать с ним в «Мохаммед-Али Клуб». Он выглядел очень уставшим и печальным, однако настоял на том, чтобы пойти посмотреть фильм. Затем он пожаловался, что у него побаливает щека, и я упрямил его вернуться в отель «Континенталь». Однако он досмотрел фильм до конца, но больше так никогда и не вышел из дома, несмотря на присутствие лучших докторов Каира.²

Лорд Карнарвон умер в Каире на глазах Альмины, Эвелины и его сына лорда Порчестера, которого срочно отозвали из Индии, где он проходил армейскую службу. И тут же появились сообщения о новых странных событиях, имеющих отношение к гробнице Тутанхамона. Первое из них появилось 6 апреля 1923 года в «Дейли экспресс». В своей статье автор репортажа утверждал, что как только Карнарвон испустил последний вздох, «внезапно в каирском госпитале погасли все огни, и здание полностью погрузилось во мрак». Через несколько минут свет вновь загорелся, но только для того, чтобы вскоре опять внезапно погаснуть. Те, кто в волнении ожидал новостей, восприняли это любопытное обстоятельство как зловещее предзнаменование.³

В течение нескольких последующих недель история с «погасшим светом» получила свое развитие. Теперь, согласно сообщениям газет, в Каире не просто «погас свет», но на целых пять минут вышла из строя вся система электроснабжения как раз в то время, когда умер лорд Карнарвон. О том,

что Каир в тот момент остался без света, свидетельствовал и лорд Алленби. Как говорят, он поинтересовался у старшего энергетика о причинах аварии, однако никакого объяснения не последовало. Отныне в газетах то и дело стали мелькать заголовки типа «Проклятие фараона» или «Проклятие Тутанхамона».⁴

24 марта 1923 года «Дейли экспресс» перепечатала письмо, направленное в «Нью-Йорк уорлд» известной писательницей Мари Корелли, в котором та упоминала, что предупреждала лорда Карнарвона о его судьбе. Заголовок звучал драматично: «Фараонов охраняют яды? Мари Корелли предупреждала лорда Карнарвона». В статье она говорила, что еще до смерти лорда увидела причину его болезни не в укусе насекомого, а в карающей руке фараона. Она, якобы, даже написала ему письмо, в котором выразила надежду, что с ним не случится ничего плохого из-за его открытия. «Я все время думаю о том, – написала Корелли, – что опасности будут преследовать тех, кто нарушит покой египетского владыки и ограбит гробницу, которую охраняют особые священные заклęcia».⁵

Впрочем, в отличие от распространенного мнения, заклęcia и ловушки в египетских гробницах встречаются довольно редко. Опасаясь грабителей, древние строители полагали, что сложная система помещений и различные хитроумные устройства защитят содержимое гробниц значительно лучше, чем сверхъестественные силы. Так, например, во времена правления XII и XIII династий в некоторых богатых погребениях саркофаги снабжались специальными запирающими механизмами, не позволявшими открыть однаж-

ды закрытый гроб.⁶ Со времен Древнего и Среднего царств сохранилось некоторое количество надписей с образцами проклятий, однако, учитывая, что большинство египетских гробниц разграбили еще в древности, совершенно очевидно, что подобные меры оказались неэффективными.

Известный ясновидец граф Луис Гармон по прозвищу Хиромант в своей книге «Рассказы о подлинной жизни» (*The Real Life Stories*), увидевшей свет в 1934 году, опубликовал аналогичное откровение. По его словам, древнеегипетская чародейка, «седьмая дочь фараона Атенатона», принцесса Мекитатон оказалась настолько любезна, что посредством неких мистических писем послала ему предупреждение. «Смысл его заключался в том, что по прибытии к гробнице Тутанхамона ему [лорду Карнарвону] не позволено прикасаться или уносить какие-либо найденные там предметы». Послание завершалось угрозой, что если он ослушается, то заболеет еще в гробнице, и не сможет исцелиться от этой болезни, и «смерть настигнет его в Египте».⁷

Чтобы нейтрализовать обильно распространившиеся в прессе спекуляции по поводу стремления Карнарвона найти и вывезти мумию фараона в Англию, лорд опубликовал в «Таймс» 24 февраля 1923 года следующее послание:

В настоящее время, насколько мы можем надеяться, фараон Тутанхамон покоится там, где его тело поместили много веков назад. Когда наступит время объявить, что нами найдена именно мумия фараона, я лично и все, кто со мной связан, сделаем все возможное, чтобы оставить тело

в саркофаге, там, где оно покоится в настоящий момент... Могу сказать, что до сих пор я еще не обсуждал этот вопрос и, тем более, не одобряю вредных и даже отвратительных вкусов некоторых лиц, которым, как кажется, доставляет удовольствие созерцать мумии, выставленные в музеях в стеклянных витринах.⁸

Трудно понять, почему желание увидеть мумии в музее «вреднее» и «отвратительнее» раскопок гробницы, но лорд Карнарвон сказал именно так. В те времена довольно широко распространилось мнение, что никому, даже английскому лорду, не позволено тревожить людей, которые ясно выразили свое желание сохранить свой покой на века. В том же месяце, когда слухи в прессе достигли своего апогея, один корреспондент «Таймс» сделал довольно скандальное сравнение между мумией фараона и самой королевой Викторией. В этой статье, в частности, говорилось:

Интересно, много ли найдется среди нас людей, родившихся и выросших в Викторианскую эпоху, которым понравится мысль о том, что году, скажем, в 5923-м к могиле королевы Виктории заявится группа иностранцев, и те разграбят ее содержимое, вынут из мавзолея тело великой Королевы, после того как ее провожал, скорбя, весь народ, и выставят его на обозрение всех желающих. Возникает вопрос, если нам кажется неподобающим подобное отношение к великой английской королеве, то не стоит ли равным образом относиться и к фараону Тутанхамону?⁹

Вообще, эту тему сложно обсуждать с этической и моральной точек зрения. Но всем без исключения было очень сложно справиться с волнением, которое их охватило при вести об открытии гробницы. Когда целый мир затаил дыхание, никто не хотел думать о моральных аспектах этой проблемы.

Слухи о «проклятии фараона» и не думали утихать, добавляя возбуждающую нотку опасности к и без того будоражащей смеси авантюры и тайны, которой наслаждались все без исключения. В этой ситуации неловкие сомнения в том, можно ли беспокоить умершего фараона, отметались с порога.

В еще одной истории, широко растиражированной газетами, речь шла о так называемой «глиняной табличке», которую, как утверждалось, обнаружили у входа в гробницу. В книге «Лик Тутанхамона» (*The Face of Tutankhamen*) ее автор утверждает, что эта табличка была обнаружена и соответствующим образом зарегистрирована самим Картером, однако затем запись о ней стерли, а саму табличку зарыли в песок, поскольку археологи опасались, что «египетские рабочие все-таки воспримут то, что в ней написано, и это может помешать выполнению плана работ»¹⁰. Как предполагается, на табличке были начертаны следующие слова: «Того, кто надругается над моим телом и возьмет мой лик из гробницы, да возненавидят боги, и да не получит он воды на алтаре Осириса и не оставит своим детям никакого наследства во веки вечные»¹¹. По другим сведениям, там можно было прочитать такой текст: «Смерть на своих быстрых крылах придет за тем, кто осмелится коснуться гробницы фараона».¹² Впрочем, кроме это-

го упоминания и смутных слухов, никаких свидетельств существования подобной таблички так и не появилось.

Зато имеются свидетельства тому, что Картер никогда не разделял подобных мыслей. По крайней мере, такой вывод можно сделать, поскольку в своей книге «Гробница Тутанхамона» (*The Tomb of Tutankhamen*) он написал следующее:

Утверждалось, что в некоторых помещениях гробницы Тутанхамона, действительно, скрывается некая физическая опасность – загадочные силы, вызываемые какой-то губительной энергией. Эти силы, якобы, призваны мстить любому, кто осмелится войти в их врата. На это можно сказать, что в мире, пожалуй, нет другого места, более свободного от какой-либо опасности, чем гробница... Безответственные и лживые утверждения, вроде вышеприведенных, растиражированы и повторяются в различных изданиях с каким-то злобным удовлетворением. Поистине трудно спокойно говорить о таких «призрачных» темах». Эти слухи имеют крайне вредный и злобный характер, и все разумные люди должны с презрением отбросить подобные измышления.¹³

4 октября 1924 года стало известно высказывание Картера по поводу слухов о «проклятии фараона». Он заявил, что даже в малой степени не верит, будто в смерти Карнарвона повинны какие-то сверхъестественные силы, и сам он ничуть не боится ничего подобного. «И не надо меня уговаривать поверить, будто некое привидение неусып-

но охраняет мертвого фараона и готово поразить любого, кто подойдет к нему слишком близко». ¹⁴

Впрочем, известно также, что за несколько лет до своего великого открытия Картер, работавший тогда в Долине царей, не был столь категоричен и мог порассуждать о существовании «проклятия фараонов». Во всяком случае, в книге «Говард Картер. Дорога к Тутанхамону» Т.Дж.Х. Джеймс вспоминает, как однажды, показывая некоей юной путешественнице недавно найденную гробницу Аменхотепа II, Картер, якобы, сказал: «Возможно, мумия фараона охраняется... проклятием. Его можно прочесть на иероглифах, нанесенных на крышку саркофага. Оно должно защищать его от нечистых рук». ¹⁵ Вдобавок как-то раз он рассказал корреспонденту «Тайм» в Нью-Йорке о «пове-

*Лорд Карнарвон во время отдыха на веранде
своего дома в Египте.*

сти, написанной одним древним литератором специально для того, чтобы Тутанхамон мог читать ее во время путешествия через загробный мир»¹⁶. Правда, и тут следует отметить, что ни подобной повести, ни проклятий в саркофаге найдено не было.

Мы уже упоминали о том, что за шесть недель до своей смерти лорд Карнарвон присутствовал на церемонии официального открытия погребальной камеры в гробнице Тутанхамона. Артур Вейгалл, не попавший в список приглашенных, стоял у входа и наблюдал за прибытием VIP-персон совсем так же, как сейчас зеваки смотрят на шествие кинодив по ковровой дорожке накануне церемонии вручения «Оскара». И именно Вейгалл бросил замечание, что Карнарвон непременно умрет в течение шести недель, если войдет в гробницу в столь легкомысленном настроении. Сам Вейгалл был в ту пору специальным корреспондентом «Дейли мейл», одной из тех газет, руководство которой особенно разозлилось из-за договора Карнарвона с «Таймс» о передаче последней эксклюзивных прав на освещение раскопок. Позже Вейгалл подтвердил, что сказал вышеприведенные слова, однако не смог объяснить, почему он это сделал, и лишь предположил, что был раздражен, увидев, как ведет себя Карнарвон. И, конечно, у него не имелось объяснения тому, что он с такой точностью предсказал дату смерти лорда.

Однажды укоренившись в общественном сознании, легенда о «проклятии фараона» начала распространяться, подобно раковой опухоли. Появились репортажи, говорившие о надписи, якобы обнаруженной в гробнице: «Смерть на своих

быстрых крылах прилетит к тому, кто коснется гробницы фараона». Тут же читатели вспомнили историю о канарейке Говарда Картера. Перед началом раскопок гробницы он, желая как-то украсить свое скромное жилище, купил себе канарейку, а в тот самый день, когда гробницу открыли, в его комнату заползла кобра и проглотила птичку. Это событие тут же посчитали чрезвычайно символичным и необычным. Во-первых, кобры в Долине царей встречаются довольно редко, а во-вторых, образ именно этого пресмыкающегося находился на царском головном уборе и был призван отпугивать врагов фараона. Естественно, многие тут же пришли к выводу, что змею к Картеру направил мертвый фараон в качестве предупреждения не лезть дальше в гробницу.¹⁷

Герберт Уинлок в одном из своих писем рассказывает, какой эффект произвело это происшествие на рабочих:

Когда Картер в прошлом октябре приехал, то в Каире он купил себе канарейку в золоченой клетке, поскольку посчитал, что она будет развлекать его в одиноком пустынном доме. Картер прибыл в дом со своим слугой по имени Абдул Али, который нес клетку. Когда охранники и десятники поприветствовали его и увидели золотистое оперение канарейки, все тут же сказали: «Это золотая птица, она принесет удачу. Иншалла! (Если Аллах позволит!) В этом году мы отыщем гробницу, полную золота». И уже через неделю они сделали самое изумительное открытие за все время исследований, и поначалу местные жители называли гробницу «Усыпальницей Золотой Пти-

цы». К канарейке в клетке едва ли не началось паломничество.

Как только нашли гробницу, Картер вызвал Коллендера, а вскоре прибыл и Карнарвон, и Картер отправился в Каир встречать его. Коллендер остался у него дома, причем птицу поручили его особым заботам. Однажды в полдень он услышал, как она бьется в клетке и отчаянно пищит. Он направился в соседнюю комнату и увидел, что в клетку забралась кобра и как раз заглатывает канарейку.

Так вот, кобры там до тех пор никогда не встречались, и кобра, как известно всем местным жителям, украшала головы Древних владык. Вывод очевиден. Змея фараона поразила птицу, приносящую удачу, за то, что она выдала тайну гробницы. Ну и последствия тоже стали очевидны, по крайней мере, туземцам. Хотя я допускаю, что пропустил что-нибудь в цепи их аргументов, однако все они пришли к выводу, что еще до окончания зимы кто-нибудь умрет. Все это очень печально.¹⁸

К несчастью, канарейка оказалась не единственным существом, которое настигло «проклятье». В тысячах миль от Долины царей, в замке Хайклер, собака лорда – терьер по имени Сьюзи, которая, по словам челяди, страшно скучала без своего хозяина, когда он уехал в Египет, – внезапно без всякого повода завыла, а затем издохла через несколько минут после того, как лорд Карнарвон умер.¹⁹

Далее случилось еще несколько довольно громких смертей среди тех, кто знал, чем занимались Картер с Карнарвоном, хотя они и могли быть свя-

заны, если не с древним проклятием, то, возможно, с какими-то современными причинами. Список этих лиц приводит Фрейлинг в книге «Лик Тутанхамона», и список этот, право, производит впечатление. В этом мартирологе – сводный брат Карнарвона, умерший через полгода после него, секретарь Картера, Ричард Безель, которого нашли умершим в клубе при странных обстоятельствах через шесть лет после открытия гробницы, а также отец Безеля лорд Уэстбери. Последний умер при крайне подозрительных обстоятельствах вскоре после сына. Затем последовала смерть восьмилетнего мальчика, который угодил под катафалк, на котором везли самого лорда Уэстбери. По дороге в Египет умер специалист-рентгенолог, собиравшийся обследовать мумию Тутанхамона, а железнодорожного магната Джорджа Джей Гулда настигла смерть от пневмонии, после того как он посетил гробницу. Также после посещения гробницы в лондонском отеле «Савой» был застрелен собственной женой египетский принц Аль-Фами Бей. Можно также вспомнить помощника Картера и специалиста по консервации экспонатов из Метрополитен-музея Артура Мейса, который умер еще до того, как были закончены работы. Французский египтолог умер после посещения гробницы в результате несчастного случая, а один из сотрудников Британского музея скончался в то время, когда составлял опись приобретенных предметов из гробницы. Печальный мартиролог продолжают еще один ученый из Лидса, читавший лекции по археологии, а также египтолог Артур Вейгалл. Оба умерли в таком возрасте, когда это еще трудно было ожидать.²⁰

Конечно, профессиональные египтологи, как и Картер, отказываются верить в «проклятие фараона». В одной из газетных статей рассказывалось о том, что директор Метрополитен-музея Герберт Уинлок собрал целое досье, которое иллюстрирует совершенно бесполезные факты, якобы имеющие отношение к большому количеству смертей, связанных с гробницей. Уинлок утверждает, что в тот момент, когда в Британском музее умер один из сотрудников, там, среди коллекции египетских древностей, не было ни одного предмета из гробницы. Что же касается Артура Вейгалла, то этот ученый, действительно, близко знал и Картера и Карнарвона и в течение многих лет посещал Долину царей, однако его раздражало то, что ему позволялось входить в гробницу Тутанхамона только в качестве туриста. «Если туристы также являются объектами проклятия, – пишет Уинлок, – тогда следует помнить, что многие из них являются пожилыми людьми, которые приезжают в Египет как раз для поправки здоровья». Далее он добавляет, что работавший в экспедиции Картера специалист по консервации находок Артур Мейс имел чрезвычайно серьезные проблемы со здоровьем. Болезни сердца, легких и желудка обострились у него из-за того, что ему приходилось много лет «дышать пылью в замкнутом пространстве», поэтому он и умер от острого плеврита и пневмонии. Далее в статье приводится диаграмма, на которой видно, что из двадцати шести человек, побывавших в гробнице после ее открытия, двадцать по-прежнему пребывали в полном здравии.²¹

Однако конкурирующие газеты одна за другой

выдавали свои собственные версии этой истории, поэтому слухи расходились все шире. В один и тот же день «Дейли экспресс» сообщила о том, что в момент смерти лорда Карнарвона во всем Каире погас электрический свет, а «Дейли Мейл» опубликовала статью, в которой рассказала о «смертельном укусе кровососущего насекомого, похороненного в бальзамировочной смоле вместе с Тутанхамом»²². Друг и учитель Картера профессор Перси Ньюберри на это ответил, что «в самой Долине царей нет никаких кровососущих насекомых, поэтому смертельный укус, наверное, имел место в Луксоре»²³. Не приходится сомневаться – сам Картер полагал, что история, которую они с Карнарвоном поведали миру, полна драматизма и без этих ненужных дополнений. Позже он стал просто уходить от объяснений, когда кто-то при нем заговаривал об этом предмете: «Видите ли, ответ на этот вопрос запутанный и неоднозначный... Фактически само слово «Осирис» отсылает нас к умершим. Но, кстати говоря, я-то по-прежнему жив»²⁴. Сам же он однажды написал: «Если и существовало какое-то проклятие, то оно должно было принять облик господ журналистов и всей этой компании, которая кусала его, когда он жил в пустыне, в своем полевом лагере».²⁵

Карнарвон был похоронен 28 апреля 1923 года в замке Хайклер. В соответствии с последней волей лорда его могила находится на самом высоком месте; оттуда, насколько видно глазу, открывается вид на все его фермы, сады, озера и лужайки, и теперь он может вечно любоваться видом своих обширных угодий.²⁶ Итак, всего через шесть недель после официального открытия гробницы

Тутанхамона Говард Картер потерял своего самого преданного друга и союзника. Если и существовало «проклятие», то оно, несомненно, заключалось в том наследии, которое оставила Картеру смерть Карнарвона. Пока лорд был жив, оставался шанс, что удастся урегулировать нарастающую напряженность, которая возникла в отношениях между первооткрывателями гробницы и множеством их врагов из числа обиженных газетчиков и представителей официальных египетских властей. В конце концов, когда это требовалось, Карнарвон хорошо знал, как использовать свое аристократическое обаяние и повернуть дело в свою сторону. Теперь же, когда все оказалось в руках вспыльчивого Картера, ситуация из плохой начала превращаться в отвратительную.

VIII

Подлинная история открытия и ограбления

Порой, когда я работал там один [в гробнице в Долине царей], тишина и таинственность, окружавшие меня, действовали угнетающе... И если по прошествии трех тысяч лет можно до сих пор чувствовать благоговейный страх перед святостью этого места, то что же должны были испытывать древние грабители, которые в мерцающем свете масляных светильников проникали туда, где царил одна смерть?¹

Артур Вейгалл

Все, что вами, уважаемые читатели, прочитано выше, является правдой в том виде, в каком она признана всеми, и с некоторыми уточнениями, внесенными различными специалистами и учеными, стремившимися объяснить нестыковки в истории о том, как Картер и Карнарвон нашли и обследовали гробницу Тутанхамона.

Однако это всего лишь полуправда.

А теперь попробую объяснить, что я сам думаю по поводу того, как все происходило на самом деле. В действительности, это значительно более шокирующая, чем нам рассказывали раньше, повесть об ограблениях и убийствах, и в основе ее лежит вовсе не существование надуманного «проклятия мумии». Я убежден в том, что Говард Картер и лорд Карнарвон обвели весь мир вокруг пальца, и в процессе осуществления своего мошенничества (которое их сказочно обогатило) они обнаружили некую тайну, представлявшую потенциальную опасность для всего мирового порядка. А для того чтобы правда никогда не увидела свет, была организована целая серия убийств.

Понимаю, что это довольно смелое утверждение, поэтому, чтобы проверить, насколько оно основательно или беспочвенно, давайте еще раз вспомним всю историю открытия гробницы Тутанхамона с самого начала и посмотрим, что же там произошло на самом деле.

Надо сказать, что Картер был человеком пунктуальным и чрезвычайно организованным: его методичность и дотошность в ходе исследований и раскопок высоко ценились коллегами. К тому же он обладал и огромными амбициями. Как и многим из нас, ему, конечно же, хотелось разбогатеть, однако его также снедало страстное желание завоевать уважение света; более того, он мечтал о получении рыцарского звания, а может, даже и о том, чтобы стать одним из английских пэров. Посещая Карнарвона в его великолепном замке Хайклер, Картер мечтал, как в один прекрасный день

и сам сможет достичь подобных высот общественного положения. Он перенимал у своего знатного приятеля изысканные манеры и стиль одежды; с портретов Картера (особенно с одного, принадлежащего кисти его брата), сделанных в более поздний период жизни, на нас смотрит человек, который до последней мелочи выглядит таким же джентльменом, как и его компаньон. А после того как его уволили из Египетского отдела древностей и ему пришлось зарабатывать на жизнь, общаясь с туристами и грабителями могил, желание Картера доказать всему миру, что он достоин большего, могло только укрепиться.

Я убежден, что к тому моменту, когда Картер вылетел со службы, он уже знал, где находится гробница Тутанхамона: члены семейства эль-Рассул показали ему дорогу к ней, запрятанную среди других захоронений, и теперь Картеру требовалось лишь дождаться удобной возможности и отыскать деньги, чтобы воспользоваться своим знанием. Конечно, он мог бы забраться в гробницу с эль-Рассулами и жить припеваючи, продавая то, что удалось бы оттуда вынести, однако это не принесло бы ему того признания, к которому он стремился. Статус преуспевающего грабителя пирамид, несомненно, мог дать ему желаемое материальное благополучие, но никогда не принес бы ни рыцарского звания, ни мировой славы.

Когда его представили Карнарвону, Картер сразу увидел, какие возможности перед ним открываются. У лорда имелись деньги и высокое положение, но, кроме того, он в силу разных причин разделял многие из тех амбиций, которые имелись

и у Картера. Во-первых, даже получив чудовищно огромное наследство, ему было довольно тяжело содержать имение таких размеров, как Хайклер, только на эти деньги. К тому же Карнарвон постоянно жил как бы в тени своего знаменитого отца, и годы, когда юный лорд мог доказать, что и он чего-то стоит, стремительно уходили. Теперь, объединив усилия с Картером, Карнарвон мог рассчитывать на то, что оставит свой собственный след в истории, и даже более яркий, чем его отец. К тому же, так у него появлялась возможность еще и упрочить финансовое благополучие семьи.

Но тут у них на пути возник Теодор Дэвис, получивший от египетского правительства концессию на проведение раскопок в той местности, где, как уже было известно Картеру, находилась гробница, которую они собирались раскапывать. Подумать только! Картер когда-то добровольно отказался от карьеры инспектора отдела древностей, чтобы без помех заняться собственными делами, и с тех пор ждал подходящего момента. После знакомства с Карнарвоном этот момент наступил, но из-за Дэвиса пришлось ждать несколько дольше. И вот пока Дэвис в свойственной ему дилетантской манере бессистемно копал в Долине царей, Картеру и Карнарвону пришлось заняться исследованиями в других районах. Однако они внимательно следили за тем, что удавалось найти Дэвису, и продолжали надеяться, что ему не достанется приза, который, по их твердому убеждению, принадлежал только им.

Напомним, что именно Картер посоветовал американскому археологу прекратить раскопки из опасения повредить проходившую поблизости

дорогу, и совет этот был дан, когда американец находился всего в нескольких метрах от стен гробницы. Я абсолютно уверен в том, что Картер совершенно точно знал, насколько близко Дэвис подобрался к сокровищам. А если он этого не знал, тогда мы имеем дело с самым поразительным совпадением. Впрочем, я полагаю, что Картер, Карнарвон и семейство эль-Рассул уже в то время достаточно напряженно трудились в гробнице Тутанхамона, так что если бы Дэвис внезапно наткнулся на нее, то всю эту компанию, несомненно, тут же посчитали бы грабителями, кем они, собственно, и являлись.

В 1908 году Дэвис таки обнаружил гробницу и в ней – предметы с печатями, на которых были написаны имена Тутанхамона и его жены Анхесенпаамон, а также алебастровую статуэтку и несколько золотых пластинок с изображением юного царя, охотящегося на колеснице. Дэвис был настолько уверен в том, что нашел могилу Тутанхамона, что вскоре в соавторстве с несколькими уважаемыми египтологами – Масперо, Даресси и Крейном – написал книгу под названием «Усыпальницы Хоремхеба и Тутанхамона». Американский археолог не ошибся: он, действительно открыл гробницу Тутанхамона. И теперь, для предотвращения катастрофы, Картеру требовалось убедить конкурента в том, что в Долине царей больше ничего найти нельзя.

Картер объявил, что Дэвис ошибается, и могила слишком мала, чтобы быть усыпальницей фараона. В этом Картер не погрешил против истины. На самом деле Дэвис раскопал всего лишь галерею, которая как раз и вела к гробнице Тутанхамона.

Однако только Говард Картер знал, где находится фараон, а у него вовсе не было намерения говорить об этом ни Дэвису, ни кому-либо еще в целом мире. Нет, Картер собирался дождаться той минуты, когда сам сможет вступить в полное владение усыпальницей и будет готов к постановке своего эффектного театрального спектакля. Не может быть никаких сомнений в том, что, проработав несколько лет в Долине царей, он знал о том, что гробницы фараонов XVIII династии связаны между собой, поэтому усыпальница Тутанхамона расположена под могилой Рамсеса VI. Она также имела выход к гробнице, обозначенной археологами индексом KV5 («Долина царей, гробница 5»), и к тому тайнику, в котором Дэвис обнаружил предметы, принадлежавшие Тутанхамону.

Картер, надо полагать, уже нашел однажды настоящий вход в его гробницу, которым пользовались жрецы примерно 3000 лет назад, и теперь был абсолютно уверен, что с тех пор туда никто не проникал. Однако теперь Картер не занимал никакого официального поста и не имел возможности аннулировать концессию Дэвиса либо как-то скрыть находки, сделанные конкурентом. Поэтому оставалось только тянуть время и надеяться, что однажды у него появится возможность воспользоваться своим открытием. Неудивительно, что он, словно коршун за цыпленком, наблюдал за каждым движением Дэвиса. И как только американец, подстрекаемый Картером и Карнарвоном, прекратил раскопки в Долине царей, компаньоны, словно когтями, вцепились в концессию и начали работать.

В 1909 году Дэвис передал артефакты, найден-

ные с помощью археолога Эйртона, работавшего в его экспедиции после Картера, Герберту Уинлоку, чтобы тот перевез их в Нью-Йорк. Уинлок, позже занявший пост директора Метрополитен-музея, доставил их по назначению, где находки Дэвиса и были благополучно забыты до 1921 года, когда Уинлок решил изучить их более внимательно. К собственному изумлению, он обнаружил на сосудах, глиняных предметах и некоторых других находках не только печати с именем Тутанхамона, но и печати царского некрополя. Это совершенно точно доказывало, что юный фараон был погребен именно в Долине царей.²

Уинлок находился с Картером в близких отношениях, поэтому, думая, что может немедленно помочь другу в поисках гробницы, не теряя времени, тут же рассказал ему о своем открытии. Впрочем, Картеру уже все было известно, но информация Уинлока убедила остальных, что Картер тоже что-то нашел. Теперь Картеру и Карнарвону пришлось быть еще осторожнее в своих занятиях. Похоже, приближалось время, когда им следовало прекратить втайне доставать артефакты из царских захоронений и объявить о том, что они обнаружили гробницу. А потом следовало найти убедительное объяснение тому, что они уже успели там натворить.

Весь остальной мир по-прежнему считал, что Картер ищет на поверхности Долины царей вход в гробницу и до сих пор точно не знает, где она находится по отношению к остальным царским захоронениям. Следует отметить, что к моменту, когда Масперо передал Картеру и Карнарвону лицензию на право вести раскопки в долине, Картер

уже значительно сузил район поисков, хотя и не сказал об этом никому. Скорее всего, он все это время продолжал тайно работать в гробнице, но теперь требовалось тщательно рассчитать точное положение на поверхности земли, чтобы потом можно было устроить там фальшивый вход в царскую усыпальницу и скрыть, таким образом, работы, которые велись под землей в течение нескольких лет. В своем дневнике о раскопках в Долине царей Картер записал: «Трудность заключалась в том, чтобы понять, где следует начинать раскапывать горы щебня, который лежал повсюду. Не сохранилось никаких отчетов, из которых можно было бы выяснить, где уже велись работы, а где – нет»³. Последнее – очевидная ложь. Согласно тому, что рассказывает Томас Ховинг в книге «Тутанхамон: нерассказанная история», работник Метрополитен-музея Чарльз Уилкинсон позже утверждал, что Картер совершенно точно знал, где проводили исследования его предшественники, а где лежит неисследованная территория.⁴

Не стоит даже сомневаться, что Картер, конечно, смог определить местоположение гробницы, которую он уже открыл с помощью членов семейства эль-Рассул. Напомним, что это были самые прославленные расхитители гробниц в Египте. Он также был готов к тому, чтобы с помощью армии помощников этих грабителей начать очищать гробницу, зная, что можно рассчитывать на их полное благоразумие. Одновременно, продолжая работать на других участках, Картер создавал «дымовую завесу», умело вводя в заблуждение официальные власти и конкурентов-археологов. Картеру и Карнарвону требовалось выиграть время,

чтобы вытащить из гробницы все, что им приглянулось, а все остальное подготовить к моменту, когда можно будет на весь мир объявить о своем открытии. Это должно было обеспечить репутацию и известность в ученом мире, а также достоверность их открытия и повышение стоимости находок, которые они уже успели отправить в свои коллекции.

Пытаясь найти наилучшее место, где мог бы находиться фальшивый вход в гробницу Тутанхамона, Картер решил сосредоточить раскопки на небольшом участке и очистить до материка территорию между усыпальницами Рамсеса VI, Рамсеса II и фараона Меренптаха. По его утверждению, именно этот участок казался ему наиболее перспективным. Далее он разработал специальную координатную сетку, как это делалось в армии, чтобы выяснить, где именно должен находиться интересующий его объект по отношению к остальным гробницам. После этого началась систематическая работа по квадратам, пока Картер не смог точно понять местоположение и конфигурацию погребального комплекса. Один автор – Джон Менчип Уайт – приводит историю, которую ему поведал некий пожилой житель Луксора и в которой рассказывается о британском ветеране Первой мировой. Бывший солдат как-то по случаю приобрел у неизвестного египетского крестьянина свиток папируса, который тот где-то нашел. Естественно, солдат не смог прочитать, что там написано, но позже свиток попал в руки Картеру, и тот сумел расшифровать древнюю надпись. Если верить информатору Менчипа Уайта, которому в то время было тридцать лет, в папирусе точ-

но указывалось местоположение гробницы Тутанхамона и даже перечислялось все, что в ней находится. Но, очевидно, что Картер тогда решил оставить свои знания при себе и сосредоточить поиски в районе усыпальницы Рамсеса VI.⁵

Карнарвон с великой радостью согласился с предложением компаньона не афишировать их осведомленность, полностью уверенный в том, что Картер сделает все к их обоюдной максимальной выгоде, а пока довольствовался теми предметами, которые были тайно извлечены из захоронения и переданы в его коллекцию.

Однако данный рассказ, все же, следует отнести к категории слухов. На наш взгляд, скорее всего, Картер обнаружил гробницу с помощью эль-Рассулов.

Очистив район поисков возле гробницы Рамсеса, экспедиция Картера наткнулась на груды щебня с остатками жилищ работников, строивших в древности царскую усыпальницу. Вот тогда-то и было принято решение, что здесь наиболее подходящее место для «обнаружения» фальшивого входа в гробницу Тутанхамона. Картер немедленно отозвал всех рабочих и начал расчищать территорию в другом направлении. Откровенно говоря, никто так никогда и не объяснил, почему руководитель раскопок принял такое решение, ибо, как правило, груды щебня как раз указывают на присутствие гробницы где-то неподалеку. Когда позже Картера спросили о причинах, он сослался на то, что в преддверии туристического сезона его раскопки могли помешать туристам добираться до усыпальницы Рамсеса VI. Довольно неубедительное объяснение

На самом деле его заставила изменить направ-

ление своих поисков именно перспектива того, что вокруг будут слоняться толпы любопытных. Как мы уже видели, Картер вообще не любил большие скопления народа, а в этой ситуации он, естественно, не смог бы спокойно устраивать фальшивый вход в гробницу Тутанхамона, если бы за ним постоянно наблюдали посторонние. Между тем, ему нужно было выиграть еще немного времени и отвлечь внимание посторонних от того участка, на котором спешно готовились к «открытию» новой гробницы. Правда, теперь Картер не спешил. Все, что делалось на поверхности, тщательно документировалось и заносилось на карту согласно его координатной сетке, с тем чтобы максимально точно определить размеры гробницы. Картеру требовалось абсолютно точно знать, где находится усыпальница юного фараона относительно могил других царей, и в особенности – относительно гробницы Рамсеса VI. Только это давало возможность подготовить все для обнародования «открытия». И, конечно, глупо было бы спешить после стольких лет вполне прибыльных приготовлений.

Большую часть времени Картер оставался на раскопках единственным европейцем, и ему приходилось разбираться с рабочими, терпеть изнуряющую жару, грязь и пыль. Не стоит удивляться тому, что характер у него становился все более раздражительным и угрюмым.

Личная преданность людей, работавших на него, у Картера не вызывала вопросов, беспокойство возбуждали совершенно естественные человеческие слабости. Ему требовалось следить, чтобы никому из них не пришло в голову стянуть какую-

нибудь мелочь из гробницы и потащить ее на рынок раньше времени. Величайшей катастрофой могло бы обернуться появление хотя бы одного предмета из числа тех, которые были вынесены из гробницы до ее официального обнаружения. Любой рабочий, решивший утаить хоть самую малую вещичку, чтобы потом «толкнуть» ее на черном рынке, мог погубить все предприятие.

Все время пока Картер работал на поверхности, его приятели из семейства эль-Рассул находились в гробнице и выносили оттуда бесценные сокровища. Эти тайные операции продолжались на протяжении нескольких лет, а разразившаяся Первая мировая война обеспечила великолепное прикрытие всей этой деятельности. Внимание прессы и властей протектората отвлекалось на вещи куда более серьезные, чем археология, и в итоге, хоть и приходилось время от времени выполнять обязанности, связанные с воинской службой, у Картера выдались целых четыре года, когда он мог спокойно работать, поскольку мир был занят совсем другими проблемами.

Словом, я абсолютно уверен в том, что Картер обнаружил гробницу практически сразу, как только возобновил в 1914 году раскопки в Долине царей, то есть, за восемь лет до ее «официального» открытия, последовавшего в ту ноябрьскую ночь 1922 года. Сейчас, читая, как они описывали свои чувства, когда ступили на порог «обнаруженной» гробницы Тутанхамона, мы можем только догадываться, что должны были испытывать Картер и Карнарвон, когда на самом деле впервые оказались там и поняли, что обнаружили величайшее хранилище золота и драгоценных камней. Но невозможно представить, на-

сколько болезненно тяжело было им разрываться между желанием прокричать всему миру о своем открытии и окунуться в лучи мировой славы и осознанием того факта, что, если удастся сохранить свое открытие на несколько лет в тайне, значительная часть сокровищ станет их собственностью. Не приходится говорить, насколько выдающимся примером самоконтроля и управленческого мастерства стали эти несколько лет, пока компаньоны очищали гробницу и воссоздавали историю ее «открытия». То, что им все-таки удалось справиться с этой грандиозной задачей, само по себе может считаться невероятным. Однако бросив ретроспективный взгляд в прошлое, мы можем довольно точно установить, как все происходило на самом деле.

Имеются улики, позволяющие предположить, что Картер и Карнарвон побывали в гробнице Тутанхамона за несколько лет до того, как объявили о своем открытии. Самое бесспорное доказательство – это перстень, который Картер в 1921 году подарил Эдварду Харкнессу, председателю Попечительского совета Метрополитен-музея. К тому времени о существовании этого перстня с картушем Тутанхамона было известно уже лет семь. Однако появиться он мог только из гробницы юного фараона и ниоткуда более.

По некоторым признакам можно судить, что гробница, которую в действительности нашли Картер и Карнарвон, была значительно обширнее, нежели та, которую потом они выдали за последнее пристанище Тутанхамона. В промежуток между 1914 и 1922 годами, систематически разворовывая настоящую гробницу, компаньоны вынесли оттуда около четырех пятых всех сокровищ, оставив,

однако, достаточно предметов для того, чтобы поразить мир, когда они, наконец, решат симулировать свое «открытие».

Все истории, которые они озвучивали несколько лет, были тщательно спланированы так, чтобы еще больше замутить воду и запутать специалистов. Так, например, появился слух о том, что в 1922 году Карнарвон решил прекратить финансирование поисков, и тогда Картер в отчаянии заявил, что сам будет финансировать проект. Граф, пораженный такой решимостью друга, в конце концов согласился дать денег на еще один сезон. Если посмотреть на всю эту историю в контексте других известных фактов,

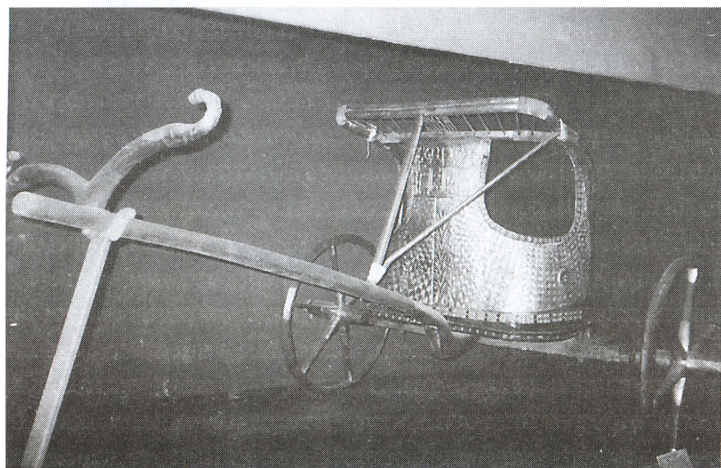

Пектораль Тутанхамона

то она представляется маловероятной. Оба компаньона понимали, что это будет последний сезон «поисков гробницы», поскольку уже было принято решение объявить о своем «открытии». Просто им хотелось убедить общественное мнение поверить в то, что даже они, в конце концов, начали подозревать, что гоняются за несбыточной мечтой.

Признаюсь, первые сомнения у меня возникли, когда я посетил каирский музей и увидел размеры выставки, посвященной сокровищам юного царя. Дело в том, что к тому времени я уже побывал в гробнице Тутанхамона, где по-прежнему покоится его мумия. Я не мог представить, каким образом огромные сокровища, лежавшие передо мной в музее, могли все поместиться в тех нескольких крохотных погребальных камерах, которые я успел осмотреть. Потом я начал разбираться дальше и вдруг обнаружил, что выставки предметов из гробницы Тутанхамона имеются еще в тринадцати крупнейших музеях мира, включая Британский музей, а ведь должны еще быть такие артефакты, которые находятся в частных коллекциях, или просто утеряны. И если сложить воедино все это огромное количество находок, то становится невозможно поверить, что все они когда-то покоились в помещениях, которые сейчас ежегодно посещают тысячи туристов. Кстати, и они тоже неизменно поражаются, насколько тут тесно.

Картер и Карнарвон особо напирала на тот факт, что в трех камерах гробницы царил настоящий хаос, тем самым совершенно запутывая картину. Теперь никто, кроме людей, непосредственно участвовавших в выносе артефактов из гробницы, не сможет сказать, какие предметы

Вверху разломанные колесницы фараона, найденные в гробнице. Внизу: колесница, находящаяся в Каирском музее.

там находились, а какие нет. И это неудивительно. Представьте себе чердак или подвал какого-нибудь дома, где жило много поколений. Нечего и говорить, что за годы там должно было скопиться немало предметов: старая мебель, какие-то сундуки, чемоданы, поношенные вещи... Все валяется как попало, и царит жутчайший хаос. Если вы себе это вообразили, то вам легко представить и ту картину, которую увидели приглашенные на официальное открытие гробницы, когда их взору явилось содержимое первой погребальной камеры. Разве кто-то из этих людей смог бы описать, что конкретно находилось в ней?

Когда я возвратился в гробницу, чтобы взглянуть на нее еще раз, меня поразили ряд других противоречий и несообразностей. Например, если фараон заслуживал того, чтобы с ним в вечность отправилось такое множество бесценных сокровищ, то почему же он покоится в столь непритязательных помещениях? Конечно, можно это объяснить тем, что он умер внезапно в очень юном возрасте, поэтому соответствующие приготовления просто не удалось сделать вовремя. Но количество предметов, найденных с ним, позволяет предположить, что здесь явно не тот случай. Если те, кто его хоронил, смогли собрать все, что должно было сопровождать юного царя в загробный мир, то почему они не успели построить достаточно вместительную гробницу, чтобы разместить там все собранное хоть в каком-то порядке? Более того, отчего вход в гробницу оказался настолько мал, что жрецам пришлось сломать оси шести колесниц, чтобы поместить их рядом с умершим царем? Разве такая уж непосильная задача расширить на пару метров проем в стене?

Вряд ли это заняло бы у них более одной недели. И раз уж жрецы, предварительно разобрав, все-таки поместили повозки внутрь, то почему же они потом их вновь не собрали?

Обратите внимание: мы говорим о жрецах и слугах, которые по собственной воле отправлялись довольно далеко только для того, чтобы похоронить своего фараона в соответствии со всеми обычаями. Неужели они стали бы кромсать колесницы только для того, чтобы втащить их через узкий вход, а потом так и бросили бы их одну против другой в полном беспорядке? Какой прок был бы от таких колесниц юному царю? Каким образом, интересно, он смог бы на них передвигаться в загробном мире?

В течение многих лет я пытался разобраться в загадках, связанных с этим великим археологическим открытием, и прочитал все, что смог найти по этому вопросу: официальные версии от Картера и его сотрудников и неофициальные предположения, сделанные их критиками. Постепенно, далеко не сразу, мне стало ясно, что само «открытие» совершалось как бы в несколько этапов. «Вход» в гробницу, который якобы обнаружил тот самый мальчишка, на самом деле вовсе не был официальным входом. Скорее всего, здесь находился выход, которым пользовались Картер и Карнарвон, чтобы попадать в гробницу, после того как они запечатали настоящий вход. Я обнаружил, что сам Картер несколько раз менял версию рассказа о мальчике-посыльном и ступенях, скрытых под строительным мусором. Во время поездки в Америку уже на закате своей карьеры, Картер рассказывал Ли Киидику, организовавшему эту поездку, что в отличие от написанного им в книге, «лестница была найдена несколько в сторо-

не от того места, с которого он накануне вечером приказал рабочим начинать раскопки»⁶.

Выдумка о мальчишке понадобилась для того, чтобы создалось впечатление, будто обнаруженные ступени были завалены щебнем и мусором. В этом случае Картер мог раскопать их до первого запечатанного входа в гробницу, частично отрыть и его, а затем вновь закопать, якобы до приезда своего патрона и друга лорда Карнарвона. В ту первую ночь Картеру не было никакой необходимости раскапывать лестницу целиком, наоборот, последние световые часы дня требовалось потратить на то, чтобы засыпать уже раскопанный участок входа. Он просто установил на место древние печати и привел так называемый «вход» в прежнее состояние. Картеру не было нужды раскапывать его, чтобы убедиться, что он находится именно здесь, поскольку в свое время сам Картер его тут и устроил.

Словом, с того момента, как у меня возникли сомнения по поводу мальчика-посыльного, вся эта история внезапно показалась настолько шаткой, что теперь я не могу понять, почему весь мир верил в нее так долго. И действительно, кроме Картера никто и никогда не видел потом этого мифического мальчика. Все просто поверили словам археолога о его существовании, поскольку все это великолепно дополняло сказку о чудесном открытии. Ну, как же! Маленький бедный, невежественный мальчуган, вооруженный одной палочкой, находит вход в гробницу, которую на протяжении многих столетий безуспешно искали самые выдающиеся умы человечества! Это непостижимо, однако делает историю открытия такой волшебной и захватывающей.

Правда, возникает вопрос: если мальчик был

таким уж невежественным, то как он догадался, что нашел именно то, чего так долго не могли найти «другие археологи»? Кстати, а как он вообще различал одного археолога от другого и почему сразу сообразил, что именно Картер тот человек, которому следует сообщить о своем открытии? И каким образом неграмотный египетский мальчуган догадался, что твердая поверхность под песком, в которую уперлась его палочка, имеет такое большое значение? Напоминаю, что Долина царей представляет собой скалистый массив, а лестница в гробницу была найдена под обломками древних хижин, в которых жили древние ремесленники, – следовательно, «твердые поверхности» там имелись в большом изобилии. Интересно, что заставило мальчика подумать, будто он обнаружил нечто намного более важное, чем все, что выкапывала и переносила целая армия рабочих, трудившихся в этом месте? Итак, я внезапно совершенно отчетливо осознал, что Картер просто придумал эту историю. Но если так, то, может быть, он сочинил и что-то еще?

Подробнее изучив эту тему, я обнаружил, что к тому дню, когда Карнарвону предстояло получить телеграмму от Картера с призывом срочно приезжать, поскольку сделано интересное открытие, лорд Карнарвон уже щедро наполнил продовольственный склад экспедиции в районе раскопок. Стал бы он это делать, если бы не знал, что собирается сам вскоре туда выехать? Конечно, нет. Однако лорд Карнарвон хотел подготовить все к своему приезду, чтобы иметь возможность в своем обычном стиле на славу отметить «открытие гробницы», до того момента еще официально даже не обнаруженной. Лорд прибыл в Долину царей, и

начался финальный акт представления под названием «Поиски Тутанхамона». С собой он привез огромное количество провизии самого высшего качества, включая отборнейшие вина, купленные в «Фортнум энд Мейсон». Для тех, кто не знает, — это крупнейший универсальный магазин в Лондоне, расположенный на улице Пиккадилли и рассчитанный на особо богатых покупателей.⁷ Как хотите, но кажется очевидным, что лорд Карнарвон совершенно точно знал, когда именно ему придет приглашение «срочно приехать», и заблаговременно развернул грандиозные приготовления к этому не менее грандиозному моменту. Когда телеграмма таки пришла, он уже полностью собрался и был готов отправиться с дочерью в Египет.

Один из членов семейства эль-Рассул, до сих пор живущего в окрестностях Курны, объяснил мне, что все гробницы в Долине царей связаны между собой подземными ходами (многие из них не обнаружены и в наши дни). Тогда я, наконец, отчетливо понял, каким образом все долгие годы Картер мог действовать, оставаясь незамеченным. Для расхитителей гробниц данное обстоятельство оказалось чрезвычайно удобным. Можно было совершенно свободно передвигаться под землей, убирать каменные блоки, закрывавшие входы, а власти даже не подозревали о том, что происходит буквально у них под ногами.

В результате мне удалось в деталях разобраться в сути этого дела. Предположим, что кто-то из эль-Рассулов привел Картера ко входу в гробницу Тутанхамона из какого-то другого захоронения, скажем, из гробницы Рамсеса VI, расположенной несколько выше. Можно также предположить, что эль-Рассулы показали Картеру и Карнарвону, как

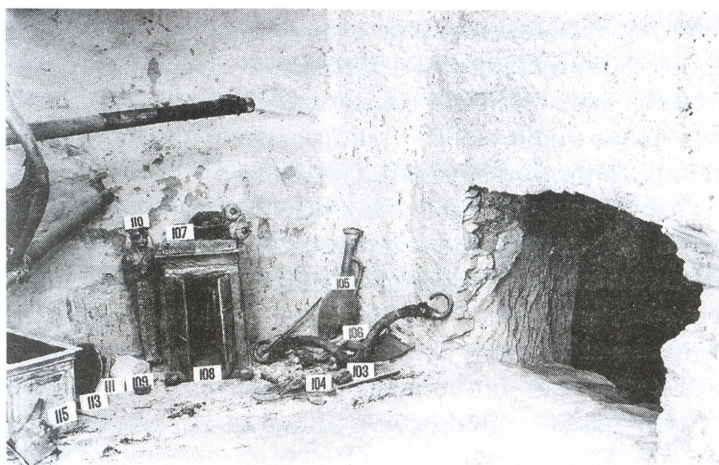
попасть в гробницу Тутанхамона, и уважаемые археологи последующие десять лет спокойно опустошали ее. Пожалуй, тогда найдется объяснение и появлению тех «трех аэропланов», которые, по словам местных жителей, прилетали в Долину, загружались разными ценностями и затем улетали в неизвестном направлении. При упоминании об этих свидетельствах Картер неизменно пренебрежительно фыркал, ибо разве можно всерьез полагаться на слова «туземцев»?

Но почему же в таком случае, спросил я себя, Картер и лорд Карнарвон вообще решили объявить человечеству о своем открытии? Почему не решились просто тайно забрать все сокровища и оставить их в своем распоряжении? Причина заключается в том, что до тех пор, пока гробницу не считали официально обнаруженной, они не могли воспользоваться своими находками и открыто продавать их. Другая причина, по всей видимости, заключалась еще и в том, что обогащение было не единственной их целью. Имелась и другая – стремление к славе и известности. Богатства они уже добились, но всемирная слава могла прийти к ним только в том случае, если бы люди узнали об их открытии. Однако тогда в гробнице Тутанхамона следовало оставить достаточно сокровищ, чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что это величайшая из всех находок, сделанных в Долине царей за все время исследований. В действительности найденное имело такие колоссальные размеры, что даже одной пятой из того, что первоначально принадлежало умершему фараону, оказалось достаточно, чтобы поразить воображение человечества.

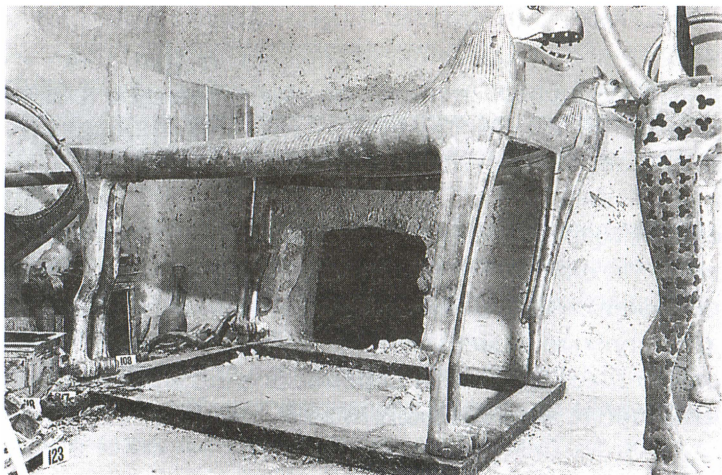
Но если бы Картер и Карнарвон, объявив об

открытии гробницы, показали настоящий вход в нее, то все увидели бы огромные пустые подземные помещения, в которых компаньоны и члены семейства эль-Рассул уже успели похозяйничать. Конечно, они могли бы убедить всех, что ограбление произошло в далекой древности, однако в этом случае эффект от открытия оказался бы значительно более слабым. Итак, требовалось утаить местоположение настоящего входа в гробницу и загородить пустые камеры фальшивыми стенами, а все оставшиеся ценности перенести в четыре помещения, после чего предъявить их миру.

Открытие погребальной камеры, так же, как и открытие передней комнаты, может считаться еще одним образчиком великолепно организованного шоу. Картеру удалось убедить весь мир в том, что, когда он взломал стену погребальной камеры,

Один из лазов, якобы проделанных грабителями в древности.

*Так называемый «лаз грабителей»
в Передней комнате, прикрытый носилками царя.*

то находился в таком же тревожном неведении относительно того, что их там ожидало, как и все присутствовавшие при этом торжественном событии. Нам рассказывают о том, как они вместе одновременно шагнули в Прошлое – в душное загадочное место, которое было замуровано три тысячи лет назад после смерти юного царя и куда с тех пор не проникал ни единый луч света.

К тому времени, когда в 1923 году стена, воздвигнутая Картером, вот-вот должна была рухнуть, ажиотаж вокруг гробницы достиг своего апогея, во многом благодаря усилиям прессы. Сам Картер делал вид, что ему смертельно надоела вся эта шумиха, однако на самом деле он же ее и стимулировал в надежде, что такая «дымовая завеса» не позволит никому слишком внимательно приглядеться к тому, что же все-таки открыла его экспедиция. Так фокусник в цирке совершает за-

мысловатые движения руками, отвлекая внимание зрителей от своего трюка. Он не без оснований полагал, что пока все будут слепнуть от сверкающей груды золота, никто не станет присматриваться к стене, которая быстро исчезнет под его киркой. И никто так и не догадается, кто же ее построил, потому что все доказательства превратятся в пыль. Поэтому, неудивительно, что Картер и Карнарвон испытывали волнение.

Когда пришло время разбирать четыре позолоченных ковчега, поставленных один в другой, Картер сообщил, что дерево, из которого они сделаны, сильно усохло за три тысячи лет в жаркой египетской атмосфере с низкой влажностью.⁸ Однако представляется более вероятным, что доски ковчегов «усохли» после того, как их впервые разобрали Картер и люди эль-Рассула. Должно быть, заново собрать их в том виде, в каком они были оставлены после погребения, не представлялось возможным. А разбирали их в первый раз хотя бы для того, чтобы переместить на другое место и таким образом скрыть от посторонних настоящий вход в гробницу.

В книге «Гробница Тутанхамона» Картер называет создателей царской усыпальницы «непревзойденными мастерами своего дела». По его словам, качество столярных работ в их творениях выдает великолепное мастерство ремесленников. Но, тут же добавляет Картер, имеются ясные свидетельства того, что похороны проводились слишком поспешно, а ковчеги довольно торопливо устанавливались, и при этом участники церемонии не слишком беспокоились о том, что могут повредить позолоченные орнаменты. Далее Картер со-

общает о глубоких выбоинах, замеченных им на золотых изделиях и, видимо, оставленных каким-то предметом вроде молотка, а также о том, что часть орнаментов на ковчегах оказалась вообще сбита. Более того, в промежутках между стенками ковчегов археологи обнаружили остатки строительного мусора, в частности, опилки и щепу, которые древние мастера убрали не слишком тщательно.⁹

А теперь давайте задумаемся: если древние ремесленники были, как признает сам Картер, «непревзойденными мастерами», каким образом отделка ковчегов оказалась выполнена вопреки всем инструкциям, начертанным на них? Если иметь в виду, что древние египтяне хоронили своего любимого царя, который даже при жизни считался богом, а уж после смерти и подавно, разве можно допустить, что ремесленникам позволили быть настолько небрежными, что те даже повредили золотые орнаменты на самой священной части усыпальницы? Итак, перед нами еще один пример того, как Говард Картер пользуется доверчивостью легковверных читателей, а также походя оскорбляет древних египтян. Не кажется ли более правдоподобным предположение, что небрежная работа стала следствием поспешности, с которой люди эль-Рассулов старались выполнить указания Картера и скрыть следы его проникновения в гробницу?

В своем интервью газете «Таймс» Карнарвон с огорчением констатировал, что «какая-то сырость по неустановленным пока причинам все-таки порой, видимо, проникала в гробницу, потому что все

льняные покровы находятся в очень плохом состоянии». ¹⁰

Правда, разумнее будет предположить, что сырость проникла в гробницу после того, как в нее впервые забрался Картер. Именно тогда, впервые за три тысячи лет, туда проник свежий воздух. Множество коридоров и переходов, которые вели в саму гробницу и из нее, соединяя различные помещения, в настоящее время запечатаны, но, когда их открыли, сырость наверняка попала внутрь. До той поры гробница была герметично закрыта, и все, что в ней находилось, было надежно сохранено, однако жажда наживы разрушила эту защиту.

Картер также упоминает об избирательности «охотников за сокровищами династического периода», говоря, что вид богатств, хранящихся во всех этих ларцах, стал бы потрясающим зрелищем. Но мне представляется, что в данном случае стоит вести речь об «избирательности» его собственных рабочих, которые изъяли огромное количество бесценных предметов из подземных сокровищниц. Несколько позже Картер сказал, что, по крайней мере, шестьдесят процентов драгоценностей было украдено. ¹¹ Можно только догадываться, какое зрелище открылось Картеру и Эль-Рассулу, когда все эти сундуки и шкатулки еще не были разграблены: ювелирные украшения и произведения искусства, созданные мастерами величайшей цивилизации. Шедевры на многие и многие миллионы лежали перед ними и, казалось, только и ждали, когда их под фальшивыми названиями вынесут, упакуют и куда-то вывезут,

чтобы там тайно продать в частные коллекции и музеи.

Многие сундуки и лари остались на своих местах с тех пор, как их открыли; инспектора в Луксоре только перенесли их из гробницы № 98 в более безопасные помещения. Но, несмотря на свое великое прошлое, для музеев мира они представляют мало интереса. Археологов и всех остальных интересовали, прежде всего, сокровища, некогда хранившиеся в них. А теперь все эти пустые ларцы и сундуки превратились в настоящую головную боль для местных властей и являются горьким напоминанием о том, что украдено.

Кстати, еще до официального открытия гробницы Тутанхамона лорд Карнарвон пообещал Метрополитен-музею львиную долю всего, что будет найдено его людьми. При этом он сказал тогдашнему директору Литгоу: «Конечно, мне придется передать что-нибудь Британскому музею, но я намерен убедиться, что Метрополитен позаботится о большей части находок».¹²

В действительности Карнарвон не имел ни малейшего намерения продавать, а тем более передавать Британскому музею какие-либо из найденных сокровищ. Американцы платили лучше и не задавали много вопросов. Но на этом этапе он не хотел, чтобы Картер или даже его дочь леди Эвелина узнали об обещании, данном им Литгоу. Возможно, он предполагал, что они окажутся более щепетильными в вопросе о продаже ценных находок. Но, как бы то ни было, в конце концов, желание Карнарвона исполнилось после его смерти, и коллекция лорда была передана Метрополитен-музею его вдовой Альминой. Картер занимался

организацией всего этого процесса и получил неплохие комиссионные. Правда, в эйфории, охватившей всех после открытия гробницы, Карнарвон допустил ошибку, сообщив журналистам, что, поскольку она была ограблена в древности, по договоренности с египетским правительством ему принадлежит половина всех найденных сокровищ. При этом он подчеркнул, что часть своей доли он собирается передать как Британскому музею, так и Метрополитен-музею. Все это выглядит так, будто он рассказывал одним одно, а другим – другое.

Как отмечал Брэкман в своей книге «Золото Тутанхамона» (*The Gold of Tutankhamen*), это замечание Карнарвона взбесило египтян. Влиятельный египетский журнал «Эль-Ахрам» выразил «сомнение по поводу того, разделяет ли египетское правительство точку зрения лорда Карнарвона». Во всяком случае, министерство общественных работ, в ведении которого находился Отдел древностей, официально заявило, что упомянутые сокровища находятся в собственности египетского правительства. «По этому поводу не может быть никаких сомнений, – категорично утверждалось в заявлении. – Египетское общественное мнение не должно беспокоиться на этот счет». Правилами предусматривалось, что тому, кто найдет ценные артефакты в прежде уже ограбленной гробнице, принадлежит половина находок, хотя египетское правительство зарезервировало ряд статей, позволявших ему в определенных случаях изменять это правило в свою пользу. Однако министерство специально подчеркивало, что по условиям лицензии, выданной Карнарвону, у

него вообще не было никаких прав на любые найденные им предметы.¹³

С изысканным ехидством правительство напало на Карнарвону о благородстве. Как отмечалось в заявлении, лорд «с удовольствием принял специально оговоренный пункт лицензии, по которому отказывался от всех прав на находки, предоставляя таким образом ясное доказательство того, что не имеет никакой материальной заинтересованности, а действует исключительно ради науки и культуры». Это оказалось неприятной новостью как для Карнарвона, так и для Картера, хотя они как раз оба желали выглядеть в глазах всего мира бескорыстными тружениками на благо «науки и культуры». Вообще в те времена добывание денег считалось чем-то не совсем достойным английского джентльмена, тем более, что образ жизни этого самого английского джентльмена предполагал наличие вполне приличного материального богатства. И хотя в английском светском обществе и среди политиков не было принято говорить о деньгах или спрашивать, откуда они взялись, традиция все-таки отвергала тех, кто заработал их не совсем честным путем.

Словом, когда настало время официально объявить об открытии гробницы Тутанхамона, Картер публично заявил, что, по его мнению, во имя археологической науки все ее содержимое «должно быть размещено в египетских музеях».¹⁴ В то же самое время в частном послании Карнарвону он пишет, что следует предпринять все усилия на самом высоком уровне, чтобы «его светлость» получила часть сокровищ, достойную того времени и средств, потраченных на поиски гробницы. Обще-

ственности также дали понять, что Говард Картер не согласен с тем, что лорд Карнарвон держит представителей прессы на расстоянии и передал «Таймс» эксклюзивные права на опубликование материалов исследований. Появились даже слухи о том, что это несогласие Картера поссорило партнеров так, что они расстались. В реальности они по-прежнему находились в прекрасных отношениях, и пока пресса строила свои догадки, Картер делал все возможное, чтобы лорд Карнарвон мог как можно более выгодно продать права на радио, в издательства или в киностудии. Более того, Картер предлагал устроить аукцион и отдать права на освещение событий, относящихся к гробнице, тому, кто больше заплатит. Карнарвон поначалу согласился, однако затем в частном письме намекнул компаньону, что такой жест может выглядеть слишком уж коммерческим.

Какую бы позицию по этому вопросу компаньоны ни занимали в действительности, их игра приносила плоды, поскольку в бесчисленных статьях и книгах на эту тему даже такие уважаемые египтологи, как Гардинер и Брестед, изображали Карнарвона человеком, настаивающим, чтобы ему отдали все, «причитающееся по закону», тогда как Картер выступал в роли археолога, постоянно подталкивавшего «его сиятельство» к тому, чтобы лучшие находки были переданы в египетский Музей древностей.¹⁵

Вывоз тысяч предметов, официально найденных в гробнице Тутанхамона (в отличие от того, что уже было вывезено оттуда тайно), превратился в масштабное предприятие. Картер организовал

его с поистине военным размахом и в лучших традициях воинской дисциплины. Некоторые наиболее крупные и тяжелые находки приходилось распиливать или разбирать на части: это, в первую очередь, касалось шести золотых колесниц. Следовало также подумать и о том, как выносить через узкий коридор по крутым ступеням длинные массивные лежа в форме животных.¹⁶ Один из очевидцев так описывает эту сцену:

Едва ли можно представить себе более трудную задачу. Все было погружено на девять повозок еще вчера рано поутру, ждали только приказа приступить к перевозке. При взгляде на эти тюки, тщательно упакованные и завернутые, никто бы не подумал, что здесь лежит самый ценный груз, о котором в наши дни так много спорят и пишут в газетах по всему миру.¹⁷

Естественно, Картер не мог вынести все эти предметы тем же путем, которым разместил их здесь, в гробнице, – ведь, по его утверждению, наклонный коридор, ступени лестницы и узкий вход как раз и были единственным входом в усыпальницу. Равным образом, он никак не мог оставить все эти предметы там, где они сейчас находились, прежде всего потому, что там просто не было для них достаточно места. К тому же, чем дольше они оставались бы там, тем больше была вероятность, что у кого-нибудь возникнут сомнения относительно того, как же все эти сокровища сюда попали. И тогда кто-то непременно задаст вопрос, а где же все-таки может находиться настоящий вход в гробницу?

26 февраля 1923 года завершился очередной сезон работ в Долине царей, а вход в гробницу Тутанхамона и коридор, ведущий к ней, завалили камнями, чтобы никто посторонний не мог в нее проникнуть. Хотя, вполне вероятно, что Картер и его люди по-прежнему могли попасть в усыпальницу Тутанхамона из других гробниц, связанных с нею подземными галереями. Надо полагать, что после всех нападок прессы и политического давления со стороны местных националистов Картер и лорд Карнарвон испытали огромное облегчение, задернув занавес в своем представлении хотя бы на несколько месяцев. И нет никаких сомнений, что они поздравляли друг друга с невероятным успехом своей мистификации. Теперь, чем бы ни закончились в будущем споры с прессой и борьба с Пьером Лако и его Службой древностей, ошеломляющий успех их предприятия не вызывал сомнения, а сами они, наверняка, обеспечили себе место в истории.

Кое-что из того, о чем лгали Говард Картер и лорд Карнарвон, уже разоблачено в книгах, подобных исследованию Томаса Ховинга «Тутанхамон: нерассказанная история». Правда, и Ховинг, и многие другие его сторонники убеждены, что в первую ночь после открытия гробницы Картер с Карнарвоном и вся их компания, увидев, какие соковыщца им достались, только тем и занимались, что пытались наладить под землей освещение, а также исследовали все, вплоть до усыпальницы, где стоял саркофаг. Но эта теория имеет смысл лишь в том случае, если вы полагаете, что это, действительно, был первый день после обнаружения гроб-

ницы. Согласитесь, трудно поверить, что, проведя столько лет в бесплодных поисках, исследователи так легко согласились уйти от своих находок. И если, как утверждают Картер и Карнарвон, они впервые заглянули в загадочную гробницу, то невозможно представить, чтобы они смогли спокойно завалить вход в нее камнями и отправились спать, как бы ни устал лорд после своего приезда из Англии. Ни у кого не может быть такой железной выдержки, и никто не может до такой степени владеть собой. Но в том-то и дело, что и Картер и Карнарвон уже считали гробницу Тутанхамона своей собственностью, поэтому на необходимость вызвать правительственного инспектора смотрели как на простую техническую формальность, хотя и крайне досадную.

Смею утверждать, что Ховинг и другие его сторонники слишком снисходительно судят о наших героях и совершенно их недооценивают. На самом деле, Говард Картер и лорд Карнарвон сплели такую паутину лжи, которую при самом богатом воображении не смог бы представить ни один из их первых хроникеров.

IX

«Дымовая завеса»

*Сколь сложно паутину нам сплести,
Когда впервые учимся мы лгать!*

Сэр Вальтер Скотт

Теперь нам необходимо более внимательно взглянуть на то, что происходило вокруг Картера и Карнарвона, и понять, почему они так долго замечали следы и почему решили сделать свое «открытие» именно тогда, когда они его сделали.

Томас Ховинг в книге «Тутанхамон: нерассказанная история» утверждает, что в 1917 году симпатизировавший Картеру сэр Гастон Масперо подал в отставку с поста генерального директора Египетской службы древностей. Вместо себя он предложил кандидатуру Пьера Лако, который, как надеялся Масперо, продолжит благосклонно относиться к археологам-иностранцам, вроде Картера и Карнарвона, желающим вести раскопки в

Долине царей. Надо иметь в виду, что при Масперо существовало соглашение, по которому все, найденное археологами, в обязательном порядке делилось поровну между ними и властями. Но если бы удалось отыскать непотревоженное захоронение, то египетскому правительству следовало получить все. Масперо заключил эту договоренность еще в 1884 году, стремясь наладить в Египте научную работу и сделать так, чтобы иностранные археологи не испытывали неудобств от ненужных ограничений и постановлений. Подобное расплывчатое и в высшей степени двусмысленное соглашение как нельзя больше устраивало археологов вроде Картера с Карнарвоном, в отличие от египтян, поскольку египетским музеям из-за такой договоренности приходилось покупать шедевры, и без того являвшиеся национальным достоянием, и только в том случае, если те, кто их обнаружил, решали не отправлять артефакты в Нью-Йорк или Лондон.

Однако едва Лако приступил к своим новым обязанностям, он повел себя совершенно иначе. Дело в том, что это был высокообразованный археолог, да к тому же французский иезуит, одержимый просто маниакальной страстью к тому, чтобы ситуация была предельно ясной. Он категорически восстал против практики, когда состоятельные иностранцы могли вести в Египте раскопки где угодно и забирать себе все, что хотели, а египетские власти при этом закрывали на все глаза. По его мнению, времена для подобного отношения к историческим ценностям прошли, а археологов надлежало строго контролировать и не позволять вести раскопки без присутствия инс-

пекторов, вне зависимости от того, кем эти археологи являлись – британскими пэрами, либо американскими миллионерами. Лако объявил, что отныне и впредь Египетская служба древностей сначала будет решать, что желательно оставить в ее распоряжении, и лишь потом все оставшееся будет делиться между теми, кто нашел артефакты. Кроме того, он объявил о том, что настала пора более точно определить, что подразумевается под «непотревоженными захоронениями»². Для Картера с Карнарвоном эта новость оказалась ужасным потрясением, и они сразу и безоговорочно возненавидели Лако. Картер для себя тут же решил, что это противник, который не отличается высоким интеллектом, однако очень скоро ему пришлось убедиться в том, насколько такое суждение неверно.

В 1914 году, когда Картер и Карнарвон, по всей видимости, впервые открыли гробницу, Масперо еще находился на своем посту, и единственное, о чем компаньонам приходилось беспокоиться, это о том, чтобы усыпальницу Тутанхамона не признали «непотревоженным захоронением». Напомним: если гробница не имела этого статуса, археологи могли претендовать на половину находок, которые они посчитали бы необходимым предъявить властям. А поскольку Картер с Карнарвоном собирались изъять большую часть содержимого усыпальницы и лишь потом объявить о своем открытии, то им в конечном итоге принадлежала бы большая часть сокровищ. Но Лако повел себя так, словно собирался встать между ними и их «призом». Предполагаемые перемены не на шутку встревожили и правление Метрополитен-музея, поскольку

ку оно опасалось, что непрерывный поток артефактов из Египта может иссякнуть у них на глазах. Поэтому директора музея начали предпринимать отчаянные попытки сохранить статус-кво, чтобы и дальше получать львиную долю трофеев от раскопок в Долине царей и личных находок, которые дельцы вроде Картера переправляли в Штаты.

В то же самое время Картер и Карнарвон желали прославиться находкой неразграбленной гробницы фараона, поскольку подобное событие еще ни разу не было зафиксировано в письменной истории исследований. Но здесь надлежало самым тщательным образом выбрать способ, каким они смогли бы сделать такое сенсационное «открытие» и в то же время не отдавать все найденные артефакты целиком в руки Лако.

С этой целью они, как я полагаю, и решили сделать так, чтобы все выглядело, будто гробницу ограбили еще в древности. В этом случае вполне можно было представить дело таким образом, будто найденное захоронение не является «неповрежденным», но после ухода «грабителей» его, якобы, никто больше не посещал в течение трех тысячелетий. Убедить посторонних в том, что грабители таки посетили гробницу, не составляло труда, поскольку компаньоны сами ее и ограбили. Проблема заключалась в том, чтобы ни у кого не возникло сомнения, что с момента ограбления прошло почти три тысячи лет.

В своей книге «Гробница Тутанхамона» Картер заявляет, что во времена правления XVIII династии ни одна гробница ее правителей не была ограблена, поскольку сами фараоны и их наследники обладали огромной властью и трепетно от-

носились к охране гробниц своих предшественников. При этом он ссылался на то, что в документах, сохранившихся от XVIII династии, не имеется упоминаний о разграблениях царских усыпальниц, зато они во множестве встречаются в письменах, относящихся к XIX, XX и XXI династиям. Кроме того, он утверждал, что нашел отпечаток печати как раз времен правления фараона Рамсеса VI.³ Причина таких довольно неубедительных аргументов лежит на поверхности: если власти решат, что гробница была ограблена во времена правления XVIII династии, то они смогут считать ее «непотревоженной» с тех самых времен – следовательно, все содержимое станет собственностью египетского правительства. Другое дело, если ее ограбили несколько позже: в этом случае половина найденного будет принадлежать тем, кто ее нашел.

Однако другие специалисты не спешили становиться на точку зрения Карнарвона и Картера. Так, профессор Джеймс Брестед, специализировавшийся на расшифровке иероглифов и древнем египетском языке, несколько позже внимательно изучил печати на стенах и дверях захоронения и заявил, что все они принадлежат либо Тутанхамону, либо царскому некрополю. Он не заметил отверстия в стене, проделанного Картером и Карнарвоном, поскольку те его замаскировали, а сам профессор, как профессионал, не мог тревожить предметы в гробнице, так как считал, что они находятся на тех местах, где их оставили при погребении. Он утверждал, что гробницу, по крайней мере один раз, совершенно точно потревожили еще во времена правления XVIII династии, а возмож-

но, это произошло и дважды. По словам Катера, этого не могло быть. Однако Бристед заверил его, что фрагмент печати, которая, как думал Картер, принадлежала эпохе Рамсеса VI, на самом деле относится ко времени Тутанхамона. Он также не согласился с утверждением Картера о том, что при фараонах XVIII династии ни одна гробница не была ограблена, и напомнил об усыпальнице Тутмоса IV, которая была вновь опечатана по повелению Хоремхеба после того, как в нее забрались грабители.⁴

«Бог мой, – говорят, воскликнул Картер, – я никогда и подумать об этом не мог!»⁵ Это кажется чрезвычайно маловероятным, потому что именно Картер и нашел гробницу Тутмоса IV.

Но Бристед далее сообщил Картеру, что, по его мнению, грабители, проникшие в гробницу Тутмоса IV, были вовсе не теми, которых застали в начале правления Хоремхеба, и при этом заметил, что гробница Рамсеса IX находится прямо перед входом в усыпальницу юного фараона, и это ясно указывает, что задолго до правления Рамсеса гробница Тутанхамона была уже засыпана землей и прочно забыта. Напомним, что сам Картер утверждал, что гробница Тутанхамона была ограблена именно в это время.⁶

И опять Картер только и смог воскликнуть: «Боже! Я никогда не мог об этом подумать!»⁷

Однако в своей книге он ни словом не обмолвился об этом уточнении Бристеда, зато говорит, что абсолютно уверен в том, что новые печати на двери гробницы Тутанхамона были поставлены не позже, чем через десять лет после погребения юного царя.⁸ Подобное утверждение вызывает некото-

рое недоумение, поскольку Картеру должно было быть известно, что если Хоремхеб и дал повеление запечатать вновь гробницу Тутанхамона после «визита» в нее грабителей, то случиться это могло намного раньше тех самых пресловутых «десяти лет», ибо потом этот полководец сам стал фараоном и сделал все, чтобы стереть из памяти потомков малейшее упоминание о правлении Тутанхамона.

Следует отметить: хотя Картер и Карнарвон не предчувствовали, что после объявления об открытии гробницы они привлекут такой повышенный интерес публики, они, несомненно, должны были догадываться, что после того как открытие станет свершившимся фактом, все их действия будут подвергнуты детальнейшему анализу со стороны огромного количества специалистов, а многие из этих экспертов будут прямо заинтересованы в том, чтобы доказать, что с обнаружением гробницы далеко не все чисто. Высокоученые профессора и работники музеев, к сожалению, как все профессионалы, имеют предрасположенность ревниво относиться к чужим достижениям. Так что нашим компаньонам следовало очень и очень грамотно подготовить свое мошенничество, если они не хотели оказаться разоблаченными сразу, как только на сцене появятся их коллеги-ученые. Следовало запечатать тот вход, через который Картер и Карнарвон проникли в гробницу в первый раз, а также скрыть подлинные размеры внутренних помещений, так как многие уже были пустыми, лишенными сокровищ. И тогда они устроили новый вход из дверного проема, который, возможно, первоначально служил как раз

для выхода из гробницы, прорезали в скальном грунте ступени и спрятали строительные отходы, образовавшиеся во время их работ, под полом передней камеры. Вполне вероятно, что именно поэтому пол в ней примерно на метр двадцать выше, чем в боковом помещении (позже археологи стали называть его кладовой. – Прим. ред.) и погребальной камере. После этого компаньоны засыпали ступени, чтобы придать правдоподобие рассказу, как их позже «обнаружил» простой мальчишка. Потом все, что еще не разграбили, снесли в три подземных помещения, расположенные вокруг погребальной камеры – переднюю, кладовую и сокровищницу, – и сложили таким образом, чтобы создалось впечатление, будто гробницу когда-то в древности посетили грабители.

Более того, Картер и Карнарвон объявили, что после посещения гробницы грабителями жрецы вновь запечатали вход и покинули ее. Вот только интересно, как могли жрецы, запечатывавшие священную гробницу юного фараона, которого они считали воплощенным богом, оставить ее в таком виде, словно это чей-то чердак?

А тут еще эти колесницы. Конечно, Картер должен был понимать, что кто-нибудь, несомненно, обратит внимание на тот факт, что оси колесниц слишком широки, чтобы пройти в проем, который он собирался назвать «входом» в гробницу. У него, как у серьезного археолога (а он таковым, несомненно, являлся), скорее всего, сердце кровью обливалось от того, что предстояло сделать, но, я убежден, что его люди все же распилили оси колесниц и сложили их у стены подземной камеры. Очевидно, по мнению Картера, это должно было

устранить все неудобные вопросы с этой стороны. Однако, как хотите, плохо верится, чтобы жрецы, всегда очень скрупулезно относившиеся к своим обязанностям, могли оставить колесницы в таком «разобранном» состоянии. Они, скорее, могли расширить вход, или, если это оказалось почему-то невозможным, должны были собрать колесницы уже в самой гробнице. Согласитесь, что перед энтузиастами, собирающими модели корабликов в бутылках, стоит куда более трудная задача. И потом, ни один жрец не отважился бы отправить своего царя в вечность на поломанной колеснице.

Перед Картером стояла еще одна очень серьезная проблема. Он утверждал, что грабители забрались в гробницу тысячи лет назад. Но почему же они, в таком случае, не взломали дверь в святилище, где находились ковчеги и саркофаг с телом юного царя? Это же сокровище, ценность которого просто невозможно представить, почему же воры решили им пренебречь? Картеру следовало найти ответ на этот вопрос, иначе его стали бы искать другие, и тогда вся его история могла рассыпаться, как карточный домик. И внезапно его осенило. Он решил сообщить миру, что воры не забрались в погребальную камеру, потому что просто не заметили вход в нее. А не заметили потому, что он был скрыт за стеной. Значит, необходимо было построить стену.

Самая большая проблема заключалась в том, что новая стена не должна была отличаться от трех других, окружавших погребальную камеру и содержавших росписи, на которых изображались сцены похорон Тутанхамона и эпизоды из его путешествия по загробному миру. Эта иллюстриро-

ванная история начиналась на восточной стене. Вначале на восточной стене древние живописцы изобразили, как мумию укладывают в гроб, украшенный цветами. Изображения последних ритуалов находились на северной стене, а на западной – фараон путешествовал по загробному миру. Следовательно, на южной стене должны были находиться картины того, как Тутанхамон прибывает в загробное царство. Учитывая, что стиль древнеегипетской живописи отличается крайней простотой, его мог скопировать любой художник вроде Картера, несколько лет до того зарисовывавшего множество образцов египетского искусства. Правда, расписать стену внутри запечатанной комнаты – задача, несомненно, значительно более сложная.

Итак, они построили новую стену, закрывавшую усыпальницу, однако оставили внизу небольшое отверстие, достаточное для того, чтобы Картер мог забираться в него и вылезать обратно все то время, пока он будет расписывать изнутри вновь построенную стену. Несомненно, выполнение этой работы потребовало от него всех его умений, как художника и копировальщика. Следует признать, что Картер великолепно справился с ней. Используя навыки, полученные за предыдущие двадцать пять лет, он смог создать новые копии рисунков, которые должны были убедить всех в том, что стена на этом месте была всегда, и вход в переднюю комнату имелся только один – тот самый, который он же и устроил.

Конечно, условия, в которых Картеру пришлось работать, мало напоминали те, с которыми столкнулся Микеланджело, расписывая потолок

Сикстинской капеллы. В гробнице было значительно теснее, там царила ужасающая жара, а между внешним ковчегом и новой стеной оставалось пространство не более 60 сантиметров. К тому же Картер, как специалист, должен был осознавать, что, несмотря на все его мастерство, при внимательном изучении подделка, наверняка, станет заметна. Стоило кому-нибудь попытаться подвергнуть росписи серьезному анализу, и тут же выяснилось бы, что они сделаны недавно. Значит, следовало разрушить стену при первой возможности под предлогом того, что требовалось открыть доступ к погребальной камере. Возникает вопрос: могли столь щепетильный и дотошный археолог, как Картер, просто взять и разрушить стену, покрытую древними росписями, если бы верил, что они, действительно, насчитывают три тысячи лет? Ведь это тот самый человек, который после официального объявления об открытии гробницы Тутанхамона десять лет потратил на то, чтобы самым тщательным образом описать и внести в каталоги все находки.

Впрочем, Картер оставил следы своего профессионального почерка: цветовая гамма, которую он использовал для своих росписей, отличалась от красок на других стенах гробницы. Очевидно, ему так и не удалось полностью избавиться от стиля и привычек, выработанных у него во время учебы в Англии. Возможно, это так и осталось бы незамеченным, если бы Гарри Бертон, официальный фотограф экспедиции, не сделал фотографии настенной живописи еще до того, как она была полностью уничтожена. Однако нарисованные фигуры оказались достаточно убедительными для того, чтобы

вести в заблуждение непрофессионалов. К тому же в условиях всеобщей эйфории, наступившей после открытия погребальной камеры, ни у кого не возникало большого желания внимательно изучать рисунки на стенах. Когда же все-таки возникло недоумение по поводу разных стилей живописи, последовало официальное разъяснение, что работы выполнялись, по всей видимости, разными художниками и в большой спешке, так как жрецы торопились запечатать гробницу. Кстати, ни в одной из книг, прочитанных мною, ни один автор не задался вопросом, а как, собственно, древние живописцы, если, как утверждается, они расписывали все четыре стены, смогли выбраться из гробницы после окончания работы? Но возникни такой вопрос, Картер тут же указал бы на отверстие, которым сам пользовался, и все сомнения, скорее всего, в тех условиях сразу отпали бы.

Николас Ривз в книге «Полная история Тутанхамона» (*The Complete Tutankhamen*) указывает, что фигуры на разрушенной стене «совершенно определенно, выполнены другим художником, пропорции базируются не на Амарнском каноне, а на более традиционном»⁹. И никто другой за три четверти века после того, как Бертон сделал эти треклятые фотографии, так и не удосужился попробовать разобраться в этой загадке. Да и то сказать, кому бы это пришло в голову, когда гробница и без того оказалась наполнена множеством самых поразительных тайн и чудес?

Если признать, что четвертая стена была создана и расписана Картером, то неизбежно возникает вопрос, каким все-таки образом ему удалось добиться такой поразительной схожести

изображенных им сцен с теми, что можно видеть на других трех стенах, и где могла находиться подлинная стена. Наиболее вероятным ответом будет, что она находилась там же, где и стена, построенная Картером, но изначально представляла собой перегородку, высеченную в цельной скальной породе. Очевидно, что у Картера и его людей имелась некая причина для перемещения этой стены. Возможно, они собирались устроить переднюю комнату, или, если она существовала здесь изначально, хотели в нее попасть, чтобы иметь возможность перенести туда некоторые вещи. А уже затем на месте настоящей стены и была воздвигнута та, что отгораживала переднюю комнату от погребальной камеры.

Подготовив помещения гробницы в соответствии со своими замыслами, Картер и его рабочие покинули гробницу через новый «вход», прорубленный ими самими, после чего на двери наложили печати. Каменные обломки, оставшиеся после того как в скале вырубались ступени, смешали с щебнем и оставили в проходе. Теперь гробница была готова к тому, чтобы ее, наконец, «нашли». Но на самом деле, гробница эта представляла собой лишь великолепные декорации для предстоящего спектакля, такие же искусственные, как и любая другая подделка, пусть даже неотличимая невооруженным глазом.

Позже, описывая свои ощущения перед тем как впервые открыть вход в гробницу, Картер всегда упоминал об «ужасной вероятности» того, что усыпальница могла оказаться незавершенной, либо вообще неготовой. «Дверь, которая вела в

гробницу, действительно, была слишком мала для усыпальницы фараона»¹⁰. Но если подобные опасения были искренними, почему же, отправляя телеграмму Карнарвону, он чувствовал себя вполне уверенно? «Наконец-то в Долине сделано замечательное открытие; удивительная гробница с неповрежденными печатями...»¹¹ Нет сомнений, Картер был так уверен, потому что совершенно точно знал, что собирается найти. Однако ему требовалось опередить тех скептиков, которые могли заподозрить, что погребальный комплекс выглядит незаконченным. Он и являлся таковым, поскольку и печати Картер поставил сам, а настоящий вход находился совсем в другом месте. Выражая озабоченность и беспокойство по поводу того, что ждет за запечатанными дверями, Картер надеялся отвлечь внимание тех, кто попытался бы обвинить его в том, что вся гробница выглядит поддельной.

Наконец день, когда объявили об открытии гробницы Тутанхамона, прошел, причем, несмотря на указания Лако, официальный представитель властей в Долину так и не приехал. И вот тогда-то Картер использовал все свои умения и устроил сказочное шоу, которое должно было смутить любого, кто захотел бы задать много вопросов. Надо сказать, что Картер по этой части был признанным мастером. Еще когда он работал с Теодором Дэвисом, один из компаньонов американца так описывал гробницу, в которой побывал Говард Картер:

Мы вошли в гробницу Аменхотепа – теперь ярко освещенную электричеством, прекрасно убранную и великолепно украшенную. Ограбленная мумия была вновь помещена в саркофаг и благо-

*пристойно укутана рваными погребальными пеленами – Картер организовал все чрезвычайно мастерски. Скрытый электрический свет в изголовье саркофага падал на прекрасное лицо, придавая ему выражение умиротворения, а когда остальные лампы выключили, эффект оказался чрезвычайно торжественным и впечатляющим. Там [в Долине царей] Картер сделал прекрасную работу самыми разными способами... Отныне никому не приходилось спотыкаться на ямах и осыпавшихся каменных ступенях в переходах, едва освещенных дрожащим светом редких чадающих восковых свечей.*¹²

Естественно, когда понадобилось устроить подобную сказку в гробнице Тутанхамона, Картер мог привлечь себе на помощь все содержимое самой гробницы. Сокровища, особенно умело освещенные, представляли собой настолько прекрасное зрелище, и от их вида настолько захватывало дух, что вряд ли у кого-нибудь могло возникнуть желание задавать неудобные вопросы. Все были так потрясены, что никто и подумать не мог о том, чтобы подвергать сомнению реальность увиденного.

А теперь поговорим о том, почему Картеру после официального объявления о находке сокровищ Тутанхамона понадобилось целых десять лет, чтобы очистить гробницу. Одной из причин здесь называют особую тщательность, с которой по его требованию описывались, фотографировались и заносились в каталоги все предметы на всех этапах работы с ними. Однако когда читаешь заметки Гарри Бертона о том, как Картер впер-

*Дверь с печатями,
которая вела из передней
комнаты в кладовую.*

вые начал сортировать это нагромождение всевозможных предметов древней культуры, присваивая каждому собственным инвентарным номером, поневоле вспоминаешь полицейские протоколы с описанием «места преступления». Впрочем, по моему глубокому убеждению, гробница Тутанхамона таковым и является. Однако Картер заявил, что это «преступление» совершено три тысячи лет назад. Он даже в подробностях

описывает, как, на его взгляд, действовали грабители, забравшиеся в боковое помещение гробницы.

Один из грабителей (по всей видимости, там было недостаточно места более чем для одного человека) забрался в помещение и начал поспешно, но тщательно обыскивать его содержимое, опустошая ларцы и сундуки. Он вытаскивал предметы, бросал их один на другой, а иногда передавал отдельные находки через отверстие своим подельникам, чтобы те могли внимательнее их рассмотреть в более просторном помещении. Он выполнил свою работу так, будто тут случилось землетрясение.¹³

Интересно, что Картер намеренно проговорился своим рабочим и близким знакомым – таким, как сводный брат лорда Карнарвона, – о том, что он побывал в погребальной камере еще до ее официального открытия. Сделав это, он теперь мог спокойно объяснить появление в стене отверстия, а также, почему оно оказалось прикрыто корзинами и строительным мусором. Теперь он говорил, что сам проделал эту дыру в стене для того, чтобы иметь возможность забраться в боковую комнату из передней. Этот рассказ противоречил первой истории о том, что отверстие проделали грабители три тысячи лет назад, а не сам Картер, и предназначалось оно как раз для того, чтобы он мог выбраться из погребальной камеры, после того как закончил расписывать изнутри недавно построенную стену.

Что и говорить, признавшись, что он просто не смог удержаться от соблазна хотя бы краешком глаза взглянуть на содержимое погребальной камеры, Картер придал всей истории открытия еще большее правдоподобие. И действительно, кто, оказавшись на его месте, смог бы сдержать нетерпение? Много ли среди нас найдется таких, кто осудит напористость искателей приключений, не желающих дожидаться, пока придут бюрократы и тупоголовые чиновники? В любом случае, признаваясь не склонному к романтике меньшинству в собственной слабости и совершенно объяснимом небольшом техническом проступке, Картер предстал перед всеми честным человеком, ничего кроме симпатии не вызывающим.

Впрочем, можно совершенно некритично отно-

ситься к рассказу о том, как эти четверо – Говард Картер, лорд Карнарвон, леди Эвелина и Коллендер – в ночь открытия гробницы заглядывали в отверстие в стене, не имея ничего, кроме свечи и факела, чтобы осветить сокровища, собранные в этом помещении. Но и тогда вся история кажется полной чушью. Все четверо заявляли, что по обеим сторонам каменной глыбы, загораживавшей вход в погребальную камеру, находились две фигуры богов-стражей, выполненные в полный человеческий рост. Однако с того места, где находились наши исследователи, они никак не могли их увидеть. Позже ученые объяснили данную нестыковку желанием Картера скрыть от общественности тот факт, что он и его спутники в тот вечер вошли таки в гробницу, не дожидаясь приезда правительственных чиновников. Однако, на мой взгляд, этот факт является просто еще одним доказательством того, что все так называемое «открытие гробницы» представляло собой грандиозную фальсификацию, призванную послужить дымовой завесой и отвлечь внимание всего мира от того, что там произошло в действительности.

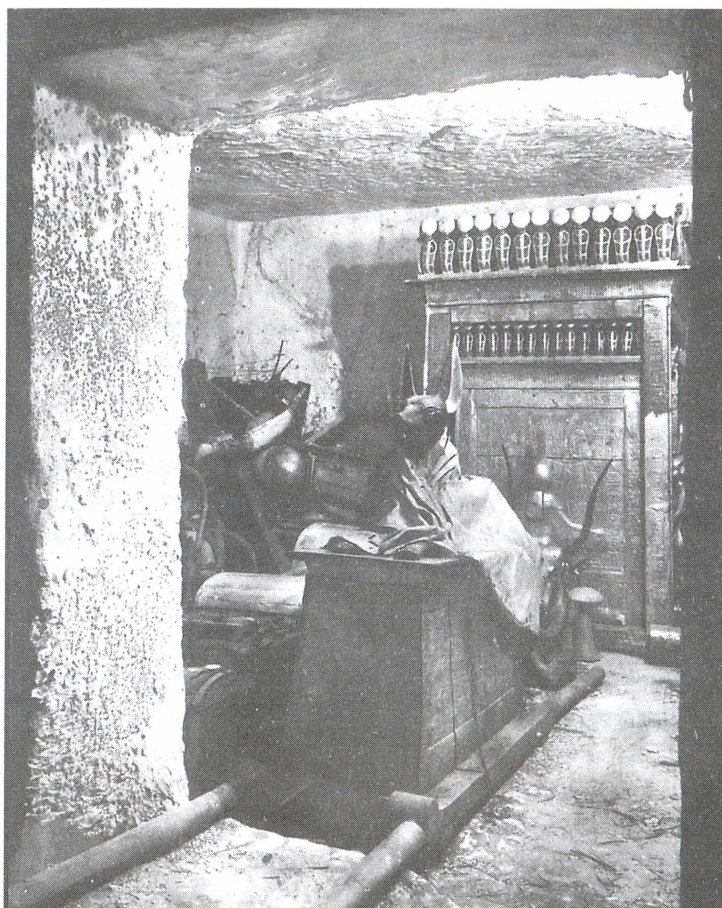
Следует помнить, что почти сразу же начали появляться слухи о том, что Картер с Карнарвонном разворовывают гробницу, тайно нагружают сокровищами самолеты и вывозят находки за пределы страны. Компаньоны, несомненно, должны были их слышать. Зная также, что Пьер Лако вышел на тропу войны, они решили устроить еще одно представление, чтобы замести следы. Они объявили о проведении церемонии официального открытия гробницы. По всей видимости, это должно было выглядеть как жест открытости, но для

всего мира данная церемония могла показаться, скажем так, элитарной и исключительно привилегированной. Как уже отмечалось ранее, единственным журналистом, приглашенным на нее, стал Артур Мертон из «Таймс», в полном соответствии с договором, который заключил с его работодателями лорд Карнарвон. Более того, ни Лако, ни его заместителя Пола Тоттенхема вообще не пригласили. Картер и Карнарвон даже не проинформировали об открытии гробницы Службу древностей. Тут могут быть два объяснения: возможно, они считали гробницу своей собственностью и поэтому полагали, что имеют право приглашать кого захотят, либо они просто не желали, чтобы Лако слишком много увидел, и собирались воспользоваться шансом и дальше мутить воду. В любом случае, тут они допустили серьезную ошибку, причем такую, за которую им пришлось дорого заплатить в не очень отдаленном будущем.

Вечером, накануне церемонии официального открытия гробницы, Картер отправил Рексу Энгельбаху, недавно назначенному на пост инспектора, записку, в которой объяснял, что теперь все окончательно расчищено, и тот может приехать для проверки. Послание доставили слишком поздно, и Энгельбах не мог на него ответить, поскольку был занят в других местах. Таким образом, и он тоже не смог появиться на церемонии открытия. Вместо себя он прислал местного инспектора Ибрагима-эфенди.

На самой церемонии Картер продолжил свой спектакль. Кратко поприветствовав собравшихся, он спросил: «Все готовы? Тогда прошу вас, пойдете»¹⁴. Он провел гостей вниз по лестнице, затем по

небольшому коридору к огромным стальным воротам, которые установили у внутреннего входа. Специально для этого случая ворота задрапировали белой тканью. Включили освещение внутри гробницы, и изнутри полилось мягкое приглушенное сияние. Картер остановился. Затем, показав присут-

Изображение бога Анубиса, охранявшее вход в помещение, которое Г. Картер назвал «Сокровищницей»

ствующим дыру, проделанную грабителями в стене, эффектным жестом отдернул ткань. Вся толпа ахнула в один голос, и многие потом рассказывали о том, какое потрясающее зрелище им открылось. Все внутреннее помещение было залито ярким светом, сверкающие золотом и многообразием расцветок предметы были искусно подсвечены так, чтобы показать их с наиболее выгодной стороны. С мастерством настоящего шоумена Картер намеренно нагнетал драматизм момента: нестерпимо медленно распутывал цепи, опоясывавшие замки на стальной решетке, закрывавшей вход, затем также медленно начал ее открывать. Словом, представление гладко катилось по заранее подготовленному сценарию.

После того как состоялась официальная церемония открытия гробницы, на Говарда Картера посыпались многочисленные предложения помощи, и многие из них он с благодарностью принимал. Ему приходили письма со всего мира от самых разных людей, среди которых были и довольно эксцентричные личности, торговцы сувенирами, и люди, желавшие просто поработать в его экспедиции. Ему писали представители религиозных организаций, осуждавшие проникновение в священную гробницу, и некоторое количество тех, кто объявил себя его родственниками. В такой обстановке Картер продолжал яростно работать, благо число его сотрудников теперь постоянно увеличивалось. Требовалось заказывать огромное количество самого разного оборудования и снаряжения: от провизии до силовых установок и фотоаппаратуры.

Его теперешний главный благодетель и покровитель, Метрополитен-музей, не теряя времени,

направил к нему своих сотрудников, а также заставил госдепартамент США оказать давление на египетские власти, с тем чтобы не допустить ничего неожиданного и предосудительного в вопросе о равном распределении находок из гробницы между археологами и местным правительством. У руководства музея не было ни малейших сомнений, что, если Картеру и Карнарвону попадет в руки половина находок, именно Метрополитен станет тем музеем, который скупит у них львиную долю сокровищ. И наоборот, если все уйдет в Каирский музей, то Америке ничего не достанется.

Картер имел совершенно ясное представление о том, как он собирается очищать гробницу от находившихся в ней предметов. Его смело можно назвать безукоризненным исполнителем, помешанным на методичности, а теперь настал его звездный час. И ничто не имело права ему помешать. Ничто и никто. В скором времени Картер получил разрешение использовать три находившиеся поблизости гробницы в качестве складов, лабораторий и помещения для проявки снимков и киноплёнок. Речь идет о гробнице фараона Сети II, незаконченной и неприметной гробнице, отмеченной только индексом №15, а также о гробнице №55, которую несколько лет тому назад нашел Дэвис и которую он считал принадлежавшей фараону Эхнатону¹⁵. Несомненно, эти гробницы имели для Картера жизненно важное значение, так как являлись частью его генерального плана по продолжению величайшего жульничества в истории египтологии.

В гробнице Сети II имеются росписи, подобные тем изображениям и статуям, что были най-

дены в гробнице Тутанхамона. И это кажется чем-то большим, чем простое совпадение. Я, например, абсолютно уверен, что гробница фараона Сети II связана с гробницей Тутанхамона и является вместе с ней частью одного грандиозного погребального комплекса. Устроив там лабораторию и убедившись, что она надежно заперта для посторонних визитеров, Картер лишил возможности внимательно ее изучать всех, у кого могло появиться подобное желание. К тому же, при необходимости у него теперь имелся тайный доступ в гробницу Тутанхамона, всегда, когда это ему требовалось. Уинлок, например, утверждает, что даже «Бэнк оф Ингланд» был защищен не лучше, чем «лаборатория» Картера. Во всяком случае, чтобы в нее забраться, пришлось бы потратить времени не меньше, чем при проникновении в банк.

Поскольку извлечение находок из гробницы Тутанхамона шло полным ходом, лорд Карнарвон решил возвратиться в Египет после месячного отсутствия. Вместе с леди Эвелиной он тут же отправился в Долину царей на недавно купленном автомобиле. В интервью Артуру Мертону лорд за бокалом шампанского рассуждал:

То, что я должен сказать, возможно, окажется интересным, поскольку находки теперь можно значительно легче изучать и оценивать. К тому же, пока что не было опубликовано официального описания ни одного из отдельных предметов.

Прежде всего, я направился в гробницу Сети II, которая в настоящее время, насколько известно,

используется в качестве мастерской, или лаборатории. Здесь я имел возможность увидеть и изучить результаты работы, проделанной мистером Картером и его помощниками. Нам приходилось быть крайне осторожными в отношении тех, кто хотя бы просто приближался к лаборатории, однако разрешение на посещение само по себе не являлось чем-то особенно приятным. Даже снаружи запах различных химических веществ очень ощутим, а если войти внутрь, то ароматы ацетона, коллодия и других малоприятных веществ становятся непереносимыми, хотя специалисты, похоже, получают удовольствие от работы с ними. Гробница, в сущности, представляет собой длинный коридор, весь заполненный коробками с различными ценными предметами. Там стоят столы, заставленные бутылками, большими тюками с ветошью и шерстью для упаковки, на поддонах и подносах лежат всевозможные находки, лишь чуть-чуть прикрытые тканью от пыли. Дверь, через которую вы входите внутрь, снабжена очень тяжелой решеткой с четырьмя замками, что, как мы надеемся, может предотвратить любую возможность ограбления. Вместе с тем, ничто не может вызывать большего восхищения, чем детали, на которые мистер Картер и его работники потратили столько выдумки и труда. Проход представляет собой длинный коридор, уходящий вглубь скалы, и свет в него проникает только со стороны входа. В дальнем конце любой может внимательно рассмотреть предметы из гробницы при свете электрического фонаря.

Вы уже слышали о троне, или коронационном

*кресле. Он настолько прекрасен, что это невозможно представить. Тонкость обработки камней в инкрустациях исключительная, а резные изображения фигурок царя и царицы на барельефах просто поражают своей силой и выразительностью. Я уверен, что это единственный подобный образец коронационных тронов, и ничего похожего еще никогда не находили. Между сиденьем и ножками кресла первоначально размещались изображения или какие-то украшения, скорее всего, они были выполнены из золота, поскольку их похитили грабители. При рассмотрении распорок, которыми поддерживаются и крепятся ножки трона, можно видеть, откуда эти украшения были грубо выломаны. При реставрации этих замечательных предметов необходимо соблюдать величайшую осторожность, так как многие из них находятся в крайне хрупком состоянии.*¹⁶

Оригинальные изображения и украшения трона наверняка были изготовлены из чистого золота, поэтому, собственно, их и украли, но, говоря об этом, лорд Карнарвон ужасно лицемерил. Он говорил о том, что трон прекрасен так, что это «невозможно представить», резьба, украшающая его, исключительна, и, вообще, это едва ли не самый уникальный экземпляр коронационного кресла. Однако он не упомянул о том, что золотые украшения и фигуры, почти наверняка, были безжалостно выломаны и украдены людьми Картера. Несомненно, все эти изображения стоили целое состояние. Несколько позднее Литгоу на рынке купил для Метрополитен-музея статую сидящего Тутанхамона. Спрашивается, каким образом она

попала в свободную продажу? Кто ее продал? И по какому праву? Скорее всего, на эти вопросы могли бы ответить только Картер с Карнарвоном.

В те времена многие выражали недовольство обстановкой маниакальной таинственности, окружавшей деятельность лаборатории, в которой работали Мейс и Лукас. Мейс был правой рукой Картера и хорошо знал, что происходит в гробнице, а Лукас, талантливый химик из Манчестера, держался в стороне от всего, что не касалось непосредственно работы. Однако, как мы уже видели, обстановка секретности являлась для Картера ключевым требованием, поскольку он стремился к тому, чтобы желающие его разоблачить не могли слишком близко подойти к правде.

В книге «Гробница Тутанхамона», в которой он рассказывает о своем открытии, Картер уподобляет разборку предметов в передней комнате игре в бирюльки, которая, как известно, заключается в том, что играющие должны уложить один на другой как можно больше брусков, не передвигая их. «Их [сокровищ] было так много, что оказалось практически невозможно передвинуть один предмет, не опасаясь серьезно повредить несколько других. В некоторых случаях они были настолько тесно составлены, что приходилось с помощью сложной системы блоков и подпорок удерживать некоторые предметы на месте, пока выносились другие»¹⁷.

Вообще, в серии своих книг Картер преподносит собственные предположения так, будто они являются неоспоримыми фактами. Так, он постоянно говорит о ворах, забравшихся в древности в гробницу через узкий лаз, словно это, действительно

но, имело место. Лично я убежден в том, что это событие не имело места. Любопытно, что Картер сначала утверждал, что погребальная камера оставалась в том виде, в котором ее оставили после похорон фараона, так как она была скрыта за стеной, однако потом вдруг начал говорить, что воры побывали во всех помещениях гробницы. Но если бы грабители там побывали, то они непременно обворовали бы позолоченные ковчеги. В «Гробнице Тутанхамона» Картер заявляет, что воры оставили нетронутыми ковчеги, в которых находился внутренний саркофаг, выполненный из желтого кварцита, хотя и взяли множество предметов из небольшой сокровищницы. Правда, он тут же отмечает, что, пытаясь «забраться» в ковчег, «незваные гости» немного повредили у него двери.¹⁸ Тот факт, что древние грабители не обокрали ковчеги даже после того, как обнаружили их, явно доказывает, что единственными «незваными гостями», вторгавшимися в гробницу, были Картер и его люди.

В другом месте книги Картер замечает, что, если бы они не обнаружили сломанные печати на дверях и лаз, который вел в гробницу, то он мог бы подумать, что неразбериха, царившая в передней, «осталась со времен похорон из-за обычной на Востоке беспечности»¹⁹. И опять немислимо даже на секунду представить, что жрецы, хоронившие фараона, считавшегося богом, могли оставить его в вечности в окружении жуткого хаоса. Большого святотатства и придумать нельзя! Проводы фараона в загробный мир представляли собой священную церемонию, совершавшуюся со всем мыслимым и немислимым почтением, которое древ-

ние египтяне только могли оказать своему усопшему владыке. Все размещалось раз и навсегда на установленных местах, и жрецы тщательно следили за тем, чтобы соблюдались мельчайшие детали.

Картер часто говорит о предметах, которые, по его мнению, древние грабители взяли с собой. Так, в частности, он упоминает о позолоченном деревянном пьедестале, на котором даже сохранились отпечатки ступней статуэтки, находившейся на нем. Сама статуэтка исчезла. По словам Картера, она явно была изготовлена из чистого золота и, возможно, «весьма похожа на золотую статуэтку Тутмоса III в образе Амона-Ра, которая находится в коллекции лорда Карнарвона». Пожалуй, можно с уверенностью утверждать, что эта маленькая статуэтка, считавшаяся гордостью коллекции лорда, а сейчас хранящаяся в Метрополитен-музее, появилась из гробницы Тутанхамона еще до официального объявления о ее открытии. Картер также утверждает, что «многие золотые предметы грабители просто не заметили». Но дело тут в другом. Все самое ценное вынесли из гробницы тайком и затем продали, а оставшиеся сокровища просто служили для отвода глаз.

Картер часто предупреждал вопросы, которые могли появиться у других специалистов по поводу различных странностей, тут и там встречавшихся в гробнице. В своих книгах археолог постоянно указывал на эти нестыковки и говорил о том, что они и для него представляют немалую загадку. Так, он сообщил своим читателям, что найденная им гробница вовсе не похожа на остальные гробницы Фиванского некрополя и довольно просто

устроена. Картер отметил, что она ориентирована совершенно стандартным образом, имеет обычные для таких помещений росписи, а по четырем сторонам ее располагаются четыре магических фигуры.²⁰ Однако, несмотря на то, что ориентирована гробница нормально, ковчег в ней находится не на месте. Они должны быть установлены фасадом в направлении Царства мертвых, то есть на запад. Но если бы они стояли именно так, то у многих возник бы вопрос, что находится за западной стеной гробницы? А поскольку ковчег стояли фасадом на восток – к сокровищнице, – вопрос отпал прежде, чем его кто-нибудь задаст.

Картер также утверждал, что передняя комната и погребальная камера представляли собой единое помещение, разделенное посередине стеной (которую он сам же и построил). Однако он никогда так и не объяснил, как могло получиться, что пол в одной камере более чем на метр ниже, чем в другой. Мне же представляется, что пол в передней комнате имеет другой уровень просто потому, что она изначально не была частью гробницы Тутанхамона. Как и стена, разделявшая переднюю комнату и погребальную камеру, такой пол мог быть плодом творчества самого Картера. Когда он говорит о разделительной стене, то высказывает предположение, что ее, скорее всего, построили сразу после погребения фараона, после чего жрецы, покидая гробницу, запечатали вход в нее. Конечно, это не так. Это сделал сам Картер. Далее археолог утверждает, что из-за плохих условий штукатурка и росписи внутреннего убранства очень пострадали. Это утверждение верно в отношении одной стены святилища, той самой, что разделяла пере-

днюю комнату с погребальной камерой. Далее Картер признает, что изображения на стене были выполнены «в очень грубой манере». Надо полагать, что Картеру очень не хотелось хулить плоды собственного труда, однако ему пришлось это сделать прежде, чем кто-нибудь задал бы вопрос: а почему, собственно, древние египтяне выполнили росписи столь небрежно?

Описывая беспорядок, царивший в боковой комнате (кладовой), Картер отмечает: «Это место выглядело так, словно ему специально придали отпечаток какой-то театральности для того, чтобы вызвать состояние замешательства у незваных гостей»²¹. В гробнице, действительно, с большим мастерством создали атмосферу неестественной театральности, только сделал это сам Картер. И именно для того, чтобы вызвать чувство недоумения у посетителей. Надо сказать, ему это удалось в полной мере, наряду со всеми прочими его затеями. Однако здесь следует на мгновение остановиться, чтобы сделать одно заявление. Я убежден, что, занимаясь всеми этими хитроумными приготовлениями к предстоящему «шоу», Картер и Карнарвон обнаружили нечто такое, что поставило их в тупик, поскольку никто из них не знал, как теперь с подобной находкой поступить.

За те десять лет, пока опустошали гробницу и изучали найденные в ней предметы, Говард Картер и лорд Карнарвон столкнулись с какой-то тайной. И эта тайна только добавила дополнительные хитросплетения в паутину лжи и уверток, которая все разрасталась вокруг четырех помещений, вырубленных в скальном массиве. Цепь этих таинственных находок, в конце концов, привела через

несколько месяцев после открытия гробницы к убийству Карнарвона и некоторых других участников этой драмы. И вот эти-то преступления и стали подлинным «проклятием фараона».

Я очень обстоятельно беседовал со многими людьми, которые считаются специалистами по эпохе Тутанхамона, а также с теми, кто хорошо знает обстановку и события тех лет, когда гробница этого фараона была обнаружена. Все они подтвердили факты, которые им были известны, а также согласились, что моя теория объясняет многое из того, что на протяжении лет приводило в замешательство всех, кто размышлял над этими вопросами.

В 1996 году вместе с несколькими друзьями я посетил Долину царей с намерением исследовать как можно больше гробниц. Тогда только-только вновь открылась для посещений гробница Рамсеса VI, до той поры недоступная в течение пятнадцати лет. Она располагается как раз над гробницей Тутанхамона, и, как я полагаю, именно из нее Картер и Карнарвон проникли в последнюю.

Совершенно точно, что с правой стороны, примерно в 45 метрах от входа в гробницу Рамсеса VI, имеется участок стены без штукатурки и росписей. Слева от этого голого участка можно видеть какую-то иероглифическую надпись, которая выглядит так, словно ее не успели завершить. Я практически уверен, что именно тут и находился настоящий вход в гробницу Тутанхамона.

Позже, уже в гробнице юного фараона, я простучал южную стену. Она издала такой звук, что сомнений не осталось – стена полая. Создается впечатление, что ее оштукатурили и покрасили

темно-желтой краской под цвет остальной передней комнаты. Расстояние оттуда до заделанного входа в гробнице Рамсеса VI должно составлять приблизительно 10 метров. Уверен, что здесь и находится тот коридор, через который сюда вносили всемирно известные сокровища умершего фараона.

Примерно в 90 метрах к западу расположена гробница Хоремхеба, по моему глубокому убеждению, также являющаяся частью единого комплекса. Если провести прямую линию от гробницы, которую общепринято считать принадлежащей Тутанхамону, к гробнице Хоремхеба, то эта воображаемая линия пройдет как раз посередине того тайника, который Дэвис посчитал гробницей юного царя. Так что, вполне возможно, и это помещение составляло часть единого комплекса.

Одним словом, после того как компаньоны нагромоздили такое огромное количество обманов и создали такую путаницу, видимо, невозможно до конца распутать весь этот клубок противоречий. Однако сейчас совершенно ясно, что история о первом открытии гробницы Тутанхамона, которую Говард Картер и лорд Карнарвон поведали миру, не может быть правдой.

X

Говард Картер: блестящее завершение дела

Крышка саркофага вздрогнула и начала приподниматься. Медленно, покачиваясь из стороны в сторону, она открылась. Вначале мы увидели только длинную, узкую, черную полость. Затем прямо в середине этой черноты мы мало-помалу рассмотрели куски гранита, отломившиеся от крышки. Они в беспорядке лежали на темных пеленах, сквозь которые, как нам показалось, проступали неясные контуры...¹

Джеймс Бристед

Следующий после смерти лорда Карнарвона сезон раскопок начался довольно гладко. Его вдова подала заявку на продление концессии, заключенной ранее лордом, а Картера назначили на должность советника и предложили продолжать работы в гробнице. Все это оказалось приемлемым

для Службы древностей. Соглашение с «Таймс» было также продлено на второй год, и на этот раз Артур Мертон стал официальным членом экспедиции, работавшей в Долине царей. Картер считал, что это было необходимо, прежде всего для того, чтобы сократить не уменьшавшийся поток посетителей, которые постоянно пытались проникнуть в гробницу. При этом он проигнорировал ропот недовольных, который подобное решение вызвало годом раньше. Картер полагал, что Мертон отвлечет на себя внимание прессы.

Процесс снятия пелен с мумии означал, что шоу с мезью фараона развивается полным ходом. Когда Картер с этой целью спустился в погребальную камеру, внимание всего мира вновь оказалось приковано к Долине царей. Нечего и говорить, что так же, как открытие входа в гробницу и проникновение в погребальную камеру, вскрытие ковчегов, внутреннего саркофага и гроба фараона являлось событием чрезвычайной важности. Замки на первом внешнем ковчеге были уже открыты, и Картер объявил, что это работа древних грабителей. Однако, как я уже предположил, скорее всего, это сделали люди археолога. Печати на втором ковчеге оставались неповрежденными со времени похорон фараона.

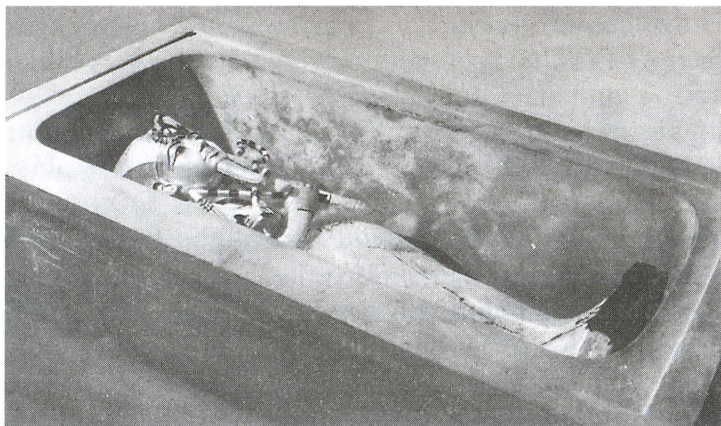
В обстановке все нарастающего напряжения Картер и его люди отодвинули засовы на дверях второго ковчеге, обрезали веревки, которыми он был обмотан для большей сохранности, и открыли его. В свете электрических фонарей ярко засверкала передняя стена третьего ковчеге, украшенная причудливой резьбой и покрытая золотыми пластинами. Возможно, впервые за три тысячеле-

тия люди могли видеть это чудо древних мастеров. Затем открыли и этот ковчег, и оказалось, что его стены покрыты письменами. Профессор Ньюберри выступил вперед, чтобы прочесть для избранной компании наиболее заметные иероглифы. Несколько минут он работал в полной тишине, а затем прошептал перевод: «Я видел Вчера... Я знаю Завтра...»²

Как предполагали все собравшиеся, четвертый деревянный ковчег оказался последним, в котором должны были находиться каменный саркофаг фараона и гроб с телом мумии. И теперь, наконец, настало время выяснить, остаются ли они все еще там, куда их некогда поместили жрецы. Вот как об этом пишет Картер:

*Решающий момент настал! Для археолога он не поддается описанию! Что там внутри, и что находится в ковчеге? С нарастающим волнением я отодвинул засовы и снял печати с последних дверей. Они медленно распахнулись, и мы увидели, что почти все его внутреннее пространство занимает огромный саркофаг из желтого кварцита. Крышка его была плотно закрыта и, судя по всему, находилась на том самом месте, куда ее когда-то с благоговением возложили.*³

Прямо на тех, кто осмелился вторгнуться в покой фараона, из саркофага указывала рука, вырезанная из дерева. Напряжение все нарастало. Жара от горящих ламп становилась невыносимой. Однако присутствующие теперь, наконец, могли убедиться, что неповрежденный саркофаг находится на своем месте.

*Гроб с мумией Тутанхамона в саркофаге.
Его копия находится в Каирском музее.*

«Когда мы с Картером открыли двери третьего и четвертого ковчегов и увидели внутри массивный саркофаг, – вспоминал позже Бристед, – я впервые ощутил все величие близкого присутствия умершего фараона».

Толпа народу снаружи гробницы все больше приходила в волнение по мере того, как люди ждали новостей от тех, кто находился внутри.

Когда Картера потом спрашивали, что он ожидал увидеть в гробнице, он отвечал: «Чего-то такое, что трудно вообразить. Я надеялся найти несколько золотых гробов, может быть, три гроба. И сказочные сокровища умершего фараона. В особенности хотелось найти двойную корону правителя Верхнего и Нижнего Египта, а также царские регалии и драгоценности. Особенно страстно я мечтал обнаружить какие-нибудь папирусы, которые пролили бы дополнительный свет на личность самого царя, ибо, несмотря на все найден-

ные уже предметы, сам он по-прежнему остается не более чем тенью»⁴. Впрочем, смею утверждать, что, на самом деле, Картер уже знал, что находилось в ковчегах, поскольку именно он открывал их за много лет до того, как они с Карнарвоном сообщили всему миру о найденной гробнице. Я также уверен, что Картер точно знал, кем был этот фараон и какое место он занимал в мировой мифологии, потому что компаньоны уже видели папирусы, висевшие на юбочках богов-стражей. Это те самые папирусы, которые потом куда-то исчезли.

Теперь, без поддержки партнера и сообщника, Картер нес единоличную ответственность за всю работу и необходимость скрывать правду. И эта нагрузка, судя по всему, оказалась для него чрезвычайно тяжелой. Он понимал, что его жизнь находится в постоянной опасности из-за знаний, которыми он теперь располагал, и в процессе работы мысли об этом не оставляли его ни на минуту. Несомненно, несмотря на всю обрушившуюся на него славу, Картер чувствовал жуткое одиночество во время этого очередного сезона в пустыне. Все, кто видел его в этот период, говорили о том, как странно выглядел он под палящими лучами египетского солнца, и отмечали, насколько осунувшимся выглядело его лицо.

Итак, рабочие разобрали первые два ковчега, но затем работы вновь застопорились, так как следовало решить, каким образом разобрать оставшиеся два, чтобы добраться до саркофага, который, как они уже увидели, находился внутри.

А весь мир снаружи гробницы с нетерпением ожидал и следил за происходящим.

Через несколько дней работы продолжились.

Постепенно исследователи подбирались к самой сердцевине святилища, где их ожидал саркофаг из желтого кварцита.⁵ Первоначально крышка саркофага была изготовлена либо из такого же желтого кварцита, как и сам саркофаг, либо целиком из чистого золота. Однако теперь она исчезла. Вместо нее саркофаг закрывала грубо изготовленная крышка, высеченная из гранитного блока.

Можно предположить с большой долей вероятности, что эту подмену совершили Картер и его люди, почти десять лет бесконтрольно распоряжавшиеся в гробнице. Жрецы, на которых ссылается Картер, этого сделать не могли, – слишком уж грубой выглядит эта подделка. Сложнее понять, зачем все-таки крышку саркофага украли. Возможно, грабители просто не смогли сопротивляться искушению и решили воспользоваться таким огромным количеством золота, оказавшимся в их распоряжении. Однако, очень может быть, что на этой крышке были нанесены письма, подтверждавшие ту пугающую тайну, которая содержалась в папирусах, найденных Картером и Карнарвоном. Вполне вероятно, что там говорилось о том, кем же на самом деле являлся хозяин гробницы, и тогда крышку саркофага как важную улику следовало уничтожить. Что и было сделано. В другом случае очень трудно понять, каким образом столь несоответствующая саркофагу крышка вообще могла оказаться в гробнице. Если верить тому, что нам сейчас рассказывают, пытаясь вынести эту гранитную подделку, грабители раскололи ее на две части, которые до сих пор лежат на полу гробницы как немое свидетельство их преступных деяний.

В своих записках Картер объясняет, что трещины на гранитной крышке саркофага были аккуратно зацементированы, а затем покрашены, чтобы скрыть следы повреждений. Он не сомневается в том, что крышку никто не трогал со времен погребения фараона. По его словам, жрецы, участвовавшие в церемонии, изначально собирались установить крышку, изготовленную из такого же желтого кварцита, что и саркофаг, однако затем произошло какое-то событие, заставившее их срочно искать замену. Возможно, предполагает Картер, дело заключалось просто в том, что требуемая крышка была не закончена к нужному времени, поэтому и пришлось срочно высекать из гранита грубую замену.

В этом случае, как и раньше, Картер заранее старается развеять возможные сомнения, если таковые у кого-нибудь появятся. Говоря о зацементированной трещине, он утверждает очевидное раньше, чем это успеет сделать кто-то еще. Однако если эти трещины появились все-таки благодаря деятельности самого Картера и его людей, то доказать это проще простого: анализ крохотного кусочка цемента, если бы его сделали, тут же показал бы, что его изготовили в XX веке.

Картер утверждает, что святилище, когда он его обнаружил, находилось ровно в том состоянии, в каком его оставили древнеегипетские каменщики. Как он рассказывает, на полу даже лежали мелкие осколки известняка, отколотые долотами древних мастеров. И вновь у меня возникают сомнения, могли ли жрецы и простые египтяне, участвовавшие в похоронах фараона, которого все они считали богом, столь небрежно отнестись к его пос-

ледному жилищу? Скорее, весь этот мусор могли оставить в гробнице люди эль-Рассула, когда пытались выполнить инструкции Картера.

В каком бы состоянии ни находилась крышка саркофага, после того как ее сняли, для всех, кто следил за ходом исследований, начался новый акт захватывающего спектакля. Собравшиеся в Долине царей задавали один и тот же вопрос – что же будет найдено внутри саркофага? Окажется ли он пустым, или там обнаружат только груды истлевших льняных тканей? А может, исследователи обнаружат в гробу нетронутое тело самого царя в окружении еще более очевидных свидетельств его сказочного богатства? Чтобы выяснить это, предстояло снять массивную гранитную крышку. Для этой цели Картер соорудил сложную систему рычагов, блоков и канатов, и позже, описывая момент, когда крышка начала подниматься, он говорил о том, что слезы наворачиваются у него на глаза, едва только стоит ему вспомнить свои чувства в ту минуту.

Крышку подняли, и взорам предстал колоссальный антропoidный гроб приблизительно 2,25 метра в длину. Деревянный гроб, изображавший Тутанхамона в образе Осириса, был покрыт золотой фольгой. Руки умершего царя, скрещенные на груди, сжимали символы царской власти: в правой находился бич, а в левой – изогнутый скипетр, изготовленные из золота. Посмертная маска фараона, выполненная из чистого золота, представляла его точный портрет с характерными чертами, глаза были сделаны из арагонита и обсидиана, брови и веки – из искусственного лазурита. На лбу

*фараона помещались священные кобра и коршун. По бокам погребального ковчега стояли фигуры богинь-хранительниц с распростертыми руками и крыльями.*⁶

Последнее открытие сполна вознаградило тех, кто ожидал итогов вскрытия гробницы под палящими лучами солнца, и тех, кто следил за этим событием по страницам газет. В Луксор прибывали все новые толпы туристов, которые переполняли все номера окрестных гостиниц. В самом выгодном положении оказывались те, кто мог позволить себе подкупить чиновников, чтобы заполучить вождеденные места для проживания, и для местных жителей начались поистине золотые денечки. Торговцы открыли бешеную торговлю подлинными и фальшивыми древностями, они скупали старинные предметы по всей стране и продавали их ненасытным полчищам туристов. Словом, находка произвела именно тот эффект, которого все и ждали. И Картер, несомненно, заранее знал, что все так и произойдет. Золотой лик фараона стал известен всему миру с той самой минуты, как он явился из небытия впервые за три тысячи лет.⁷

Итак, крышка саркофага повисла на канатах над полом в погребальном покое гробницы, а исследователи взяли паузу, с тем чтобы оценить ситуацию...

В гробнице, на первый взгляд, все обстояло для Картера неплохо, однако снаружи дела выглядели не так блестяще. За это время он принял целый ряд не совсем продуманных решений. Прежде все-

го, это касалось продления контракта с «Таймс», а также споров с Лако по поводу судьбы останков фараона. Давление на Картера нарастало. Началась бесконечная череда всевозможных дискуссий, соглашений, компромиссов и преодоления трудностей. Для человека, желавшего только того, чтобы ему дали возможность работать в гробнице, все эти задержки и помехи должны были казаться невыносимыми. Судя по всему, Кэртер совершенно измучился и физически, и морально, и психологически. Бесконечные затруднения и назойливые требования, исходившие от египетского министерства общественных работ и департамента древностей, чудовищная ответственность, которая легла на его плечи на этом важном этапе работ, привели к тому, что Кэртер сорвался в самый разгар процесса открывания саркофага.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стал, как водится, в общем-то пустяк: египетские власти отказались дать специальное разрешение женам археологов посетить гробницу, чтобы посмотреть на саркофаг Тутанхамона. Кэртер воспринял данный отказ как тяжкое оскорбление, нанесенное всем англичанкам в целом и женам его коллег в частности. Как уже упоминалось, его могло ужасать и раздражать высокомерное отношение соотечественников к местным рабочим, однако он целиком и полностью разделял их точку зрения на египетских бюрократов, которые, выражаясь сегодняшним языком, попросту забыли, кто они такие и где их место. Словом, 12 февраля 1924 года Кэртер послушался чьего-то дурного совета и остановил работы в гробнице. Массивная крышка саркофага так и осталась ви-

сеть на сложной системе блоков, канатов и растяжек над гробом, в котором вполне могла находиться мумия самого фараона. Разгневанный Картер направился в Луксор и в переполненном фойе отеля «Винтер» объявил о запрете, очевидно, полагая, что все разделят его возмущение подобным оскорбительным обхождением властей:

В связи с невыносимыми запретами и оскорбительным отношением со стороны чиновников египетского министерства общественных работ и его отдела древностей все мои сотрудники в знак протеста отказались продолжать дальнейшую работу по научному обследованию гробницы.⁸

Должно быть, Картер полагал, что теперь, когда он настолько приблизился к завершающему этапу и приз вот-вот готов достаться ему, власти постараются сделать все, что в их силах, чтобы умиротворить его и вернуть к работе. Если он в тот момент вообще рассуждал рационально, то, должно быть, решил, что дело стоит того, чтобы за него побороться. Однако в то же время Картер страстно желал лично открыть гроб и явить миру чудо, которое, как он знал, ожидало его. И все же, отказываясь продолжать работы, он рисковал лишиться желаемой награды и передать ее в руки кому-то, кого могло выбрать министерство общественных работ, чтобы завершить обследование гробницы. Наступил кульминационный момент его долгой карьеры археолога. Зачем, спрашивается, нужно было рисковать, ведь он мог лишиться всего, к чему так стремился все эти годы? В истории археологии этот случай стал первым

конфликтом, который вспыхнул из-за настойчивости египетских властей, а затем получил развитие из-за упрямства Картера. Он явно делал ставку на то, что британские и американские влиятельные лица заставят египетские власти пойти на попятную и склониться перед его домогательствами. Как оказалось, тут он допустил серьезную ошибку.

Будь жив Карнарвон, подобный конфликт вообще не произошел бы. Уж лорд-то обязательно нашел бы способ с помощью личных связей и своего шарма снять напряжение. Но он умер, а Картеру не хватало необходимых навыков, чтобы избежать конфликтных ситуаций. Упрямство его характера усугублялось раздражением человека, полагавшего, что гробница Тутанхамона – это его собственность.

Лако и египетские официальные лица крайне обрадовались такому развитию событий: теперь Картер сам шел к ним в руки. Если он блефовал, то они были просто счастливы разоблачить этот обман. В конце концов, египтянам до смерти надоело своеволие и надменность иностранцев, понаехавших в их страну. Опрометчивый поступок Картера привел к тому, что контракт, составлявший основу концессии, данной Карнарвону, был расторгнут и аннулирован Пьером Лако, который во всеуслышание объявил, что египтяне сами завершат исследование гробницы.

Картер, очевидно, рассчитывал на то, что его будут видеть в образе жертвы ситуации. Он надеялся предстать бескорыстным, самоотверженным ученым, желающим только одного – чтобы его оставили в покое и дали заниматься любимым делом.

Однако эти надежды не оправдались. Он ничего не сделал для того, чтобы завоевать благожелательность мировой прессы, поэтому в одночасье превратился в глазах всех газетчиков в главного виновника конфликта и главного злодея. Его начали изображать как опасного безумца, который ради собственных мелочных прихотей готов подвергнуть опасности сокровища юного фараона. Друзья и сторонники один за другим начали дистанцироваться от Картера. И тогда в отчаянии он решил прибегнуть к самому грубому средству решения проблемы – судебному разбирательству. Все пришли в ужас. Перси Ньюберри даже получил телеграмму с Даунинг-стрит, в которой говорилось следующее: «Уговорите Картера от имени высшей власти отказаться от судебного иска. Постарайтесь прийти к любовному соглашению с египетскими властями».⁹

Однако, как обычно, Картер никого не слушал и 25 февраля в компании с Мейсом направился к адвокату, чтобы обсудить с ним линию поведения в суде. 8 марта Уайт-холл сделал попытку связаться с Альминой Карнарвон, чтобы попытаться уговорить ее встретиться с Картером. Однако вдова лорда Карнарвона в тот момент находилась в дороге по пути в Южную Африку, так что эта попытка британских чиновников не увенчалась успехом.

Ситуация становилась тупиковой, а потом, когда, казалось, наметился какой-то выход, английский адвокат Картера Ф.М. Максвелл сделал опрометчивое заявление в адрес египетского правительства, которое в тот момент возглавлял крайне националистически настроенный премьер-министр Саад Заглул. Следует еще отметить, что

премьер был человеком, однажды побывавшим в британской тюрьме, а Максвелл как-то раньше даже предлагал его повесить как террориста. Так что трудно было представить более неудачное время для адвокатского обращения. Максвелл усугубил ситуацию еще и тем, что на открытом заседании в присутствии журналистов всех крупнейших мировых агентств безапелляционно заявил, что «египетское правительство ведет себя как шайка бандитов и насильно отстраняет Картера от работы».¹⁰

Надо иметь в виду, что в арабском мире слово «бандит» практически равнозначно слову «вор» и является одним из самых оскорбительных для человека. Поэтому возмущение было колоссальным. В обстановке нарастания антибританских настроений слова английского адвоката были восприняты обществом как оскорбление, нанесенное всем египтянам. Дело дошло до массовых уличных беспорядков, а положение самого Картера ухудшилось до крайней степени. Теперь уже и британское правительство жаждало его крови. Британских политиков буквально в бешенство привело то, что он своим ослиным упрямством разом разрушил все их хрупкие дипломатические конструкции. В ситуации, когда все было настолько плохо, что, казалось, дальше уже некуда, положение внезапно стало еще хуже.

Как рассказывает в своей книге Томас Ховинг, когда Картер покинул Египет, для проведения инвентаризации в гробнице Тутанхамона была сформирована специальная комиссия во главе с Пьером Лако.

30 марта 1924 года официальная проверка,

проведенная в помещении, где хранились находки Картера, обнаружила великолепную и незадокументированную статуэтку Тутанхамона. Голова скульптуры отсутствовала, ее нашли спрятанной в ящике из лондонского «Фортнум энд Мейсон», на котором стояла надпись «красное вино». Это было одно из самых замечательных произведений искусства среди множества, хранившихся на этом складе. Вырезанная из дерева почти в полный человеческий рост фигура фараона была затем покрыта слоем гипса и раскрашена с таким мастерством, что казалась живой.¹¹ Судя по милovidным чертам, тот, с кого была сделана эта скульптура, был совсем юн. Его голова как бы выростала из лепестков цветущего голубого лотоса, который, согласно египетским верованиям, первым появился из воды в момент творения. Судя по всему, это была замечательная резьба, изображавшая момент рождения сына бога, иллюстрировавшая древний священный текст: «Он, кто возник из лотоса над высокой вершиной, тот, кто сиянием глаз озаряет две земли».¹²

Лако и его подчиненные пришли в ужас от своего открытия. Что все это могло значить? Неужели Картер и его люди собирались украсть этот поразительный предмет? Почему статую не внесли в опись? Может, англичане планировали вывезти статую фараона за пределы страны в ящике из-под вина? Неужели этот шедевр мог быть продан в частную коллекцию и пропасть навсегда для всего остального человечества? Если все эти подозрения окажутся правдой, то последствия будут непредсказуемы! Что еще, в таком случае, украли люди Картера?

К этому времени Картер уже уехал из страны, однако поднялся ужасный шум. Казалось, разверзлась преисподняя. Власти были убеждены, что он намеренно спрятал статую. Герберт Уинлок, представитель Метрополитен-музея при экспедиции Картера, постарался вытащить того из затруднительного положения. Он отправил Картеру зашифрованную записку, в которой предложил сказать, что он, возможно, обнаружил эту находку во время неофициальных раскопок в Эль-Амарне еще в 1923 году, после чего хотел передать ее в коллекцию лорда Карнарвона. Однако сам Картер отверг подобное оправдание и заявил, что голова, действительно, была обнаружена в гробнице Тутанхамона среди мусора в тоннеле. Это крайне неубедительное объяснение, тем не менее, Служба древностей приняла с радостью, поскольку чиновники так же, как и руководство Метрополитен-музея, не желали, чтобы разразился полномасштабный скандал. Однако сам факт того, что Уинлок и Картер использовали для общения шифровки, много говорит о том, как западные музеи сотрудничали с археологами во вред местным властям.

С этого времени открытие гробницы Тутанхамона превратилось из романтической приключенческой истории в постоянно тлеющий источник международного инцидента, в который оказались вовлечены правительства Великобритании, Соединенных Штатов, Франции и Египта. (Французы со времен Наполеона находились в Египте и осуществляли общее управление европейскими учреждениями в этой стране. Данный факт был признан и Великобританией, после того как германские

колонии в Африке были по итогам Первой мировой войны поделены между англичанами и французами.)

К тому моменту Картер почувствовал, что смертельно устал от всего этого, а его раздражение достигло точки кипения. Он решил опубликовать 74-страничный памфлет под несколько неуклюжим названием «Гробница Тутанхамона, Эхнатона, Аменхотепа. Официальные отчеты и документы о событиях, случившихся в Египте зимой 1923-1924 гг. и приведших к окончательному разрыву с египетским правительством».¹³

Данное произведение стало для Картера оправданием той жалкой ситуации, в которой он оказался, а также должно было послужить прочной основой для его противостояния тем людям (главным образом, Пьеру Лако), чьим единственным желанием было, как заявил сам Картер, сделать и без того трудную задачу изучения гробницы еще более сложной. Этот документ стал доступен средствам массовой информации в начале июня, как раз тогда, когда немногочисленным сторонникам Картера в Каире удалось серьезно поправить ситуацию в его пользу. Несмотря на ограниченный тираж всего в несколько десятков копий, неожиданное появление официального отчета произвело настоящий фурор, и не только в стане врагов Картера. Так, Уинлок – один из наиболее преданных союзников Картера до этого момента – пришел в ужас от того, что оказался упомянут в Приложении, как раз там, где речь шла о голове, обнаруженной в таре из-под вина, и зашифрованных посланиях. Он немедленно порвал всякие отношения с Картером. Удивленный подобной реакцией

Уинлока бесчувственный Картер предложил тому просто выбросить Приложение из тех экземпляров, которые еще не были распроданы. Однако этот жест не растопил возникший ледок в их отношениях, так как вред уже был нанесен. Правда, другие сторонники археолога отнеслись к этой проблеме философски. Например, еще один восторженный поклонник Картера, Джеймс Бристед, объявил: «Это сочинение станет настоящим памятником истории исследований на Ближнем Востоке!»¹⁴ Впрочем, он в этом случае, скорее всего, преследовал собственные политические цели.

Несмотря на то, что ситуация начала меняться в лучшую сторону, реакция Уинлока не на шутку испугала Картера. В самом деле, без поддержки Метрополитен-музея он оказался бы в положении одинокого путника в пустыне. В итоге, благодаря вмешательству директора Метрополитен-музея Эдварда Робинсона, призывавшего успокоиться и послушать доводы рассудка, нашего беспокойного египтолога все же уговорили изъять свой скандальный памфлет из обращения. Он также согласился прекратить свою неприглядную судебную тяжбу с Лако и египетским правительством. Картер, наконец, осознал, что на этот раз он зашел слишком далеко, и в результате постепенно положение начало терять остроту, а проблемы решаться. Картер даже согласился отказаться от всех личных прав на древности, еще остававшиеся в гробнице. Он написал письмо Пьеру Лако,¹⁵ в котором, в частности, говорилось:

Я, нижеподписавшийся Говард Картер, настоящим заявляю, что окончательно отказываюсь

*от любых действий, прав либо претензий в отношении гробницы Тутанхамона и всех содержащихся в ней предметов. То же самое относится и к отмене разрешений, выданных правительством в отношении этих прав. Я объявляю, что отзываю все иски и уполномочиваю представителей правительства обратиться с заявлением об их прекращении.*¹⁶

Альмина продолжила судебную тяжбу, хотя состояние Карнарвона не давало повода требовать какой-либо компенсации, и впоследствии все же отсудила сумму в 36000 фунтов, которую лорд потратил на поиск сокровищ. Тот факт, что археолог-любитель уже получил миллионы за украденные шедевры, не был принят во внимание.¹⁷

В ноябре 1924 года в дело вновь вмешались политики. Главнокомандующий египетской армией британский подданный сэр Ли Стак погиб в результате покушения, и следствием его гибели стал приход к власти нового пробритански настроенного правительства. Заглул и националисты были изгнаны. Картер, положение которого теперь стало намного прочнее, чем в предыдущие месяцы, решил тем не менее соблюдать все, о чем он сказал в письме Лако. Похоже, он просто потерял желание бороться. Он даже отказался продлить договор с «Таймс» на третий срок и смиренно принял правительственного чиновника, которому предстояло осуществлять чисто номинальный контроль за ходом работ в гробнице Тутанхамона. Этим инспектором от Службы древностей стал Рушди-эфенди. Много месяцев Картер вел себя высокомерно и заносчиво, а теперь впервые оказался в подчинении

у египетских чиновников, которые, в свою очередь, так и не смогли найти никого, кто мог бы поднять тяжкую ношу, которую до той поры тащил на себе Картер. Так что и египтяне вздохнули с облегчением, когда он так безропотно сдался и принял их условия.¹⁸

25 января 1925 года Картер, наконец, возвратился в гробницу и смог сосредоточиться на том, что у него получалось лучше всего – на археологии. Начав с того этапа, на котором они остановились в прошлом году, он занялся чрезвычайно сложным и опасным делом – извлечением гроба с мумией из саркофага. Прежде всего, предстояло снять крышку с первого позолоченного гроба, обнаруженного годом ранее. И вот, 15 октября 1925 года Картер начал постановку последнего акта своего великого шоу. По его собственным словам, «это был момент столь же тревожный, сколь и волнующий», когда крышку гроба подняли за четыре серебряные ручки. И сразу возникал новый вопрос: сколько еще гробов может находиться внутри? Мир вновь замер в ожидании известий о работе Картера.

Еще один гроб оказался завернут в погребальные пелены и украшен гирляндами цветов. Бережно развернув ткань, Картер обнаружил то, что позже назвал «прекраснейшим образцом искусства древних гробовщиков из всех, когда-либо виденных».¹⁹ На этой крышке Тутанхамон вновь был изображен в виде Осириса, однако мастерство исполнения оказалось выше, чем в первом случае. Крышка длиной 2 метра 5 сантиметров плотно прилегала к внешнему гробу. Она была покрыта толстым слоем золотой фольги и щедро украшена драгоценными камнями.

Восьми мужчинам пришлось напрячь все свои силы, чтобы вытащить эти два гроба из саркофага, поскольку только так можно было продолжать с ними работать. Их огромный вес позволял предположить, что внутри гробов может оказаться что-то еще.

Когда сняли крышку со второго гроба, то из безмерно далеко прошлого людям явились очертания еще одной фигуры, укутанной в тончайшее льняное полотно. Третий гроб, подобно предшествующим, был выполнен в виде фигуры Осириса. Картер развернул хрупкую ткань, а затем извлек сложное ожерелье тончайшей работы и воротник в форме цветов, лежавший на шее Осириса. Третий гроб длиной 1,85 метра был сделан из листового золота толщиной от 2,5 до 3,5 миллиметра. Картер потом так охарактеризовал находку: «Это был слиток чистейшего золота, массу которого трудно представить»²⁰. Золото покрывали тончайшие инкрустации. Картер позже писал: «Как же велико должно было быть богатство, погребенное с этими древними фараонами! Какие сокровища должна была скрывать Долина царей!»²¹

Странным было то, что лица, вырезанные на крышках гробов, как оказалось, представляли собой портреты разных людей. Например, лицо, изображенное на втором гробе, вообще никак не могло принадлежать Тутанхамону. Возможно, это его брат Семенхкара, мумия которого так никогда и не была найдена. Картер объясняет данную аномалию тем, что египетские жрецы не ожидали, что Тутанхамон умрет так рано, поэтому, дескать, и не успели приготовить все к его погребению. Так, в частности, им пришлось воспользоваться другим

гробом. Впрочем, можно предположить и обратно противоположное. Подобную путаницу могли сознательно создать Картер и его приятели из семейства эль-Рассулов, преследуя какие-то свои цели, о которых мы теперь можем только гадать. Не пытались ли они подменить изображения для того, чтобы никто не мог с определенностью сказать, кому же все-таки принадлежала открытая ими гробница? Мне, например, кажется, что гробница, которую Картер и лорд Карнарвон явили миру, вообще не была гробницей Тутанхамона, это было захоронение его брата. Я уже говорил, что все или почти все гробницы в Долине царей связаны между собой системой подземных ходов. Я уверен в том, что Говард Картер и его компаньон специально выбрали эти четыре подземных помещения в качестве места, где развернется их сказочная мистерия, и в своих целях перепутали и перемешали все древние предметы.

Впрочем, кто бы ни был изображен на крышке среднего гроба, большинство людей теперь отождествляют его с Тутанхамоном. Грэхем Филлипс в своей книге «Божий промысел: Моисей, Тутанхамон и миф об Атлантиде» (*Act of God – Moses, Tutankhamen and the Myth of Atlantis*) указывает: «Мы встречаем его на фотографиях, рекламирующих все, что связано с Египтом: на постерах к издаваемым книгам, в проспектах, призывающих провести отдых в этой стране, в литературе, посвященной выставкам египетских древностей». По мнению Филлипса, причина этого заключается в том, что изображение человека из среднего гроба отличается удивительным реализмом и больше

говорит о фараоне, нежели просто посмертная маска. «В любом случае, это самое запоминающееся лицо, – объясняет он. – Оно более привлекательно и царственно, чем тот круглощекий юноша, что изображен на крышке верхнего гроба, или тот ребенок, которого мы видим на крышке нижнего с его посмертной маской... Скулы на этом изображении значительно более ярко выражены, подбородок более правильный и широкий, губы не такие полные, а нос не такой длинный».²²

Когда Картер и его люди, наконец, достали нижний гроб, выяснилось, что он был слегка подпилен, чтобы закрывалась крышка. Они даже обнаружили стружку внутри. Картер старается убедить нас в том, что это все следы работы тех, кто хоронил фараона, однако и в этом случае возникает сомнение, что те, кто провожал своего бога в последний путь, могли действовать таким образом. Значительно более вероятным кажется, что эта стружка появилась в результате деятельности пособников Картера из Курны, орудовавших в гробнице задолго до 1922 года.

И вот, наступил завершающий этап исследований. Теперь предстояло снять крышку с последнего гроба, чтобы увидеть, какие тайны в нем сокрыты. Когда массивный золотой гроб открыли, Картер оказался лицом к лицу с мумией царя. Ее золотые украшения сверкали на фоне темных льняных пелен, лицо закрывала золотая маска, точно передававшая черты лица умершего. Позже Картер написал: «Время, ограниченное рамками человеческой жизни, казалось, остановило привычный бег перед зрелищем, столь отчетливо до-

казывающим могущество священных религиозных обрядов исчезнувшей цивилизации». ²³

Вес маски составлял более десяти килограммов, и ослепительно красивое лицо, смотревшее с нее, имело спокойное и печальное выражение. Надпись на золотом с инкрустациями воротнике гласила:

*Преклоняюсь пред твоей красотой,
О, Осирис, царь Небхепрура*,
Твоя душа жива! Жилы твои крепки!
Несокрушимость твоя – в устах живущих.
О, Осирис, царь Тутанхамон,
Сердце твое вечно пребывает в твоём теле.* ²⁴

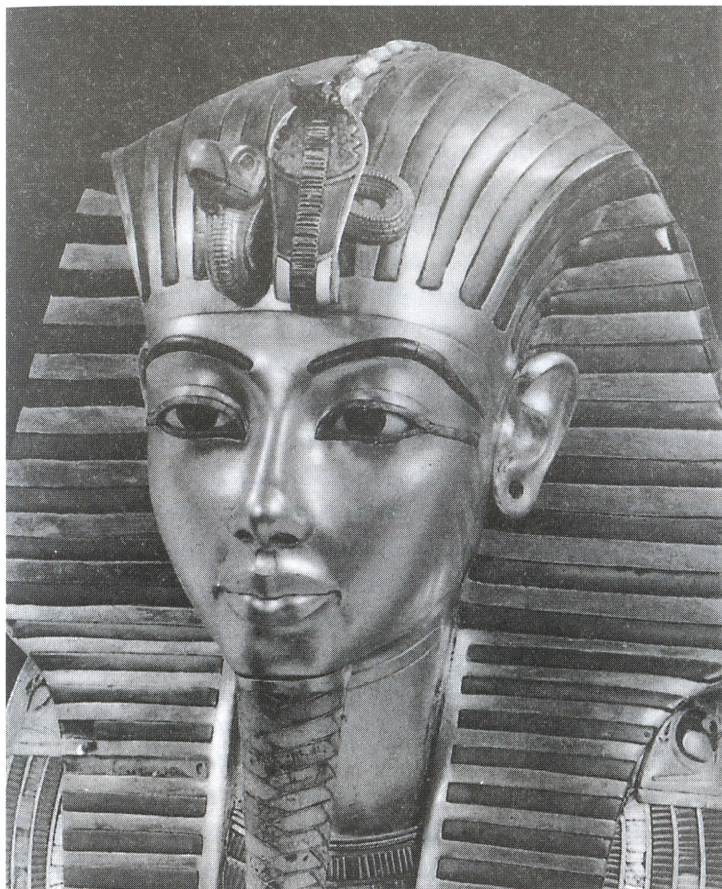
Картер так описывал погребальную маску:

Золотая маска представляет собой великолепный и уникальный образец древнего портрета... Она изготовлена из массивного золотого слитка. На лбу маски находятся изображения символов царской власти – сокол Нехебт и урей в виде кобры. Они символизировали два царства, которыми правил фараон. Обычная борода Осириса – непременный атрибут облика фараона – сделана из золота и стекла цвета лазурита, а вокруг шеи – тройное ожерелье из дискообразных бусин из желтого и червонного золота и синего фаянса. ²⁵

Затем специалисты, работавшие с Картером, вооружившись скальпелями, начали осторожно

* Небхепрура – тронное имя Тутанхамона, означающее «Господин форм Ра».

разматывать тринадцать слоев льняного полотна, которым была обмотана мумия. В каждом слое они находили все новые и новые золотые изделия. Все-го они обнаружили там 145 образцов ювелирных изделий, различных украшений, амулетов и оберегов, которые были положены вместе с мумией.

Посмертная маска Тутанхамона известна во всем мире. Однако мало кто знает, что на двух других масках, найденных в гробнице, изображены другие люди.

Наконец они добрались до обнаженного высохшего тела мертвого юноши. На нем не было ничего, кроме золотых футляров, надетых на пальцы рук и ног, а также на фаллос. Предплечья мумии обременяли браслеты от локтя до запястья, а на ноги были надеты золотые сандалии. Рост мумии Тутанхамона достигал примерно 1 метра 60 сантиметров, но, принимая во внимание соответствующее сжатие, можно было предположить, что действительный рост его при жизни был на несколько сантиметров больше.

Картер аккуратно приподнял его голову и мягкой кисточкой из собольего меха освободил ее от последних кусочков истлевшей ткани. И все увидели черты лица сына бога. Картер писал об этом моменте:

Наконец юный фараон лежал перед нами. Неизвестный и всеми забытый повелитель, от имени которого осталась лишь тень воспоминаний, явился в реальный мир, чтобы занять свое место в истории спустя три тысячи лет после своего отсутствия! Наконец-то наступила кульминация наших долгих поисков и исследований! Гробница раскрыла нам свои тайны: послание из далекого прошлого достигло современности, несмотря на бездну времени и разрушительную череду веков.²⁶

Да, действительно, величайшее шоу всех времен и народов достигло своей кульминационной точки. Славный финал заключал в себе потрясающую демонстрацию древних сокровищ и раскрытие тайн, хранившихся веками. Мир оказался по-

трясен ровно настолько, насколько Картер этого и добивался. В конце концов, он объявил, что археологи вновь укутают тело фараона пеленами и положат снова в золотой гроб, после чего древний владыка будет и дальше покоиться с миром.

В 1968 году Р.Дж. Харрисон, профессор анатомии из ливерпульского университета, вскрыл гроб Тутанхамона. Ученые предполагали провести рентгеновское обследование останков, чтобы раз и навсегда определить причину смерти фараона. Каково же было потрясение профессора, когда он обнаружил, что Картер вовсе не завернул тело в пелены, как обещал; юный царь лежал на том же самом песчаном ложе, на котором его сфотографировал в свое время Гарри Бертон. Когда Харрисон смел песок с мумии, оказалось, что череп отделен от первого позвонка, руки отделены от тела. То же самое произошло и с ногами Тутанхамона. Отсутствовали и передние ребра грудной клетки.²⁷

Харрисон также заметил, что исчез фаллос мертвого юноши. Теперь остается только гадать, чью частную коллекцию «украшает» этот чудовищный экспонат – реликт древней истории.²⁸

Сообщество египтологов предпочло проигнорировать это открытие, и во многих книгах, написанных в семидесятых годах прошлого века, когда знаменитая выставка сокровищ Тутанхамона отправилась в мировое турне, вы практически не найдете упоминаний о профессоре Харрисоне. Единственным исключением является работа французского профессора Мориса Бюкаля под названием «Мумии фараонов» (*Mummies of the Pharaohs*), в которой автор прямо заявляет, что

Картер «причинил невероятный вред внешним покровам [мумии] еще и потому, что во всех своих записях утверждал, что погребальные пелены и сама мумия, по его ошибочному представлению, оказались повреждены жирными кислотами, по некоторым предположениям, содержащимися в бальзамирующем составе, которым [в древности] их пропитали...»²⁹ Далее Бюкаль предполагает, что в действительности повреждения были причинены самим Картером, который вынес мумию на солнце, безуспешно пытаясь растопить бальзамирующие смолы, приклеившие тело юного фараона и его посмертную маску к днищу гроба.³⁰

По мнению Бюкаля, затем Картер начал снимать покровы с мумии Тутанхамона, но для того чтобы вынуть скрытые в них украшения и погребальные амулеты, ему пришлось сломать и отделить от тела тазобедренные суставы и нижние конечности. Отделить голову оказалось настолько сложно, что ее пришлось оставить в гробу, тогда как туловище все-таки вынули.³¹ Кстати, на фотографии Бертона видно, что верхняя часть правого уха трупа также исчезла без следа.³² Не оторвалась ли она, когда снимали погребальные пелены? Наверное, потом ее просто выбросили прочь, поскольку на более поздних фотографиях целого уха уже не видно нигде.

В те времена, когда состоялось открытие гробницы, на все эти недостатки просто не обратили внимания. Все хотели увидеть историю со счастливым концом, и внешне все так и случилось. С соблюдением надлежащих формальностей большую часть сокровищ достали из гробницы, аккуратно упаковали и с минимальными потерями пе-

ревели в Каирский музей. А Пьер Лако пришел к выводу, что те черты характера Говарда Картера (в первую очередь, педантизм и жуткое упрямство), из-за которых с ним совершенно нельзя было спокойно обсуждать какие-либо спорные вопросы, позволяли как нельзя лучше выполнить задачу, стоявшую перед ним. Вообще, если сказать правду, то разборка гробницы Тутанхамона оказалась таким делом, взяться за которое нашлось слишком мало желающих. Любого другого подобное напряжение, которое Картер испытывал на протяжении десятилетия, могло бы довести до смерти.

В то время когда дела в Египте складывались самым худшим образом, Говард Картер отправился в Америку читать лекции, хотя первые он прочитал еще в Лондоне в одном театре на Оксфорд-стрит. Его друзья опасались, что со своей природной неразговорчивостью и любовью к подробностям он окажется не очень подготовленным для того, чтобы выступать перед широкой аудиторией. Однако близкое окружение Картера недоценило его способности шоумена. Слушатели внимали ему, затаив дыхание. Несмотря на то, что Картер не очень любил выступать и ненавидел многолюдные собрания, его лекции имели огромный успех. Как оказалось, у него имелись недюжинные актерские способности, во всяком случае, аудитория ловила каждое его слово, когда он рассказывал о том, как они вместе с лордом Карнарвоном сделали свое открытие в 1922 году. Зал замирал, слушая о том волнующем моменте, когда он вместе с Карнарвоном, леди Эвелиной и Коллендером впервые увидел сказочные сокровища гробницы через отверстие в стене погребальной каме-

ры. Иногда рассказчик так увлекался, что голос его начинал дрожать, а на глаза наворачивались слезы. Судя по всему, этот человек так долго играл свою роль, что, похоже, и сам порой верил в ту историю, которую он поведал миру. Великие и сильные мира сего толпами стекались, чтобы послушать его. Так, в частности, в Америке он имел частную беседу с президентом Калвином Кулиджем, а в Детройте среди его слушателей был замечен сам Генри Форд.³³

Работы по консервации памятника в Долине царей окончательно завершились только в 1932 году, ровно через десять лет после того, как было официально объявлено об открытии гробницы Тутанхамона. Что оставалось теперь делать Картеру? С помощью своего друга писателя Перси Уайта он подготовил третье издание своего огромного труда «Гробница Тутанхамона» и начал работу над полным отчетом о своем открытии. Он сохранил в собственности дом на левом берегу Нила близ Фив, однако большую часть времени проводил, «сидя в холле отеля «Винтер» в Луксоре». Как говорили некоторые очевидцы, «он сидел мрачный и ни с кем не разговаривал».³⁴ Несколько позже Говард Картер объявил, что собирается заняться поисками гробницы Александра Македонского. Как известно, великий полководец основал Александрию, крупнейший морской порт на севере Египта, и назвал его в свою честь. Картер утверждал, что знает, где может находиться гробница Александра, однако заявил при этом: «Я никому ничего не скажу о гробнице Александра Великого, а уж Служба древностей о ней не узнает тем более. Эта тайна умрет вместе со мной». Так оно и вышло.³⁵

Следующие шесть лет, по всей видимости, его мучили приступы жесточайшей тоски, хотя он и совершил несколько поездок в свой любимый Египет.

Несмотря на свою всемирную славу и богатство, которое не снилось ему даже в самых смелых снах, в 1939 году Говард Картер умер практически в безвестности в своем доме в Кенсингтоне близ Альберт Холла. Как ему ни хотелось, но рыцарское достоинство он так и не получил, хотя и сделал величайшее археологическое открытие в истории. Впрочем, к этому времени его обман стал очевидным фактом для очень многих людей в археологических кругах и в среде истеблишмента. Например, король Георг V, умерший всего тремя годами ранее, совершенно точно знал о том, что Картер и лорд Карнарвон лгали, когда говорили, будто не входили в погребальную камеру до официального объявления об открытии. Ему об этом сказал, судя по всему, сам Карнарвон во время частной аудиенции, случившейся вскоре после этого события.

Похоже на то, что Картер последние годы жил в страхе, поскольку многие из тех, кто знал о гробнице то же, что и он, так или иначе умерли при довольно загадочных обстоятель-

*Г. Картер у себя дома
в последние годы жизни.*

ствах. Почти наверняка в самые мрачные минуты своей жизни он думал о том, что тот, кто убил его друзей и коллег, может однажды прийти и за ним, и это всего лишь вопрос времени. После смерти Картера его наследство было выставлено на аукцион Сотбис, и большая часть его небольшой, но очень ценной коллекции древностей благодаря королю Фаруху оказалась в Каирском музее. Остальное было продано лондонскими антикварами и осело в частных коллекциях. Метрополитен-музей приобрел дом, в котором Говард Картер жил, когда приезжал в Долину царей. Он называется Замок Картера и расположен неподалеку от городка Эльват-эль-Дибан.

Подытоживая, можно сказать, что Говард Картер сошел в могилу и унес с собой тайны, о существовании которых мы только теперь начинаем догадываться.

XI

Исчезнувшие папирусы

Картер быстро потерял контроль над собой. Слово вылетало за словом, пока, наконец, Картер отбросил всякую сдержанность и осторожность. Он восклицал, что, если ему не будет дано полное удовлетворение «и правосудие», то он опубликует по всему миру документы, содержащиеся в тех неизвестных папирусах, которые были найдены им в гробнице...¹

Томас Ховинг «Тутанхамон:
нерассказанная история»

Какие же тайны Картер и его друзья хранили всю жизнь и унесли с собой в могилу?

Вскоре после официального открытия гробницы в «Таймс» появилась заметка, содержащая небольшое утверждение, которому никто не придал большого веса. В заметке говорилось, что в гробнице были найдены «важные папирусы», а

также исторические документы, и они оказались неповрежденными. Однако все эти документы были немедленно конфискованы, и больше их уже никто не видел. Я уверен, что в них содержалась информация, которая и стала причиной целой цепи убийств. И эта информация до сих пор находится под запретом.

Папирус был чрезвычайно дорогим материалом, и египтяне использовали его только для самых важных документов. В большинстве гробниц имелось хотя бы несколько папирусов, содержащих официальные подробности о том или ином должностном лице. Также в них записывались некоторые факты из истории того времени, в котором довелось жить покойному или покойной. За годы изучения гробниц эти папирусы стали важным источником для всех, кто изучает ту эпоху.

Конечно, одно упоминание о папирусах из гробницы Тутанхамона могло появиться в результате простого недопонимания или ошибки, допущенной стенографисткой либо каким-нибудь телеграфистом из «Таймс». Однако следует иметь в виду, что это было далеко не единственный раз, когда на эти свитки ссылались те, кому по роду деятельности следовало знать об их существовании.

Когда гробница была впервые открыта, Картер и Карнарвон пригласили нескольких специалистов, чтобы те помогли им разобраться находки. Картер писал: «Приехав в Каир сразу после официального открытия, я имел возможность критически оценить положение после того, как улеглась первоначальная эйфория. Мне все более и более становилось ясно, что помощь – причем, в очень большом масштабе, – совершенно необходима, если мы

хотим, чтобы работы в гробнице шли надлежащим образом. Вопрос заключался в том, куда обратиться за такой помощью»². Одним из таких людей стал профессор Джеймс Бристед, основатель и директор института востоковедения при чикагском университете, а также специалист по дешифровке иероглифов и переводчик с древнеегипетского языка. Говард Картер пригласил его в Луксор специально для изучения этих «важных папирусов».³

Однако по прибытии в Долину царей Бристеду было сказано, что произошла ошибка. То, что в полумраке гробницы приняли за папирусы, на самом деле оказалось простыми тканями и льняными пеленами, принадлежавшими юному фараону. Именно тогда общественность в последний раз услышала о папирусах и вообще каких-либо документах из гробницы Тутанхамона. Согласитесь, маловероятно, чтобы кто-то, обладающий таким опытом, как Говард Картер, и его дотошностью, вызвал бы специалиста из Америки, не убедившись предварительно, имеются или нет надписи на интересующих его предметах. В те времена поездки и общение между материками были довольно затруднительны и занимали уйму времени. Никто не отправлялся в путешествие, предварительно не спланировав его самым тщательным образом. Да и вообще, сама мысль о том, чтобы Говард Картер по ошибке мог принять за папирусные свитки льняные ткани и одеяния, выглядит более чем нелепой.⁴

Опять же трудно представить, чтобы в таком богатом собрании находок, как то, что удалось обнаружить возле мумии Тутанхамона, не оказалось никаких письменных документов. В гробницах,

вскрытых в новейшее время, почти в каждой находили папирусные свитки, даже в тех, что были ограблены. Дело в том, что древние грабители не проявляли к папирусам никакого интереса, поскольку папирусы не имели практической ценности, а порой их просто никто уже не мог прочитать. Следовательно, будет логичным предположить, что и в гробнице Тутанхамона они должны были присутствовать. Тогда почему же этот факт замалчивается? Единственное объяснение, которое я могу найти, заключается в следующем. Очевидно, Картер, вполне сносно читавший древние египетские тексты, ожидая прибытия Бристеда, обнаружил в них нечто такое, что подвигло его к сокрытию найденных папирусов. Однако к тому времени, когда он принял это решение, предотвратить приезд профессора было уже невозможно. Мы же понимаем, что в первой половине XX века трудно было связаться с человеком, который находился в поездке.

Заметка в «Таймс», как мы уже говорили, стала не единственным упоминанием о существовании таинственных папирусов. Сразу после обнаружения факта открытия гробницы Тутанхамона Карнарвон написал своему другу Уоллису Баджу о том, что им удалось обнаружить тексты, которые «могут изменить наше представление о мире»⁵. Любопытно, что затем и Карнарвон погрузился в молчание по поводу этого события – так, словно воды в рот набрал.

Исчерпывающее признание о существовании документов, которые никогда так и не увидела общественность, прозвучало из уст самого Говарда Картера. К концу своего пребывания в Египте он

начал все больше раздражаться по поводу того, что его родное британское правительство прекратило оказывать ему поддержку в вопросе о вознаграждении, которое, как он полагал, ему следовало получить за его находку. Картер попытался организовать встречу с лордом Алленби, занимавшим пост британского верховного комиссара, однако потерпел неудачу. Потеряв терпение, археолог ворвался в британское посольство, чтобы лично сказать чиновникам все, что он о них думает. Самого Алленби на месте не оказалось, и, в конце концов, Картера направили в офис вице-консула. К этому моменту Картер уже кипел от злости и был готов затеять драку с первым, кто попадетсся ему на пути. Один из тех, кому довелось присутствовать при этом событии, позже заметил, что Картер пребывал «в сварливом и скандальном расположении духа».⁶

Как уже отмечалось, дипломатические отношения между Британией и египетским правительством в ту пору были чрезвычайно напряженными, главным образом, из-за растущих в стране националистических настроений. Среди арабов, и египтян в частности, росло недовольство по поводу планировавшегося переселения евреев в Палестину. Последнее, чего могли желать в осложнившейся обстановке британские официальные лица, – то, что неуклюжий как слон Картер начнет все крушить в их посудной лавке. Вице-консул, раздраженный его поведением, заявил, что после всего сказанного и сделанного они не будут помогать ему в удовлетворении личных обид. Начался спор на повышенных тонах, и настроение Картера еще более ухудшилось. В конце концов,

судя по всему, он просто потерял способность следить за своим языком и начал говорить все, что приходило на ум. В частности, он нанес оскорбление всем присутствовавшим при встрече, нелестно отозвавшись о компетентности сотрудников Службы древностей и самого вице-консула.

«Если я не добьюсь полного удовлетворения и правосудия, – по воспоминаниям очевидцев, кричал он, – то опубликую по всему миру документы из папирусов, найденных в гробнице. И тогда все узнают правду и скандальные подробности об исходе евреев из Египта!»⁷

Таким образом, Картер угрожал еще сильнее разжечь вражду между евреями и арабами как раз в тот момент, когда стабильность в регионе больше всего зависела от сохранения отношений. Поэтому неудивительно, что вице-консул также пришел в ярость. Он отбросил всякую дипломатию и запустил чернильницей в голову археолога. По всей видимости, тому удалось увернуться, а присутствовавшие на встрече поспешили разнять разгоряченных мужчин, однако было поздно. Под влиянием вспышки гнева правда все-таки прозвучала, и с тех пор скрыть ее уже не удавалось. Этот разговор Картера с вице-консулом никогда не составлял тайны и приводится во многих книгах, посвященных данной теме. (Томас Ховинг, например, нашел упоминание о нем в записках Ли Киидика, организовавшего американское турне Картера.) Однако никто так и не узнал, что скрывалось за словами Говарда Картера. В книге «Тутанхамон: нерассказанная история» Томас Ховинг приходит к заключению, что Картер попросту блефовал, пытаясь запугать чиновника, который вы-

вел его из себя своим упрямством.⁸ Однако, заметим, что тогда речь идет об очень своеобразном способе блефовать. Разве возможно придумать такую историю в разгар спора? И почему, в таком случае, подобный же драматический пассаж прозвучал в разговоре лорда Карнарвона с Уоллисом Баджем несколькими годами ранее? Как хотите, я просто не могу поверить, что они оба блефовали.

Я абсолютно уверен в том, что в гробнице были найдены какие-то свитки папирусов, и они имели отношение к истории об исходе евреев из Египта. Наверняка в набедренных повязках – «схенти» – двух божеств-стражей, стоявших в передней комнате на пороге погребальной камеры, помещались папирусы, в которых содержалась информация о подлинной личности юного фараона, его отца, матери и всей родословной. Собственно, для подобных целей «схенти» и создавались. В одной из своих книг («Гробница Тутанхамона») Картер упоминает, что к середине февраля 1923 года работы в передней камере завершились, все находки были перенесены, «за исключением двух статуй – стражей, оставленных в неприкосновенности по особой причине».⁹ Заметим, что к тому моменту остальные предметы уже перенесли из переднего помещения в лабораторию, а каждый сантиметр пола едва ли не вылизали, чтобы найти все, вплоть до последней бусинки и мельчайшего фрагмента мозаики. Однако «особая причина», по которой две статуи оставили на своих местах, так никогда и не была названа, и, похоже, никто не осмелился поинтересоваться, в чем тут дело. Наиболее вероятное, на наш взгляд, объяснение заключается в том, что треугольные передники, украшавшие статуи,

были обследованы кем-то прямо внутри гробницы, когда никого рядом не было: папирусы вынули, после чего их вновь загрузовали так, чтобы не осталось никаких следов. Между прочим, результат данной операции и сегодня может увидеть любой, кто повнимательнее присмотрится к этим двум статуям. А Картер, естественно, желал, чтобы посторонние как можно дольше не могли исследовать эти две находки, потому и оставил их под землей.

Я уверен, что тексты папирусов сказали Картеру о том, что гробница, на которую он наткнулся, являлась могилой Сына Божия. Более того, я уверен, что библейские сюжеты, включая историю о непорочном зачатии, основывались на рассказах о династии египетских фараонов, и можно только предполагать, какие еще тайны содержались в тех древних текстах.

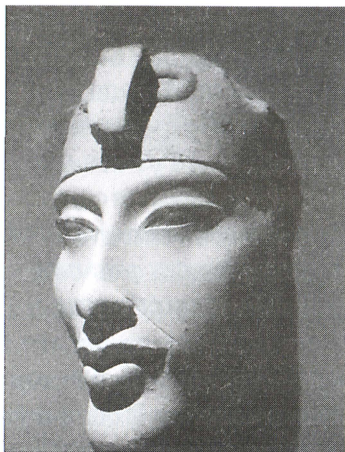
Внимательно изучая найденные папирусы, Картер не мог не понимать, насколько поразитель-

Мумия Иуйи – отца Тут

Мумия Туйи – матери Тут

*Справа: Тутанхамона в образе бога Амона. Слева:
Голова статуи Аменхотепа IV (Эхнатона).
Обе статуи находились в храме Амона в Карнаке.*

на содержащаяся в них информация. Несомненно, он поделился информацией с лордом Карнарвоном, а возможно, и с остальными участниками своей экспедиции, или, по крайней мере, с некоторыми из них. Отсюда лорд Карнарвон и узнал то, о чем потом рассказал Уоллису Баджу.

По-моему, не может быть сомнений: тексты папирусов подтверждали, что отцом Тутанхамона являлся фараон Эхнатон. Возможно, там же говорилось и о том, что матерью его была царица Нефертити. Причем, это имя является египетским эквивалентом Мириам¹⁰, а как известно из Ветхого Завета, сестру Моисея и Аарона звали именно так. В свитках могли содержаться подробности религиозного конфликта, разгоревшегося в то время. Эхнатон представляет собой довольно противоречивую и крайне загадочную историческую

личность. Прежде всего, потому, что он верил лишь в одного бога. Этот бог был невидим, и его зримым воплощением считалось Солнце, которое сам фараон-реформатор называл Атоном.

Прадед Тутанхамона был «начальником колесничих войск», и звали его Иуйя. Любопытно, что британский писатель египетского происхождения Ахмед Осман в своей книге «*Чужестранец в Долине царей*» (*Stranger in the Valley of Kings*) впервые отождествляет его с библейским Иосифом. По мнению автора исследования, хронологические рамки жизни Иосифа указывают на то, что он служил фараону Аменхотепу II, то есть именно тому, которому служил Иуйя. Кроме сходства имен, напомним, что, согласно библейскому рассказу, фараон сделал Иосифа «начальником колесниц», а Аменхотеп II сделал Иуйю «начальником колесничих войск», когда впервые в истории военного дела отделил этот род войск от остальной армии. Дочь Иуйи Тии стала женой Аменхотепа III и матерью Эхнатона. Таким образом, можно предположить, что другими предками Тутанхамона по линии его бабки Тии являются... библейский пророк Авраам и его жена Сара!¹¹

Совершенно точно известно о том, что жрецы ненавидели отца Тутанхамона Эхнатона. Они не могли простить ему того факта, что по линии матери он считался иудеем. Однако Эхнатон выстроил себе новую столицу Ахетатон подальше от жрецов Амона, жаждавших его крови, и некоторое время жил в ней счастливо со всей своей семьей. Приверженцы новой религии считали фараона Эхнатона земным богом, воплощением его силы, который повелевал вселенной, озаряемой солнеч-

ными лучами. Однако старое египетское жречество не могло принять новый культ. Жрецы желали возвращения старого пантеона богов. По некоторым сведениям, они заставили Эхнатона отречься от престола в пользу сына. И, действительно, если посмотреть на трон, найденный в гробнице Майи, кормилицы Тутанхамона, можно обнаружить очень любопытную картину. Юный фараон сидит на коленях у кормилицы, а за ним стоят шесть его виднейших царедворцев. Пять из них были полководцами, а четверо (Эйе, Хоремхеб, Рамсес I и Сети) последовательно правили Египтом после смерти Тутанхамона. Данное изображение, по-моему, ясно доказывает, что Тутанхамон был возведен на престол силой. В то же время нет достаточно ясных свидетельств того, что его отец Эхнатон погиб в результате военного переворота или что он был похоронен в Египте. Лично я склоняюсь к мысли, что Эхнатон – основоположник первой монотеистической религии – может быть отождествлен с Моисеем, как это утверждает Ахмед Осман в своей книге «Чужестранец в Долине царей». А если так, то он, скорее всего, вместе со всеми иудеями был изгнан из Египта. Кстати, Питри обнаружил в египетской гробнице на Синайском полуострове доказательство того, что там отправлялся культ Атона уже после того, как он был запрещен в Египте. Одной из находок, сделанных там, оказалась голова Тии, матери Эхнатона.¹²

Опекуном при новом фараоне Египта Тутанхамоне стал его дядя Эйе, правивший хорошо, несмотря на интриги полководца Хоремхеба, считавшего малолетнего царя помехой на своем пути к

трону и сразу начавшего подготовку к его свержению. Как показал Осман в своей книге «Дом мессии», когда Тутанхамон подрос, он вернулся к Атону, богу своего отца. На троне юного фараона имелось изображение, где его помазывают на царство под лучами солнца – символа Атона как единого истинного бога. Понимая, что идея единого бога слишком сложна для обычных людей, он восстановил пантеон старых богов как посредников между людьми и истинным богом (сделав их, в некотором роде, предшественниками ангелов). Однако таким образом он нанес оскорбление не только жрецам Амона, но и верховному жрецу новой религии.¹³

Свидетельства того, что произошло потом, можно встретить в Библии. В Евангелии от Иоанна содержится рассказ о том, как пророк Моисей объявляет народу Израиля, что за ним придет пророк по имени Иисус. В Книге Чисел говорится, что вслед за Моисеем придет Иешуа. Осман утверждает, что Иисус и Иешуа – одно лицо, и оба они носили еще одно имя – Тутанхамон. Существуют и другие параллели. Во времена Моисея его жрец Финхас казнил одного человека, который, как говорили, осквернил храм. Финхас повесил осквернителя на дереве. Высшего жреца Атона, которого, как уже упоминалось, жестоко оскорбил Тутанхамон, звали Па-нехиси, что является египетским эквивалентом имени Финхас. По мнению некоторых исследователей, Тутанхамона убили, а причиной его смерти, очень похоже, стало именно повешение. Осман, например, уверен, что Тутанхамон отправился на Синай, чтобы повидаться с отцом, и был убит в дороге верховным жрецом Атона.¹⁴

Как я полагаю, именно эту историю и узнал Картер, прочитав папирусы, найденные в гробнице. Мы можем только догадываться, какое впечатление произвела на исследователей подобная чудовищная по своей значимости информация. Они держали в руках тексты, которые могли перевернуть мировоззрение всего западного мира и подтверждали, что Моисей на самом деле был египетским фараоном, а рассказы Библии основываются на реальных событиях. Как мы знаем, Картера испугало то огромное внимание, которое ему стали уделять как одному из первооткрывателей гробницы Тутанхамона. Но он должен был понимать, что никакого сравнения не выдержит то, что произойдет, если выйдет наружу информация, содержащаяся на папирусах. На их головы обрушатся гнев и проклятия практически всех политических и религиозных лидеров мира.

Возможно, Картер с Карнарвоном тешили себя мыслью продать папирусы тому, кто больше за них заплатит, а может, решили просто утаить их и сделать вид, будто никаких текстов не было вовсе. Также вероятно, что они надеялись найти кого-то, кто купит свитки, но даст гарантии, что их содержание никогда не увидит свет. И очень похоже, что по этому вопросу Картер с Карнарвоном разошлись во мнениях.

Однако, каково бы ни было содержание текстов, по моему глубокому убеждению, исчезновение папирусов является самым большим преступлением, связанным с гробницей Тутанхамона. Я привел свои доказательства в пользу того, что большая часть сокровищ гробницы была тайно разграблена при явном и тайном попустительстве всех

лиц, заинтересованных в ее исследовании. Работы в гробнице Тутанхамона проводились с огромным размахом и одновременно с недостатками, достойными всяческого порицания, но они свойственны человеческой природе. Однако, утаив папирусы, небольшая группа джентльменов-расхитителей обрекла миллионы людей на гибель в бессмысленных религиозных конфликтах, которые тут и там разгорались в последующие десятилетия.

Сразу после того как Картер и Карнарвон сообщили о своем открытии, многие люди начали размышлять о том, что же на самом деле происходит в Долине царей, и некоторые очень близко подошли к тому, чтобы узнать правду. 20 марта 1923 года, через пару недель после смерти Карнарвона, в «Дейли экспресс» появилась статья Х.И. Мортонa под заголовком «Отравление лорда Карнарвона. Работа фараона?» В ней, в частности, говорилось: «Для нас, воспитанных на Библии, настоящий вопрос заключается в следующем: действительно ли фараон Эхнатон или Тутанхамон являлись духовными наставниками Моисея?»¹⁵ Данное предположение привело к тому, что несколько сельских приходских священников развернули на страницах газеты дискуссию, в которой среди прочего обсуждалось, подтверждают ли свидетельства, найденные в гробнице, библейскую историю, и правда ли, что Моисей умер задолго до рождения Тутанхамона. В частности, они хотели выяснить, какие даты можно назвать правильными – те, что приводятся в Библии, или египетские, поскольку между ними существует

расхождение в 150 лет. Кстати, Мортон в своей статье также спрашивал, почему это все смешивают Эхнатона с Тутанхамоном.

23 октября 1923 года Артур Вейгалл добавил хвороста в костер общественных волнений, заявив на одной из лекций американской публике во время своего турне: «Вполне вероятно, что открытие гробницы позволит доказать, что Тутанхамон был именно тем фараоном, который упоминается в рассказе об исходе евреев из Египта. Оно также поможет прояснить многие смутные места библейской истории. Находки из гробницы могут показать, что евреи переселялись из Египта в Палестину. Они встретили Моисея и сказали: «Давай-ка отправимся на плодородные и богатые территории на востоке». Я полагаю, что там может оказаться что-то примерно такое... очень интересное».¹⁶

Еще одним мыслителем, внесшим свой вклад в теорию о том, что Моисей и Эхнатон могут оказаться одним человеком, стал Зигмунд Фрейд. Хотя Фрейд никогда не посещал Египет, он тем не менее ощущал глубокое родство с древними народами. Главным его жизненным принципом было всегда искать правду и нести ее всем, что соответствовало пониманию древней идеи фараонов о «Маат» – абсолютной правде. Эта идея находит свое отражение на картинах в гробнице. Там в числе прочего изображен бог мертвых Анубис с головой шакала, держащий в руках весы правосудия, на которых помещены человеческое сердце и перо птицы. К сожалению, любой, кто ищет правду и желает распространять ее, обречен на то, чтобы стать преградой на пути у кого-то.

Проблемы у Фрейда начались в 1901 году, ког-

да он в возрасте сорока пяти лет отправился в Рим и впервые увидел «Моисея» работы Микеланджело. Позже он сказал: «Это был кульминационный момент моей жизни». Правда, произошло это спустя тринадцать лет, перед самым началом Первой мировой войны. Именно тогда он записал в своих бумагах по поводу «Моисея» Микеланджело, как много эта статуя значила для него и как она захватила его воображение. Теперь, едва у знаменитого психиатра появлялась возможность, он отправлялся в Рим, чтобы вновь увидеть скульптуру. Зигмунд Фрейд изучал это творение великого мастера и постоянно размышлял о нем. Несколько позже он написал: «В 1913 году я провел в уединении три недели сентября в Риме. Ежедневно я стоял в церкви перед статуей, изучал ее, измерял, зарисовывал до тех пор, пока на меня не снизошло понимание, настолько поразительное, что я едва осмелился выразить его в своих бумагах»¹⁷.

Я абсолютно уверен – именно тогда Зигмунд Фрейд начал, как он сам выразился, «без всяких на то оснований» думать, что Моисей был повелителем, либо вождем египетской знати. Эта мысль, в конце концов, привела к его убийству.

Последняя ссора между Картером и Карнарвоном оставляет ощущение какой-то таинственности. В начале 1925 года напряжение в Египте нарастало, и обстановка порой раскалялась до сотен градусов по Фаренгейту, а все вокруг затягивали клубы пыли. Лорд Карнарвон находился под все усиливавшимся давлением со стороны египетской прессы, однако с истинно патрицианской невозмутимостью как-то умудрялся игнори-

ровать все нападки средств массовой информации. Тем не менее некоторые выпады он не мог оставить без внимания и отдельные статьи все-таки читал. Египетские журналисты очень хотели выяснить, как лорд Карнарвон собирается поступить с «их мумией». В результате характер у него становился все более отвратительным, и он начал ссориться не только с критиками, но и со своими друзьями, включая Картера. Деталей теперь уже никто никогда не узнает, однако многие думают, что основным предметом разногласий могли стать отношения Карнарвона с прессой и египетской Службой древностей. Нет никаких сомнений в том, что порой скандалы даже выходили за рамки приличий, и однажды Картер даже выставил лорда Карнарвона из дома. Согласитесь, очень неординарный поступок для археолога, который, в сущности, всем, чего он добился, был обязан своему партнеру.¹⁸ Многие полагают, что компаньоны больше никогда не виделись и не общались друг с другом до тех пор, пока Карнарвон не послал Картеру письмо с извинениями следующего содержания:

Мой дорогой Картер!

Сегодня я чувствовал себя очень несчастным и не знал, что думать или предпринять, пока не увидел Эву, и она не рассказала мне все. Я не сомневаюсь, что натворил множество глупостей, о чем очень сожалею. Полагаю, на меня повлияли вся эта шумиха и беспокойства, однако единственное, что я хочу сказать и, надеюсь, Вы будете всегда помнить, – какие бы чувства Вы ни испытывали, или будете испытывать ко мне, мое

в высшей степени дружеское отношение к Вам никогда не изменится.

Я человек, у которого не так много друзей, поэтому, что бы ни случилось, это никогда не изменит моих чувств по отношению к Вам. В Долине всегда так много шума и суеты, так не хватает покоя и уединенности, что у меня возникло чувство, что уже никогда мне не доведется встретиться с Вами наедине. Признаюсь, мне этого очень хочется, как и хочется обстоятельно поговорить. По этой причине я просто не находил себе места, пока не написал Вам.

Искренне Ваш Карнарвон¹⁹

Что именно такого рассказала Картеру Эва (леди Эвелина), что заставило его иначе посмотреть на какие-то вопросы, мы никогда не узнаем, хотя некоторые полагают, что у дочери Карнарвона вспыхнула страсть к Картеру. Даже если это и правда, все же сомнительно, чтобы два настолько известных человека, у которых, право же, было чем заняться, стали ссориться по такому малозначительному поводу. Наверняка между ними произошло что-то более серьезное.

В 1997 году, когда практически все материалы для этой книги уже были готовы, я решил еще раз съездить в Долину царей. Мне хотелось, если представится такая возможность, попасть в погребальную камеру, которая до сих пор остается недоступной для посетителей. Дверь в нее закрыта на висячий замок, и туристы могут лицезреть только одинокий труп фараона, да и то издали — с об-

зорной площадки, сооруженной на том месте, где некогда Картер построил свою стену.

Приятель, поехавший в Египет несколько раньше меня, согласился связаться с д-ром Мухаммедом эль-Сагиром, генеральным директором Службы древностей в Верхнем Египте, и поинтересоваться, смогу ли я получить разрешение на проведение съемок в погребальной камере. Когда я пришел в офис господина эль-Сагира, тот разговаривал с неким джентльменом. Затем генеральный директор познакомил меня со своим другом, которого он называл Ахмед. Только позже я узнал, что «Ахмед» на самом деле – это д-р Мухаммед Наср, генеральный директор Службы древностей в Курне. Мне предложили выпить с ними чашечку кофе и рассказать, чего бы я хотел. Я им сообщил о своих подозрениях насчет того, кем в действительности являлся фараон Тутанхамон, и сказал, что, по моему убеждению, лорд Карнарвон и Говард Картер начали разворовывать его гробницу за несколько лет до того, как, по их же словам, они ее впервые обнаружили. Похоже, ничто из того, что я говорил, их не удивило, однако история о пропавших папирусах и связанных с ними убийствах заставила их задуматься.

– Хорошо, мистер О'Фаррелл, – сказал Ахмед. – Как вы полагаете, где сейчас могут находиться эти папирусы?

– Не имею ни малейшего представления, – ответил я. – Не знаю даже, сохранились ли они до сих пор. Я лишь подозреваю, что они могут быть закопаны либо где-то под домом Картера в Долине царей, либо захоронены вместе с ним на кладби-

ще в Патни. Только я убежден, что такой педантичный и дотошный человек, как Говард Картер, должен был изготовить с них несколько копий, так что они могут находиться в разных местах.

– Когда мистер О’Фаррелл может посетить гробницу? – спросил Ахмед у д-ра эль-Сагира.

– Он может поехать с вами сегодня, – ответил тот.

На самом деле в Долине царей можно побыть в относительном одиночестве в промежуток времени между 12.00 и 13.30, когда местное население обедает. Но поскольку сегодня было уже около одиннадцати часов, мы договорились, что встретимся с Ахмедом на следующий день в его офисе, который расположен на въезде в Долину.

Учитывая мое волнение, неудивительно, что на следующий день я ни свет ни заря прибыл на условленную встречу и уселся в кафе на входе в Долину. Ровно в половине двенадцатого ко мне подошел гид и проводил меня к Ахмеду, с которым находился его коллега. Под палящими лучами солнца мы совершили небольшой переход к гробнице, по пути разговаривая и обмениваясь шутками.

Вниз к гробнице вели ступени из белого камня, на вид недавно вырубленные, а в галерее лежала каменная крошка, оставшаяся, как я думаю, еще со времен Картера. Когда мы вошли в переднюю комнату, Ахмед перебрался через заграждение и остановился возле входа в погребальную камеру. Я спросил, нельзя ли и мне последовать за ним, и охранник отпер замок на маленькой двери гробницы. Ахмед жестом указал на две красные розы, лежавшие у гроба фараона. «Их принесла

сегодня утром одна прелестная юная француженка», — пояснил он.

Мне показалось это очень трогательным, и я сфотографировал цветы, а уже через мгновение вошел в двери. Ахмед тут же сказал мне, что я стою на крышке саркофага. Она лежит на полу и защищена толстым пластиковым экраном от подобных мне осквернителей. Я отчетливо рассмотрел пересекающую крышку трещину. И мне показалось очевидным, что эта крышка никогда не могла быть предназначена для такой красивой гробницы. Затем я сделал несколько снимков стен и самого саркофага, объясняя при этом моему новому другу, где, на мой взгляд, должны находиться настоящие вход в гробницу и выход. Ахмед также попросил показать, где, по моим предположениям, может находиться длинный коридор, что ведет из гробницы Рамсеса VI, что я и сделал.

К сожалению, слишком скоро нам пришлось возвращаться под палящие лучи египетского солнца.

— А вы знаете, где находился тайник, который нашел Теодор Дэвис? — спросил меня Ахмед.

Мы прошли немного вперед, и он сказал, что, по его мнению, этот тайник может быть связан с гробницей Тутанхамона. Я сказал, что и сам так думаю. Впрочем, меня не оставляло чувство, что он знает значительно больше, чем говорит, а слушая меня, мысленно сравнивает информацию с тем, что уже знает. Яма, раскопанная Дэвисом, в настоящий момент совершенно открыта. Судя по всему, после того как отсюда забрали все самое ценное, этому месту больше никто не придает никакого значения. Однако я убежден, что если бы

кто-нибудь начал здесь копать, то очень скоро выяснилось бы, что этот тайник является частью подземного комплекса, который ведет к гробнице Тутанхамона. Кстати, профессор Николас Ривз в 2000 году именно так и поступил, но результаты раскопок до сих пор не опубликованы.

Стоя на жаре в тихой и безлюдной на тот час долине, трудно было представить, какие драмы разыгрывались здесь, какие страсти бушевали за истекшие тысячелетия. Но те события, которые случились тут относительно недавно, всего каких-то сто лет назад, по моему глубокому убеждению, стали причиной, повлекшей за собой в первой половине двадцатого столетия длинную цепь убийств. Именно эти преступления и стали известны как «проклятие фараона».

XII

Черета необходимых убийств

*Осирис, великий страх и благоговение внушаешь ты
в сердца людей, духов и умерших.*

... И много образов его в Чистом Чертоге.¹

«Книга Мертвых»

Я не знаю, то ли в британских правящих кругах родилась мысль о том, чтобы забросить в общество идею о «проклятии фараона», то ли причиной распространения слухов о нем стало простое стечение обстоятельств. Однако я точно знаю, что рассказы о древнем проклятии оказались очень полезны, чтобы скрыть цепь убийств, совершавшихся на протяжении многих лет и позволивших сделать так, чтобы тайна исчезнувших папирусов никогда не была раскрыта.

Из тех, чью смерть связывают с «проклятием фараона», лорд Карнарвон оказался первым. Хотя очень может быть, что вовсе не он возглавляет этот

страшный список тех, кого убили по приказу властей, желавших прекратить слухи о существовании папирусов. Лично я подозреваю, что Карнарвона отравили; как сообщалось, сразу после смерти его мумифицировали, а внутренности отправили в каирский госпиталь². И это произошло, между прочим, невзирая на то, что в своем завещании он специально настаивал: «Факт моей смерти должен быть удостоверен в присутствии двух врачей».⁶

Как мы понимаем, если кто-то отравлен, то отравитель постарается как можно скорее избавиться от желудка жертвы, где будут содержаться свидетельства отравления.

Жена лорда Карнарвона Альмина вылетела из Англии в Каир, чтобы быть рядом с мужем, сразу, как только узнала, что он серьезно болен. Однако она, несмотря на всю поспешность, которой можно было ожидать от женщины в таких обстоятельствах, не смогла приехать быстро. После пересечения Ла-Манша она внезапно почувствовала себя очень плохо прямо на поле аэродрома в Ле Бурже. Остаток пути до Каира она проделала на пароходе из Марселя, что, в общем, тоже довольно странно для женщины, спешащей к умирающему мужу. Возможно, ей просто посоветовали не очень торопиться и подождать, пока неизбежная смерть не наложит свою костлявую руку на лорда Карнарвона. Во всяком случае, имеется множество свидетельств тому, что к тому времени их брак уже был далеко не благополучным. Это доказывает и тот факт, что спустя всего несколько месяцев после кончины лорда Карнарвона его сорокасемилетняя вдова сочеталась новым браком со своим возлюбленным подполковником Иеном Орислоу

Деннистоном, который служил в гвардии и был моложе не на четыре года.⁴

После смерти Карнарвона его право на проведение раскопок автоматически перешло по наследству к Альмине. Кроме того, она унаследовала всю его коллекцию в замке Хайклер, насчитывавшую к тому времени 1218 предметов, большая часть которых была передана лорду Говардом Картером. Как утверждает Николас Ривз, в своем завещании Карнарвон указал, что «в случае, если Альмина примет решение распродать коллекцию... нация [Британский музей] должна получить право первого выбора за цену 20000 фунтов стерлингов, то есть значительно меньше реальной стоимости». Если же Британский музей откажется от этого предложения, то в завещании оговаривалось следующее: «Я бы хотел, чтобы коллекция была предложена нью-йоркскому Метрополитен-музею. При этом мистер Картер проведет все необходимые переговоры и установит цену».⁵

Альмина, действительно, решила продать коллекцию, однако вдова была далека от мысли уступить ее Британскому музею за такую мизерную цену. Но следовало выполнять последнюю волю бывшего мужа. И тогда они с Картером разработали план, который стал еще одним свидетельством своеобразной изобретательности знаменитого археолога. Руководству Британского музея был отправлен запрос, не согласятся ли они приобрести коллекцию лорда Карнарвона за 20000 фунтов стерлингов. И если да, то плату предлагалось внести в тот же день до четырех часов пополудни. Неудивительно, что руководство музея не смогло обратиться к указанному сроку необходимую сумму, а

Альмина с чистой совестью продала собрание покойного мужа Метрополитен-музею за \$145 000 (около 30 000 фунтов стерлингов). Как мы видим, вдова выручила в полтора раза больше той суммы, которую должен был ей выплатить Британский музей.

Следует заметить, что Карнарвон, который оказался несколько невоздержан на язык и поведал о пропавших папирусах двум-трем людям, в частности Уоллису Баджу, был одним из тех, кого представители истеблишмента хотели бы заставить замолчать одним из первых. Но кроме него имелись и другие лица (те, с кем Картер и Карнарвон могли разговаривать о своих находках), которые вполне могли раскрыть тайну. Очевидно, именно тогда и начали разрабатываться планы устранения нежелательных свидетелей. Сложность заключалась в том, что убийства должны были происходить без видимых причин, чтобы у полиции не возникло желания их расследовать.

Некоторые смерти, приписываемые пресловутому «проклятию фараона» (вроде смерти мальчика под колесами катафалка, на котором везли тело лорда Вестберна), можно отнести к простому стечению обстоятельств. Однако смерти людей, которые могли что-то знать о содержимом гробницы, выстраиваются в довольно жуткую систему. Одним из таких примечательных событий стала смерть барона Ричарда Бетеля, секретаря Карнарвона и его близкого друга. Очень похоже, что Бетель знал о папирусах. Карнарвон чувствовал себя комфортно со своим приятелем-аристократом, и они провели вместе в путешествиях много времени. Несомненно, что в своих беседах они разгова-

ривали буквально обо всем и, конечно, касались сенсационных текстов папирусов. Бетель умер во сне в Лондоне при загадочных обстоятельствах. Причиной смерти предположительно стала внезапная остановка сердца, однако очень похоже, что ее могла вызвать подушка, прижатая к его рту и вызвавшая удушье.

Через три месяца отец Бетеля лорд Вестберн тоже погиб, выбросившись из окна своей квартиры на седьмом этаже. В данном случае в качестве причины смерти назвали самоубийство. Лорд Вестберн на момент смерти был уже достаточно пожилым человеком и способ, избранный им для того, чтобы покончить с жизнью, вызывает серьезные подозрения. Однако, несомненно, что если Ричард Бетель хотел поделиться с кем-либо своим знанием об исчезнувших папирусах, то отец стал бы первым, кому он рассказал о них. 22 февраля 1930 года в «Таймс» появилась большая статья с отчетом о расследовании, причем коронер оказался достаточно разумным человеком и не стал задавать слишком много трудных вопросов.

Главным свидетелем оказалась ночная сиделка лорда Вестберна, работавшая у него чуть больше двух месяцев. Женщина рассказала следователям, что в 8:30 вечера накануне смерти лорда она приготовила снотворное, смешав полторы драхмы бромида с двадцатью четырьмя гранулами героина, и дала его своему хозяину. Он спал до полуночи, а затем проснулся, выпил немного ячменного отвара и заметил ей, что шоколад ему подавать пока слишком рано. Он вернулся в постель и спал до половины третьего утра, когда вновь вышел из спальни и выпил свою ежедневную утреннюю чаш-

ку шоколада. Затем в три часа утра женщина дала хозяину еще одну дозу снотворного, прежде чем тот опять отправился спать.

Когда лорд Вестберн в 7 часов проснулся, то показался ей вполне здоровым, однако несколько сонным. Он спросил ее, который час, и выпил еще один стакан ячменного отвара. Затем, по показаниям сиделки, она поправила ему подушку, и лорд повернулся на бок, сказав, что вставать еще рано, после чего отослал ее из комнаты и приказал не будить его до восьми часов.

Сиделка подложила в камин угля и около 7:10 отправилась на кухню, чтобы поставить кофе и взять молока для завтрака. Занимаясь этими делами, она внезапно услышала звон разбитого стекла и бросилась в комнату хозяина, где увидела, что его кровать пуста, а окно, до того закрытое, теперь широко распахнуто. Умывальник, стоявший у окна, оказался отодвинут, а шторы распахнуты. Сиделка тут же бросилась вниз, но ей, по ее словам, «не дали пойти дальше».

Довольно странно, что никто так и не спросил, кто были люди, которые «не дали ей пойти дальше», и почему, собственно, ее не пустили к человеку, за которым она должна была ухаживать, как раз тогда, когда он был, по всей видимости, серьезно ранен.

– Вы знали, что он собирается совершить самоубийство? – спросил ее коронер.

– Нет, – ответила женщина. – Он часто думал о том, что серьезно болен и может умереть. Однако ни о чем таком не говорил.

Затем обнаружили два письма, которые, как предполагалось, лежали на умывальнике,

хотя сиделка прежде их никогда не видела. Оба были написаны на почтовой бумаге с черным обрезаем, и одно было адресовано «дорогому Джорджу», а другое, в конверте с адресом его жены леди Вестберн, предназначалось миссис Уайт Форвуд. Коронер огласил содержание одного из писем: «Я больше не могу вынести весь этот ужас и не вижу, какая еще здесь от меня может быть польза. Поэтому я собираюсь уйти. Прощайте, и если Вы были правы, то все будет хорошо. Любящий Вас...» Конец письма разобрать было трудно, но удалось прочитать, что лорд Вестберн написал что-то о какой-то монахине сестре Катерине и благодарил свою домохозяйку за ее удивительную доброту. Письмо заканчивалось словами: «Я ухожу».

Камердинер из королевского дворца, живший по соседству с погибшим, сообщил, что приблизительно в 7:25, как раз когда он собирался ко двору, он заметил, что перед входом для прислуги на землю упал шлепанец. Он посмотрел вокруг, а затем примерно в тридцати метрах увидел, что сверху падает тело лорда Вестберна. Его тело перекувырнулось в полете, прежде чем ударилось о стеклянную веранду, из которой только-только вышла женщина. Камердинер также добавил, что лорд Вестберн получил очень серьезные ранения, совершенно точно находился без сознания, раза два застонал, слегка дернулся и умер менее чем через минуту.

Коронер завершил расследование, заявив следующее: «Вне всяких сомнений, бедный лорд Вестберн тяжело страдал и мучился от бессонницы. Он находился в преклонном возрасте и, конечно,

очень переживал из-за того, что совсем недавно потерял сына». Вердикт следствия гласил: «Самоубийство на почве психического заболевания».⁷

Окно, из которого выпал лорд Вестберн, находилось на седьмом этаже на высоте приблизительно 22 метров. Для того чтобы выбраться из него, престарелому лорду требовалось забраться на подоконник шириной 60 сантиметров. Затем ему предстояло преодолеть еще один подоконник шириной 25 сантиметров, за которым следовали водосточный желоб в 75 сантиметров и парапет толщиной 35 сантиметров. Итого 1 метр 95 сантиметров. И нас просят поверить, что через пятнадцать минут после того, как сиделка вышла из комнаты, получив указание вернуться через час, сонный лорд Вестберн, который, кстати, только-только выпил стаканчик ячменного отвара и сказал, что проспит еще минут сорок пять, так вот, этот полусонный старик внезапно решил встать с кровати, передвинул умывальник и бросился в окно, при этом каким-то образом перелетев через преграду шириной почти два метра!

А откуда, кстати, взялись эти письма? Может, он написал их накануне ночью, а достал сразу, как только проснулся и выпил свой отвар? Или он скоренько их набросал за те четверть часа? И на каком, интересно, этапе он решил для своей предсмертной записки воспользоваться именно почтовой бумагой? А почему старый лорд позаботился о письме, но не позаботился о том, чтобы оно читалось полностью? Что ни говорите, но более правдоподобным представляется, что кто-то забрался через окно по широкому выступу снаружи, отодвинул умывальник и выбро-

сил старика из окна (вспомним, что камердинер видел, как его тело переворачивалось в воздухе). А перед тем как исчезнуть, неизвестный оставил на столике письма.

В своих показаниях сиделка утверждает, что лорд Вестберн не испытывал проблем со сном до тех пор, пока что-то не встревожило его, однако коронер в своих заключительных словах противоречит этому ее высказыванию. Он также делает безапелляционное утверждение, что второе письмо «совершенно очевидно, было прощальной запиской»⁸. Но почему-то никто не удосужился задаться вопросом, а зачем, собственно, человек, собирающийся прыгать из окна, сначала станет двигать умывальник? Для того, кто собирается свести счеты с жизнью, не так уж и сложно просто обойти это препятствие. А вот тому, или тем, кто пытается выбросить кого-то из окна, мебель может серьезно помешать, особенно если жертва, какой бы слабой она ни была, попытается сопротивляться.

Осталось также неизвестным, кем была та женщина, на которую чуть не упал лорд Вестберн, и что она делала возле дома в столь ранний час. Похоже, и в этом случае никто не задал такого вопроса.

Еще один приятель Карнарвона американский железнодорожный магнат Джордж Джей Гулд умер вскоре после того, как посетил своего друга в Египте и побывал в гробнице Тутанхамона.⁹ Причиной смерти стала, как утверждают, пневмония (по официальному заключению врачей, сам Карнарвон умер от того же заболевания). Однако всем известно, что Гулд отличался отменным здоровьем

ем и превосходно играл в теннис. Не могло ли случиться так, что Гулд поделился с кем-то содержанием своих разговоров с Карнарвоном? Или его смерть просто еще одно совпадение?

Затем неожиданно умирает еще один человек. Им оказался Артур Вейгалл, журналист из «Дейли мейл». Он очень внимательно следил за всем, что происходило после официального объявления об открытии гробницы Тутанхамона, и за исследованиями находок, и это именно он после открытия погребальной камеры предсказал, что Карнарвон умрет в течение пары месяцев. Как мы видели, до того, как начать писать для «Дейли мейл», Вейгалл подобно Картеру работал на египетское правительство и Службу древностей. Из всех людей, следивших за работами в гробнице Тутанхамона, Вейгалл был самым осведомленным и только поэтому мог оказаться опасным для тех, кто желал скрыть правду.

Вейгалл к тому времени уже опубликовал свои предположения о том, что исход евреев из Египта был каким-то образом связан с реформами Эхнатона. Он был убежден, что их изгнали из Египта в конце правления Тутанхамона по личному указанию полководца Хоремхеба, который позже сам провозгласил себя фараоном.¹⁰ По мнению Вейгалла, народ Израиля не только оказался замешан в еретических реформах Эхнатона, но и, по всей видимости, мог вдохновить на них фараона.¹¹ Когда же Тутанхамон восстановил культ прежних богов, позиции фиванского жречества упрочились, особенно при его преемниках Эйе и Хоремхебе, а евреев начали сильно притеснять и, в конце концов, «изгнали из Египта». Вейгалл писал: «Нет необ-

ходимости указывать, какой широкий простор для размышлений открывается, если предположить, что Моисей жил во времена появления ереси Атона. Первый вопрос, который сразу же встает перед читателями в этом случае – какая связь имела между иудейским единобожием и этим наиболее ранним монотеизмом египтян?»¹²

Вейгалл был твердо убежден в том, что правду нужно говорить во все времена. Из его работ очевидно, что он почти вычислил, кем на самом деле являлся Тутанхамон. Если бы он со временем опубликовал все, что знал и о чем только догадывался, то, несомненно, он мог бы стать очень опасным для тех, кто стремился утаить правду. Поэтому его следовало убрать.

Жорж Бенедит, возглавлявший французскую археологическую миссию в Каире, заявил, что гробница не может принадлежать Тутанхамону. Через некоторое время он разбился насмерть, упав с лестничного пролета.¹³

Артур Мейс, который с самого начала находился вместе с Картером и был хорошо осведомлен обо всем, что пытались утаить от общественности компаньоны, также оказался принесен в жертву. Его смерть имеет явные признаки отравления. В течение семи лет со смерти Карнарвона и до гибели Вестберна из жизни ушли восемь человек, и все они могли знать, что в действительности скрывалось в гробнице. Однако тот, кто знал больше всех, был по-прежнему жив.

Причина, по которой Картер прожил так долго, может быть связана с особенностями его личности. Он не был «публичным» человеком. Не похоже, чтобы ему нравилось обсуждать какие-то

сплетни, либо сплетничать самому, как любили это делать лорд Карнарвон и Бетель. Вокруг Картера просто не сложился достаточно широкий и влиятельный круг людей, поэтому сам он не представлял немедленной опасности. К тому же в силу особенностей его характера ему не поверил бы ни один по-настоящему влиятельный человек. Вполне возможно, что те, кто все это организовывал, посчитали, что нужды в его немедленном устранении нет. Говард Картер не имел ни малейшего намерения рассказывать всему миру, что они обнаружили в Долине царей. Он вовсе не собирался рубить сук, на котором сидел. В каком-то смысле он напоминает вора, забравшегося в чужой дом и обнаружившего там тело мертвого хозяина. Картер просто желал, чтобы все оставалось шито-крыто. И как можно дольше.

Однако мне кажется, что смерти, вызванные тайной исчезнувших папирусов, продолжались в течение более длительного периода. И к ним следует отнести не только те смерти, которые непосредственно связывают с «проклятием фараона». Я абсолютно убежден, что эти смерти начались за несколько лет до того, как умер Говард Картер, и продолжались в течение десятилетий. И среди жертв оказался даже Зигмунд Фрейд.

XIII

Неужели Дэвис, Эйртон и Джонс тоже слишком много знали?

Когда мы спустились во тьму, то увидели в отдалении огромное неподвижное облако пыли, и в наступившей тишине до нас донеслись ритмичные звуки печальной песни, которую пели рабочие из числа местных жителей. Вскоре мы подошли к нему [Дэвису], стоящему в компании двух-трех джентльменов. Все они с очевидным волнением смотрели на то, как их люди раскапывают входную галерею в гробницу, обнаруженную всего несколько часов назад. Он безостановочно курил сигарету за сигаретой и постоянно покидал своих спутников, принимаясь взволнованно ходить вперед-назад...¹

Чарльз Бристед

Смерть Карнарвона оказалась не первой среди тех, что были связаны с гробницей и случились при очень странных обстоятельствах. Загадочные

вещи начали происходить еще с 1907 года, когда Теодор Дэвис принял участие в поисках Тутанхамона.

Дэвис начал раскопки благодаря Картеру, который тогда еще не познакомился с Карнарвоном и поэтому нуждался в ком-то, кто согласился бы финансировать его планы. Дэвис очень скоро увлекся процессом поисков, и они работали вместе с 1902 года по 1904-й. В этом году Картер отправился на север страны, так как получил новое назначение и стал главным инспектором. В следующем году преемник Картера Джеймс Эдвард Куибелл раскопал для Дэвиса чрезвычайно богатую гробницу, принадлежавшую Иуйе и Туйе (библейским Иосифу и его жене, родителям царицы Ти). За все время раскопок это была самая ценная находка, и она должна была вызвать у Картера величайшую досаду. К тому же Дэвис, находившийся в то время в преклонном возрасте, начал вести себя в Долине царей так, словно это была его личная собственность. Вскоре Куибелл также направился на север, получив должность инспектора при Службе древностей, и его заменил Артур Вейгалл. Причиной для перемещения Куибелла на новую должность называлось то, что с Дэвисом стало довольно тяжело работать, более того, он грубо обращался со своим помощником. Вейгалл предложил Дэвису нанять собственного частного археолога, с тем чтобы следить за его работой и докладывать о ее итогах старшему инспектору. Первым, кто занял этот пост, оказался Эдвард Эйртон – молодой человек двадцати трех лет с практически неумемной энергией, однако несколько несчастливый.²

«Эйртона сторонились, – вспоминал Джозеф Линдон Смит. – По стечению обстоятельств его дом находился в отдалении от наших жилищ, а по ночам Эйртона мучили страшные кошмары, и тогда он кричал и бредил, причем на беглом китайском...»³

Дэвис поручил молодому человеку начать раскопки в западной части Долины, неподалеку от гробницы Аменхотепа III, найденной еще людьми Наполеона в 1799 году. После безрезультатной попытки Эйртон прекратил работы в этом месте и был направлен в более перспективную и обещающую богатыми находками восточную часть Долины царей, чтобы начать там исследование местности вокруг гробницы KV12. А менее чем через год Французский институт в Каире вступил во владение тем западным участком, на котором Эйртон недавно работал. Трудно понять, каким образом это могло произойти, так как концессия на право проводить там раскопки принадлежала Дэвису. Остается предположить, что сам Дэвис и дал разрешение. Вероятно, он, наконец, убедился в том, что давно уже подозревал, и теперь не был заинтересован в проведении раскопок на западном участке Долины. Впоследствии Картер и Карнарвон часто хвастались тем, как ловко они отводили глаза «этому глупому американцу»⁴, однако, вполне возможно, что Дэвис прекрасно видел все ухищрение своих конкурентов и с помощью адвоката попытался обставить Картера.

У Дэвиса, скорее всего, появились подозрения, что гробница Аменхотепа III связана туннелем с гробницей KV12, находящейся на расстоянии менее ста метров от гробницы Тутанхамона. Вполне

вероятно также, что Дэвис отправил Эйртона раскапывать гробницу Аменхотепа III и убедился, что туннель, действительно, существует и заканчивается неподалеку от объекта KV12. А если так, то Дэвис вполне осознавал, что обнаруженный туннель может привести к гробнице Тутанхамона.

Сначала Эйртон ничего не нашел в гробнице KV12 и перебрался на уже частично исследованную гробницу Тутмоса IV и близлежащую KV6. Затем он раскопал гробницу Рамсеса IV (KV2), которая находится всего в 150 метрах от гробницы Тутанхамона. Совершенно очевидно, что Дэвис направил своего археолога искать именно ее, и Эйртон в конечном итоге ее, по-видимому, отыскал, однако так никогда и не узнал, что найденная гробница принадлежит Тутанхамону. Либо так и не смог никому сказать об этом.

Любопытно, что неподалеку от KV12 Эйртон, как уже упоминалось, обнаружил голубую фаянсовую чашу с нанесенным на ней картушем Тутанхамона. Таким образом, Дэвис все больше приближался к своей конечной цели – найти гробницу юного египетского фараона. Для Картера наступили тревожные времена. К тому же, теперь работы Эйртона стали проводиться более методично и с большим успехом, так как он начал «исследовать каждую гору, каждый холм в Долине»⁵. Его усилия увенчались успехом, когда он обнаружил среди мусора, заполнявшего гробницу KV14, ларец с именем Хоремхеба, а затем совершенно новую гробницу Сиптаха. Оттуда рабочие Эйртона начали продвигаться к гробнице KV35, которая опять-таки находится на расстоянии всего 150 метров от входа в гробницу Тутанхамона. И, наконец, в ре-

зультате последних исследований молодого археолога была обнаружена гробница KV6, принадлежавшая Рамсесу IX и располагавшаяся всего в 50 метрах от той, которую он искал, и которая вскоре прославит Картера с Карнарвоном.⁶

Затем наступил черед очень важного открытия. В гробнице KV55 были обнаружены вскрытый ковчег с выброшенным из него гробом и лежавшая поблизости мумия. Исследователи посчитали, что она принадлежала царице Тии, хотя прекрасная посмертная маска оказалась испорчена, поэтому зрительно идентифицировать мумию оказалось практически невозможно. Тем не менее Дэвис был абсолютно уверен в том, что они нашли тело царицы Тии; два врача, причем один из них – гинеколог из Америки, обследовали мумию и пришли к выводу, что она, действительно, принадлежит старой женщине.⁷

Мумию отправили в Каир, где ее должен был внимательно изучить величайший патологоанатом того времени сэр Грэфтон Элиот Смит. Дэвис в глубине души надеялся, что Смит подтвердит правоту предыдущего обследования мумии. Представьте себе его ужас, когда стал известен вердикт медицинского светила: мумия, которую он получил, принадлежит молодому человеку примерно двадцати трех лет! Смит написал Вейгаллу: «Вы уверены, что присланные мне кости – те самые, которые были найдены вами в гробнице? Вместо костей пожилой женщины мне прислали молодого человека. Несомненно, произошла какая-то ошибка».⁸

Однако Дэвис знал, что найденная мумия была останками старой женщины. У него имелось зак-

лючение его собственных экспертов, плюс зарисовки тела, сделанные Эрнестом Джонсом. Судя по всему, Смит получил совсем не ту мумию, которую ему отправили. Однако в ходе дальнейших обследований, проведенных Элиотом Смитом, выяснилось, что изображение золотого сокола не может быть элементом женской короны, а воротник является элементом мужского погребального обряда. Как посчитали исследователи, первоначальная ошибка произошла из-за того, что воротник сбился, когда гроб был опрокинут, и создалось впечатление, что это головной убор. Таким образом, мумия не только принадлежала мужчине, но и, без сомнения, царской особе.⁹

Проведенные уже в наше время с помощью современных технологий исследования позволили выявить близкое родство загадочной мумии и фараона Тутанхамона. В 1966 году окончательно было признано, что мумия принадлежит двадцатилетнему молодому человеку. Удалось также определить, что у него с Тутанхамоном была одинаковая группа крови, и что, скорее всего, они были братьями.¹⁰

Никаких упоминаний о том, что у Тутанхамона имелся брат, в исторической науке не найдено, однако незадолго до начала его короткого правления существовал человек, который мог им оказаться. На барельефах встречается некто по имени Анкхепура, носивший титул «Нефернефратон» («прекрасна красота [бога] Атона»), что дает основание предположить его какую-то связь с царицей Нефертити.¹¹ Историкам неизвестно, чтобы у нее были дети мужского пола, поэтому юноша мог оказаться ее племянником, а

следовательно, и братом (правда, двоюродным) фараона Тутанхамона.

Как предположил Грэхем Филлипс в своей книге «Божий промысел: Моисей, Тутанхамон и миф об Атлантиде», скорее всего, этот молодой человек, более известный под именем Семенх-ка-Ра (Семенхкара), был преемником Эхнатона и, возможно, занимал трон некоторое время до Тутанхамона. Если, как предполагает Филлипс, загадочная мумия из гробницы KV 55 принадлежит именно Семенхкара, тогда картуш Тутанхамона на печати у входа в эту гробницу должен означать, что ее открывали через несколько лет после первоначального погребения. Собственно, на это и указывают свидетельства из гробницы Тутанхамона. Далее в своей книге Филлипс говорит о том, что, по всей видимости, именно портрет Семенхкара и представлен на среднем гробе в гробнице Тутанхамона.¹²

Совсем недавно появилась новая теория, которая рассматривается моим другом Чарльзом Поппом, автором нескольких исследований по истории Египта. По его словам, о находке гробницы царицы Тии умолчали потому, что в папирусах, обнаруженных там, так же, как и в исчезнувших свитках из гробницы Тутанхамона, содержалась некая важная информация. Эта теория кажется еще более сенсационной, чем та, которая отождествляет Эхнатона с Моисеем. Согласно ей, греческий миф о царе Эдипе возник на основе древнеегипетской истории о кровосмесительной связи между Эхнатомом и его матерью Тии, результатом которой стало рождение Семенх-ка-Ра и Тутанхамона.¹³

Если эти отношения действительно имели место, тогда, почти наверняка, у властей могло появиться желание сделать все, чтобы о таких находках ничего не стало известно. Невозможно представить, какой шок могло бы вызвать появление неопровержимого доказательства, подтверждающего, что Эхнатон, Моисей и Эдип были одним и тем же человеком. Тогда получилось бы, что праотец иудеев практиковал инцест, а непорочное зачатие, составляющее основное содержание многих религий, на самом деле является результатом подобной греховной связи. Мессия в таком случае становился бы не столько Сыном Божиим, сколько сыном Моисея и собственной бабушки!

Словом, неважно какими причинами было это вызвано, однако почти не вызывает сомнений тот факт, что мумию царицы Тии по дороге в Каир заменили на мумию Семенх-ка-Ра. Дэвис, конечно, знал, что его одурачили, однако разве кто-нибудь поверил бы в то, что уважаемые археологи, признанные в научном мире, разработают такой хитроумный план и, более того, сумеют претворить его жизнь? Дэвис в этой ситуации не мог ничего поделать и лишь возмущался и продолжал упрямо во всеуслышание утверждать, что нашел именно мумию царицы Тии. Однако чем громче он возмущался, тем тише вели себя его оппоненты, а остальной мир тем больше убеждался в том, что Дэвис ошибся.

В письме Артуру Вейгаллу ученый-филолог А.Х. Сейс написал: «Боюсь, что Вам будет проще остановить лавину, чем сдержать мистера Дэвиса, когда он начинает делать определенные вещи».¹⁴

Однако грохот «лавины», которую вызвал Дэвис, должен был казаться особенно грозным Говарду Картеру, который, периодически наведываясь к найденному кладу в усыпальнице Тутанхамона, видел, что Дэвис подбирается к гробнице юного царя все ближе и ближе. KV62 уже находилась на расстоянии всего 38 метров от места, где работала экспедиция американца.

Между тем, Эйртон и Дэвис добивались успеха за успехом. Из гробницы KV56 Эйртон извлек огромное множество ювелирных изделий и бесценных артефактов. Но, вполне вероятно, что тем самым он и подписал смертный приговор себе и Дэвису. В январе 1908 года Картер начал сотрудничать с лордом Карнарвоном. Он был готов начать действовать. А в феврале того же года Эйртон обнаруживает огромную золотую гробницу Хоремхеба.

И вдруг на пике успехов Эйртон объявляет о своем решении отойти от дел и советует взять на свое место Эрнеста Джонса, больного туберкулезом. По крайней мере, так гласит официальная история. Как хотите, однако для меня звучит неправдоподобно, что в момент наивысшей славы кто-то может принять подобное решение. Скорее уж, ему просто предложили это сделать, причем в такой форме, что от этого предложения трудно было отказаться. И все же в действительности это было не более, чем отсрочкой в исполнении смертной казни. Эйртон покинул Египет и отправился с археологической экспедицией на Цейлон. А в 1911 году он утонул на охоте.¹⁵

Его преемник Эрнест Джонс, маленький брюнет с приятной внешностью из Уэльса, первона-

чально подписал с Дэвисом контракт в качестве руководителя полевых работ и художника на три месяца с жалованьем 250 фунтов стерлингов. Он надеялся развить успех Эйртона, однако очень скоро выяснилось, что они с Дэвисом абсолютно не могут ужиться. Американец становился все более вспыльчивым и раздражался по малейшему поводу, а здоровье Джонса постепенно ухудшалось. Невероятным образом они почти три года все же продолжали совместную работу, однако на этот раз ничего особенно важного не нашли. У Дэвиса создалось ощущение, что британские археологи его попросту «используют», и это, конечно, отнюдь не помогало Джонсу в его работах. Однако валлийцу удалось-таки в этот период сделать свое величайшее открытие – обнаружить гробницу KV58, о чем он написал в отчете: «На следующий день мы начали углубляться в раскоп, и почти сразу же среди всякого хлама стали попадаться интересные фрагменты мебели, относящиеся к очень интересному периоду – концу правления XVIII династии. Некоторые предметы несут картуши с именами фараона Эйе и другого, по имени Тут-анх-Амун; последний или его гробница пока не найдены...»

Это произошло в 1909 году, хотя Дэвис в своей книге *«Гробницы Хоремхеба и Тутанхамона»* написал, что KV58 открыл Эйртон в 1907 году. Вообще-то известно, что письменные труды Теодора Дэвиса отличаются многими неточностями, однако в данном случае его память допускает особенно грубую ошибку. Остается лишь догадываться, каким таинственным образом единственное крупное открытие, сделанное Джонсом, оказа-

лось приписано Эйртону, да еще и перенесено на пару лет назад.

Между тем, судя по отчетам, здоровье Джонса продолжало ухудшаться, и в 1911 году он умер от истощения организма, вызванного туберкулезом. За год до своей смерти он как-то написал: «Последние работы оказались тяжелыми, приходилось постоянно работать в клубах пыли. Все это меня очень утомило и сказалось на здоровье, так что я очень обрадовался, когда все, наконец, закончилось. Право, мне уже совсем не хочется продолжать работы, и я не знаю, что буду делать на будущий год. К тому же, не уверен, что выдержу все это еще раз, если, конечно, проживу так долго».¹⁶ Конечно, в этом случае его, возможно, погубил туберкулез, но ведь могло и так случиться, что он узнал что-то о загадочной гробнице KV55 и стал опасен для властей. К тому же и Дэвис, наверняка, мог рассказать ему о подмене мумии, а у Джонса имелось достаточно времени, чтобы поразмышлять над тем, как все это объяснить.

Несмотря на все свои впечатляющие успехи, Дэвис начал осознавать, что карты ложатся против него – и прежде всего потому, что он посторонний в мире археологии, да к тому же еще и американец. Дэвис был умным человеком и, несомненно, понимал, что Картер постоянно использовал его и презирал при этом.

Джонс и Эйртон умерли в 1911 году, Дэвис – в 1914-м, и это означало, что в течение трех лет из жизни ушли три человека (все, кроме Картера), которые больше других знали о гробницах в Долине царей. Артур Вейгалл пишет:

Очевидно, в силу некоторых странностей старческого возраста мистер Дэвис с поразительнейшим упрямством и энергичностью протестовал против предположений, что мы нашли тело Эхнатона. Сам он надеялся, что нашел мумию царицы Тии [так оно и было. – Прим. автора], и когда, в конце концов, ему пришлось отказаться от этого заблуждения, он начал поступать так, словно желал скрыть результаты опознания тела. Он по-прежнему находился в крайне возбужденном состоянии ума, едва дело касалось этого предмета, пока через несколько лет на него не обрушилось полное беспомыслие.¹⁷

Конечно, в отсутствие очевидных свидетельств глупо утверждать, что Эйртон, Джонс или Дэвис были убиты неизвестным, либо группой неизвестных лиц. Явных улик нет. Наверное, стоит посмотреть на некоторые несущественные детали, связанные с этими смертями, а также на то, как они связаны одна с другой. И тогда могут открыться совершенно неожиданные грани этих событий.

Итак, все трое работали в Долине царей, а двое из вышеназванных людей были прекрасными специалистами-египтологами. Вместе они нашли больше гробниц, чем кто-либо до тех пор. А теперь представим себе, что Картер, еще работая у Дэвиса, в 1904 году нашел гробницу Тутанхамона, после чего уволился под благовидным предлогом. После того как его познакомили с лордом Карнарвоном, Картер рассказал своему партнеру все, что он знал о расположении этой гробницы, и компания разработала план, как сделать так, чтобы не пришлось делиться с Дэвисом или властями.

Эйртон к тому времени уже доказал, что он очень успешный археолог, поэтому существовала опасность, что он найдет вожделенную гробницу раньше, чем Картер и Карнарвон получают разрешение на проведение работ в Долине царей, которое на тот момент имелось у Дэвиса. И они почти потерпели крах, когда в 1907 году Эйртон обнаружил гробницу KV55.

Говард Картер и лорд Карнарвон оказались в чрезвычайно затруднительном положении. Если бы выяснилось, что мумия из KV55 принадлежит царице Ти, тогда для энергичного Эйртона найти Тутанхамона было бы всего лишь вопросом времени. Требовалась нестандартная и дерзкая операция, а Картер никогда не брезговал различными махинациями. Если бы из гробницы Ти исчезли золотые картуши (и он сделал все, чтобы так и произошло), а также разбитый саркофаг, тогда возникли бы серьезные затруднения в определении личности владельца этой гробницы. Кстати, а саркофаг и золотые пластины с картушами впоследствии оказались в мюнхенском музее, где пребывают и поныне.¹⁸

Именно Картер предложил отправить в Каир и мумию и саркофаг на патологоанатомическую экспертизу, и там известный в то время судмедэксперт Смит предположил, что произошла какая-то ошибка. Однако никакой ошибки не было. Картер их не допускал практически никогда. Он должен был подменить мумию. И вполне естественно, что Дэвис пришел в ярость, поскольку понимал всю безнадежность борьбы с этими, как он сам их называл, «случаями бесстыдного жульничества»¹⁹. Таким образом, на тот момент для Го-

варда Картера и лорда Карнарвона кризис благополучно разрешился, однако Дэвис, Эйртон и Джонс знали правду, поэтому им следовало заткнуть рты.

Смерть Эйртона в 1911 году однозначно рассматривалась как несчастный случай. В данном случае это не так уж принципиально. Если бы потребовалось, ее бы квалифицировали как самоубийство...

У другого участника этой драмы, Эрнеста Джонса, действительно было слабое здоровье. В грустном письме домой, написанном примерно за год до смерти, он жалуется на свое плохое самочувствие; однако после прочтения этих щемящих строчек создается впечатление, что он умирает, но не от туберкулеза, а от тоски. Совершенно очевидно, что в той ситуации, после подмены мумии царицы Ти, всякая работа в Долине теряла смысл, поскольку сам Дэвис уже вполне понимал, что перед ним стоит совершенно непосильная задача.

И после смерти Джонса, и после того, как Эйртон уехал из Египта, Дэвис продолжал оставаться потенциально опасной личностью для Картера с Карнарвоном. В конце концов, он мог нанять для руководства раскопками другого археолога. А значит, следовало подыскать такого человека, который вполне разделял бы планы Картера и Карнарвона. И он был найден. Этим человеком оказался Гарри Бертон из Метрополитен-музея. Того самого учреждения, которое извлекло наибольшие выгоды из последующего «открытия», сделанного Картером и Карнарвоном. Впрочем, не остался внакладе и Бертон, заявивший, что опустошенная гробница, найденная Дэвисом, и была последним

пристанищем Тутанхамона.²⁰ В 1914 году Дэвис в отчаянии бросил все и умер совершенно разбитым человеком. Как и Эйртон с Джонсом, он знал слишком много и, даже покинув Египет, продолжал представлять опасность. Поэтому он должен был уйти навсегда.

Словом, можно смело утверждать, что «проклятие фараона» начало забирать первых жертв значительно раньше, чем о нем заговорили. Затем список жертв пополнялся с жуткой регулярностью, и в него даже попала такая всемирно известная личность, как Зигмунд Фрейд.

XIV

Моисей, папирусные свитки и убийство Зигмунда Фрейда

Иудеи сотворены человеком по имени Моисей, который был знатным египтянином.¹

Зигмунд Фрейд

Я абсолютно убежден в том, что одной из последних жертв заговора, который маскируется легендой о «проклятии фараона», стал создатель теории психоанализа Зигмунд Фрейд.

У Фрейда есть замечательно эссе «Моисей Микеланджело». В нем Микеланджело, сам личность исполинских размеров, изобразил Моисея сильным старцем, наполненным внутренней энергией. Чело патриарха украшают символические рога, знаменующие преобразование, которое претерпел Моисей после своей встречи с Богом. Левой рукой он сжимает свою длинную бороду и указательным пальцем правой прикасается к ней.

Моисей сидит, нахмурившись и погрузившись в раздумья, придерживая локтем скрижали.² Фрейд задается вопросом, что именно попытался отобразить великий скульптор. Находится ли Моисей в процессе принятия какого-то решения, или он уже его принял? Можно ли сказать, что он только что присел, или он собирается встать? Мышцы его ног напряжены, и это предполагает, что патриарх находится в движении. А каменные скрижали? Что Моисей собирается с ними сделать? Не теперь ли он разобьет их, разгневавшись на то, что его народ предал его веру?³

В конце концов, Фрейд понял, что хотел передать своей скульптурой великий художник. Многие искусствоведы считали, что шедевр Микеланджело изображает тяжело страдающего человека, глубоко расстроенного предательством собственного народа, который он хотел спасти; и вот теперь, охваченный гневом, он собирается разбить скрижали. Однако в отличие от них, Фрейд решил, что Микеланджело показал Моисея в тот момент, когда он уже смог подавить свой гнев, справиться с отчаянием. Об этом говорит жест, с которым патриарх бережно прижимает к себе скрижали, данные ему Господом. Моисей не собирается совершить акт насилия и разрушения, в действительности он сражается со страстями и побеждает их, тем самым возвышаясь над собственной природой. По мнению Фрейда, Моисей Микеланджело изображен в то мгновение, когда кризис уже миновал, и скульптура отражает «не готовность совершить насильственное деяние, но момент, когда действие только-только прервалось».⁴

Скорее всего, уже в 1923 году Фрейд понял, что в гробнице Тутанхамона Картер и Карнарвон обнаружили нечто очень важное. И он был уверен, что вне зависимости от того, что это такое, данная находка подкрепит его предположение о том, что Моисей на самом деле был высокопоставленным египетским вельможей. Возможно, впервые мысль о том, что здесь прослеживается какая-то связь, была высказана археологом Баттискомбом Ганном, который присутствовал на церемонии официального открытия гробницы Тутанхамона. По стечению обстоятельств жена Ганна работала в венской клинике Фрейда, и можно не сомневаться, что там велось много разговоров об открытии, сделанном Картером и Карнарвоном. К сожалению, сейчас невозможно с точностью установить, поддерживали ли контакт друг с другом Картер и Фрейд, поскольку личная переписка последнего сейчас находится в Архиве Зигмунда Фрейда в Нью-Йорке. Данная организация возникла благодаря усилиям д-ра Курта Эйслера, который, практически в одиночку, собрал огромную массу документов того времени и лично опросил большое количество людей, обследованных Фрейдом. Опять-таки, к сожалению, работа д-ра Эйслера не доступна для изучения. Широкой публике запретили иметь доступ к его материалам примерно в то же время, когда исчезли рукописи из гробницы Тутанхамона.⁵

Возможно, первое покушение на жизнь Фрейда произошло в 1923 году. Он, будучи врачом, обнаружил «растущую опухоль на челюсти и на нёбе». В ту пору ему было шестьдесят семь лет. Фрейду эту опухоль удалили и при этом заверили,

что это не рак. Однако через некоторое время она появилась вновь. Теперь Фрейд решил, что опухоль все-таки злокачественная и решил обратиться к хирургу, которого звали Маркус Хайек. Основатель психоанализа выражал сомнения в способностях этого хирурга, однако все же доверил тому провести операцию, может быть, потому, что просто не нашел никого другого, кто согласился бы ее сделать.⁶

Согласно тому, что рассказывает биограф Фрейда Питер Гай, у всемирно известного психоаналитика имелись серьезные основания сомневаться по поводу Хайека. Дело в том, что Хайек, очень талантливый хирург, не мог не знать, что подобная операция может считаться, скорее, косметической, поэтому в ней нет необходимости. И все же он согласился сделать ее в амбулаторном отделении своей клиники. Имеются довольно смутные факты того, что произошло там на самом деле, однако случилось что-то довольно страшное, поскольку у Фрейда прямо на операционном столе началось сильнейшее кровотечение. Его отнесли в маленькую боковую комнату, чтобы он провел там период послеоперационного восстановления. По словам дочери Фрейда, его соседом по палате оказался один добрый сумасшедший карлик. Когда ей сказали, что с отцом все в порядке, Анна отправилась по магазинам, чтобы купить ему кое-что. Тем временем у Фрейда вновь началось кровотечение, и он сделал попытку позвонить в колокольчик, чтобы позвать кого-нибудь. Однако никто так и не появился. Фрейд был слишком слаб, чтобы самостоятельно подняться или крикнуть о том, что ему нужна помощь, так что каза-

лось, что жизнь его сейчас закончится. Однако сосед-карлик побежал за сестрой, которой и удалось остановить кровотечение.

Далее Гай рассказывает, что с того момента Анна старалась больше не уходить далеко от отца и вместе с его соседом по палате бодрствовала у его постели. Среди ночи состояние Фрейда вновь резко ухудшилось, и дочь снова позвала сиделку. Они сразу попытались вызвать дежурного хирурга, однако тот отказался прийти. К счастью, в ту ночь организм Фрейда все-таки справился с заболеванием, несмотря на этот факт беспримерной врачебной халатности, и уже на следующий день его выписали из лечебницы.⁷

Если бы не усилия Анны и соседа по палате, Фрейд, несомненно, умер бы в ту ночь. Как хотите, но я не верю, что по странному стечению обстоятельств не сработал звонок вызова сиделки, и дежурный врач отказался прийти на вызов. Я уверен, что кто-то покушался на жизнь пожилого человека. Если бы Фрейд умер той ночью, все посчитали бы его смерть несчастным случаем, результатом неудачно проведенной операции по удалению опухоли – только и всего. Кстати, если бы покушение на его жизнь удалось, то Фрейд умер бы в один год с лордом Карнарвоном. А так он прожил еще шестнадцать лет и умер в тот же год, что и Говард Картер. Говорят, что основатель психоанализа умер после того, как его близкий друг дал ему смертельную дозу лекарства, тем самым избавив от мучительной болезни. Но до того Зигмунд Фрейд с дочерью после вторжения нацистов в Австрию бежал в Англию, и там, в Лондоне, Фрейд закончил свой труд «Моисей и монотеизм». Он

издал его, несмотря на то, что такие люди, как профессор Иегуда и историк Чарльз Зингер, советовали ему отказаться от этой идеи, так как, по их мнению, такая книга могла вызвать взрыв антисемитизма. Там же, в Лондоне, Фрейд по настоянию своего друга доктора Макса Шура согласился еще на одну операцию, поскольку раковая опухоль гортани прогрессировала. И тем не менее ни в одном медицинском заключении нет подтверждений тому, что эта опухоль была злокачественной. После операции Фрейд чувствовал себя очень плохо: его мучили постоянные боли, он не мог есть и вообще медленно умирал. В конечном счете Макс Шур дал ему смертельную дозу морфия, уверяя, что сам Фрейд очень просил его об этом.⁸ Однако остается вопрос, почему пожилого человека подвергли столь опасной операции?

В тот же самый год, когда он умер, последняя книга Зигмунда Фрейда «Моисей и монотеизм» была опубликована в Нью-Йорке. В ней он называет себя человеком, «мыслящим о неммыслимом».⁹ Фрейд предполагает, что Моисей, освободитель народа Израиля, давший евреям религию и законы, в реальности был египтянином – в прошлом советником Эхнатона. По словам Фрейда, после смерти Эхнатона старое фиванское жречество, против которого боролся фараон-реформатор, постаралось стереть из памяти потомков малейшее упоминание об этом правителе. Верховный бог Атон был отринут, а новая столица, выстроенная Эхнатоном, разрушена до основания. После этого сам фараон и его реформы были обречены превратиться в маленький, крайне незначительный эпизод в истории Египта, который должен скоро забыться.

В своем труде «Моисей и монотеизм» Фрейд дал полную волю собственному воображению. По его глубочайшему убеждению, Моисей обращался к Эхнатону за вдохновением и видел в нем вождя. Последующее развитие событий вызвало у Моисея глубочайшее разочарование и чувство горького одиночества. И тогда Моисей обратил свой взор на чужестранцев (израильтян), обитавших в Египте, и увидел в них замену всему, что он потерял после смерти Эхнатона и безжалостного уничтожения его религиозной философии.¹⁰

Он [Моисей] назвал их своим народом и попытался через них воплотить собственные идеалы, – предположил Фрейд. – Он дал им веру в Атона, от которой отказались египтяне. Паразитально предугадав будущие научные открытия, он [Эхнатон] увидел в солнечной энергии источник всей жизни на Земле и стал поклоняться солнцу как воплощению Божественной силы. Он упивался счастьем от Творения и своей жизни в Маат [т.е. в состоянии правды и гармонии]. В истории человечества это была первая монотеистическая религия, выраженная наиболее ясно и, что называется, в чистом виде.¹¹

Далее Фрейд утверждает, что Исход евреев из Египта имел место во времена правления фараонов XVIII династии, одним из которых и был Тутанхамон, а вовсе не во времена XIX династии, как об этом говорится в Ветхом Завете. Откровенно говоря, для того, чтобы высказывать такие мысли и даже думать о подобном, великий основатель психоанализа выбрал очень неудачное время. В нача-

ле 1930-х годов к власти в Германии пришел Адольф Гитлер, яростный антисемит и юдофоб. В итоге Фрейд и все, кто придерживался его взглядов, оказались в страшной опасности за свои печатные труды. Среди таких ученых находился и Джеймс Бристед, преподававший в университете в еврейских классах, среди учеников которого оказалось множество будущих раввинов.¹²

О последней работе Фрейда Бристед написал:

В мире, в котором до сих пор существуют вызывающие сожаление антисемитские предрассудки, следует подчеркнуть, что книга написана без малейших антисемитских пристрастий. Наоборот, автор еще с детских лет восхищается еврейской литературой, и это восхищение всегда было настолько сильным, что его оценки исходят именно из такого пристрастия.¹³

Фрейд провел связь между Моисеем и египетским фараоном. А мне бы хотелось сейчас развить эту гипотезу еще немного и сделать следующий шаг. Известный ученый Ахмед Осман стал первым, кто предположил, что Эхнатон и Моисей – один и тот же человек. За годы собственных весьма интенсивных исследований я убедился в его правоте. У меня сложилось твердое убеждение в том, что в пропавших из гробницы Тутанхамона папирусах содержались доказательства того, что отец юного фараона Эхнатон и был Моисеем. То есть мудрый и мечтательный фараон и великий пророк Ветхого Завета – единая личность.

История о том, как Картер ссорился с британским вице-консулом в Каире, заставила меня по-

новому оценить рассказ об исходе евреев из Египта, а также связи между главными героями Библии и фараонами. В конце концов, я пришел к выводу о том, что же все-таки содержалось в исчезнувших папирусах. Влиятельные жрецы Амона выступили против религиозной реформы, которую начал фараон-мечтатель Эхнатон, веривший в то, что Бог един и невидим. Они заставили фараона отречься от престола в пользу собственного сына Тутанхамона, которому на тот момент исполнилось всего девять лет. Юный владыка, рожденный уже под светом новой религии, религии Атона, и был Христом – Мессией, приход которого, а также убийство и погребение предсказал пророк Исайя в одной из книг Ветхого Завета.

Иными словами, Тутанхамон, набитую золотом гробницу которого обнаружил Говард Картер, вовсе не был каким-то незначительным историческим персонажем. Напротив, он является одним из величайших царей, когда-либо правивших на Земле. Именно он основал учение своего отца о едином невидимом боге и распространил его по всему миру, чтобы даровать спасение всем. И он же превратил пантеон египетских богов в ангелов и святых всех последующих религий.

Затем, на добрую тысячу лет, все следы о фараонах Амарны исчезают из письменных источников. Однако, несмотря на все попытки скрыть правду, память о событиях и людях, в них вовлеченных, сохранилась в родословной Мессии. Именно родословное древо фараонов XVIII династии проходит красной нитью через всю историю дома Давидова.¹⁴

Учитывая все это, не приходится удивляться, что папирусы из гробницы Тутанхамона исчезли. Представляете, что началось бы в Израиле, если бы стало известно о том, что величайшие библейские персонажи иудеев на самом деле были египетскими фараонами? А Моисей, скорее всего, не героически вел свой народ, а просто был изгнан из Египта. А, кстати, смогли бы в таком случае Гитлер и остальные антисемиты продолжать свою кампанию ненависти к евреям, к народу, который ведет свое происхождение от величайшей цивилизации в истории человечества и вышел из страны, населенной светловолосыми голубоглазыми людьми?

В связи с исчезновением папирусов возникает еще один знаковый вопрос: какую роль во всем этом сыграл лорд Карнарвон? В самом начале он с радостью написал своему другу Уоллису Баджу, что они нашли письма, которые «перевернут мышление всего мира». Затем он внезапно замолкает и больше ничего про это не говорит. Так продолжалось до тех пор, пока жажда наживы и стремление к популярности все-таки не взяли верх. И тогда Карнарвон заговорил о папиру-

Каменные изваяния фараона Аменхотеп III и его супруги Тии.

сах с Сэмюэлем Голдвином из Голливуда. Впрочем, не могло ли оказаться так, что, прежде чем сообщать о своей находке, он посоветовался с родственниками жены, Ротшильдами, и те посоветовали ему как следует подумать? Насколько известно, эта семья внесла огромный вклад в дело создания государства Израиль и вообще была богатейшей еврейской семьей в мире. Впрочем, с равной долей вероятности эту роль могло сыграть и британское правительство, либо те же Ротшильды вместе с правительством.

Удивительно, все же! Когда вы приедете в Долину царей, непременно найдутся туристы, которые «в курсе», и они посоветуют вам не тратить времени на посещение гробницы Тутанхамона, потому что в ней сейчас нет ничего, кроме единственной мумии. Однако они и не предполагают, что на самом деле там находятся бранные останки самого Сына Божия.

Со времени раскопок, которые проводил в XIX веке в Телль-аль-Амарне сэр Вильям Флиндерс Питри, Эхнатон и остальные фараоны Амарны стали для множества историков и археологов неиссякаемым источником вдохновения и различных гипотез. Кто они были? Что это за новая странная религия? Что случилось с Эхнатоном? Ахмед Осман, например, в своей революционной книге «Моисей, фараон Египта» отождествляет его с библейским патриархом, поскольку достоверно известно, что Эхнатон был исторической фигурой, но никаких следов существования Моисея не найдено. Десять лет назад я впервые прочитал более раннюю книгу Османа «Чужеземцы в Долине царей». В ней

утверждалось, что Иуйя, похороненный в Долине царей, в действительности есть не кто иной, как библейский патриарх Иосиф.

Читая эту книгу, я почувствовал, что автор хорошо знает, какие отношения связывали этого неясного библейского персонажа с египетскими фараонами, и решил во что бы то ни стало связаться с Османом. Впоследствии мы созвонились и договорились встретиться за ленчем в моем клубе. До тех пор я никогда не видел его даже на фотографии, поэтому, когда Ахмед Осман появился в столовой, он был для меня таким же незнакомцем, как сам Иуйя. Столик уже был заказан, поэтому сразу после приветствий я, не в силах сдерживаться, сразу приступил к делу.

– Прежде чем вы присядете, – сказал я, – мне бы хотелось сказать вам одну вещь. Я верю в то, что Эхнатон вывел евреев из Египта.

– Вы хотели сказать семитов, – мягко поправил меня он.

– Да, – сказал я, не смея дышать от страха, что он откажется со мной разговаривать после моей ошибки.

– Семитов из Египта вывел Моисей, – продолжил мой собеседник.

– Я знаю, – ответил я, и сердце мое упало. – Значит, я ошибаюсь...

И тогда прозвучало одно из самых поразительных утверждений, которые я когда-либо слышал. С какой-то странной теплотой посмотрев на меня, Ахмед Осман сказал тихо:

– Нет, вы не ошибаетесь.

– Так это один и тот же человек! Один и тот же!

Я не удержался и воскликнул так, что другие обедавшие в клубе люди начали на нас оглядываться.

– Да, это так, – кивнул он.

Я склонился к нему, в волнении обнял его за плечи, и так началась наша дружба.

А теперь подведем некоторый итог.

Я убежден в том, что библейский Иисус Христос был исторической фигурой, и звали его Тутанхамон. Он был воспитан в традициях новой монотеистической религии, религии Атона, и стал первым в череде мессианских личностей, чье убийство было предсказано в Ветхом Завете. Он развил учение своего отца и распространил его по миру, с тем чтобы дать спасение всем людям. Следы фараонов из Амарны исчезли на целые тысячелетия из всех источников, однако, несмотря на попытки утаить правду, память о тех событиях и людях, участвовавших в них, сохранилась. Пропавшие из гробницы Тутанхамона папирусы могли бы иметь для западной религии такое же огромное значение, как свитки Мертвого моря, поскольку в них содержится важная информация, способная взорвать старое понимание истории человечества и заставить нас пересмотреть наши политические и религиозные убеждения.

XV

Наследие Картера и Карнарвона

После всех проведенных исследований я почувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы изложить в книге свои подозрения. Более просвещенные люди, уже не раз слышавшие о том, что я решил сказать, проверили и оценили мои догадки и гипотезы. У нас не возникло расхождений во взглядах. Конечно, я понимаю, что для того, чтобы раз и навсегда доказать свою правоту, мне требуется провести в Долине царей значительно больше времени и больше исследований. Однако я убежден, что уже сейчас имею достаточно доказательств для того, чтобы озвучить свой взгляд на то, что, вне всяких сомнений, произошло там.

Вне зависимости от текстов, содержащихся в пропавших папирусах из гробницы Тутанхамона, одно можно сказать совершенно точно: Говард Картер и лорд Карнарвон – герои не той ис-

тории, которую они нам изложили. По сути дела, они были немногим лучше обычных грабителей сокровищ, хотя, конечно, чрезвычайно преуспели в этом занятии. В те времена, когда еще были возможны удивительные открытия и приключения, с ними связанные, когда правящие классы Европы и Северной Америки совершенно свободно эксплуатировали ресурсы остального мира и называли это «заботой» о нем, Запад систематически грабил Египет и вывозил оттуда ценности, составлявшие наследие всего человечества, в таких количествах, что сейчас это просто невозможно представить. Мы теперь никогда не узнаем, сколько именно ценностей похитили Говард Картер и лорд Карнарвон, и где все это похищенное осело, однако можно быть уверенными, что в истории не совершалось настолько эффектных преступлений, которые произвели бы на людей такое впечатление. Для этого у компаньонов было все: связи (по крайней мере, у лорда Карнарвона), опыт (у Говарда Картера), у них имелись средства (опять-таки, имеем в виду Карнарвона). Словом, эти двое имели все необходимое для любого грандиозного делового либо криминального предприятия. Учитывая, что лорд Карнарвон являлся одним из влиятельнейших представителей британского истеблишмента, он мог придать своей деятельности внешний лоск и необходимую респектабельность. Однако более важным представляется то, что оба компаньона могли привлечь к реализации своих планов других людей и даже организации – от столпов государства до руководителей музеев. Это означало, что многие влиятельные люди были

прямо заинтересованы в том, чтобы не привлекать внимания к слабым местам в истории открытия, рассказанной общественности. А поскольку во всех этих махинациях оказалось замешано множество музеев и коллекционеров, то и у них на кону теперь стояло не меньше, чем у Картера с Карнарвоном. Вся история открытия гробницы окуталась густой завесой тайны, и хотя некоторые специалисты, вроде Томаса Ховинга, утверждали, что во всем этом есть масса нестыковок, официальная версия открытия утвердилась как-то уж очень быстро.

Отслеживая новости, которые публиковались в «Таймс», Картер и Карнарвон смогли сделать так, что весь мир, интересовавшийся их открытием, получал именно ту информацию, которая им требовалась, из уст самого авторитетного в то время издания. Если какие-то другие издания говорили о своих сомнениях, такая подозрительность объяснялась профессиональной ревностью. Зато все, что появлялось в «Таймс», рассматривалось широкой общественностью как истина в последней инстанции – в ту пору к публикациям в прессе относились не столь критично (или цинично), как в наши дни. Кроме того, история открытия гробницы была слишком хороша, чтобы кто-то захотел ее разоблачить. Сторонников официальной истории обнаружения гробницы Тутанхамона становилось все больше, потому что с течением времени в ее сохранении оказывалось заинтересовано все больше и больше людей. Когда в 70-х годах прошлого столетия выставка сокровищ из гробницы Тутанхамона совершала мировое турне, запущенная на полную мощность

изошренная машина массовой пропаганды помогала собирать в каждом городе толпы желающих увидеть все эти чудеса. Все эти представители послевоенного поколения слушали от своих экскурсоводов официальную историю открытия, совершенного Картером и лордом Карнарвоном, восхищались искусством древних мастеров и совершенно не обращали внимания на жалкий лепет представителей академической науки, что-то бормотавших о саркофаге, якобы принадлежавшем кому-то не тому. Для посетителей выставки не имело ни малейшего значения, чей лик смотрел на них с бесчисленных плакатов – Тутанхамона или Семенхкара, – эффект оказывался один и тот же. Обывателям абсолютно все равно, чьи конкретно реликвии в каких именно комнатах хранились, и кому именно принадлежала самая знаменитая гробница. Просто все видели грандиозное и завораживающее зрелище колоссального богатства, подтверждавшее легенды о загадочных фараонах, обладавших невообразимой властью. И никого не интересовала грязная изнанка истории открытия гробницы юного египетского царя. Открытие произошло, оно оказалось выдающимся, а все остальное неважно.

Следует также иметь в виду, вне зависимости от того, прав я или нет в своих догадках и есть ли вообще какие-то основания в разговорах о «проклятии фараона», по крайней мере сам лорд Карнарвон умер слишком рано, так и не насладившись плодами своего грабежа. Правда, казна его семейства, безусловно, изрядно пополнилась. А Говард Картер, похоже, получил не так много материального удовлетворения от своего преступления, но

зато ему удалось застолбить за собой местечко в истории, хотя ни рыцарского достоинства, о котором он так мечтал, ни признания в высшем обществе он не получил. Ли Киидик, организовавший поездку Картера по Северной Америке, в своих воспоминаниях рисует нам облик человека, находящегося в разладе с самим собой.

Он чувствовал постоянное недовольство собой и окружающими и раздражался по любому поводу так, что даже малые дети не могли избежать его гнева. Извозчики, швейцары в отелях, железнодорожные кондукторы, юные девушки, продававшие цветы, все они оказывались объектами его обличительных, желчных и раздраженных комментариев. Таксистов он ругал за то, что те резко тормозят, портье и швейцаров за то, что они плохо вышколены. Даже машинисты паровозов не оставались незамеченными. Во время долгих поездок на первой же большой остановке он направлялся к локомотиву и интересовался у машиниста, кто учил его управлять составом, так как сам Картер, по его словам, никогда в жизни еще так не мучился в дороге. Естественно, все это страшно злило поездную бригаду и доставляло лишнее беспокойство в и без того суматошный день. Однажды, во время переезда из Монреаля в Оттаву, Картер заметил, что в вагоне-ресторане канадского поезда имеется строка с вопросом о качестве блюд и обслуживания. Меню было очень обширным, но Картер не поленился исписать обе стороны. Он гневно, с юношеской горячностью ругал компанию за то, что ее руководство, не имея никакого опыта, не умеет управлять вагонами-ресто-

ранами. Он также заявлял, что ни навыки, ни подготовка персонала не соответствуют требованиям подобной работы. После этого Картер с явным удовольствием аккуратно сложил карточку и лично отправил ее в штаб-квартиру компании в адрес начальника службы вагонов-ресторанов.¹

Опять же, отметим, что не важно, принесло или нет ограбление Тутанхамона счастье тем, кто его совершил. В любом случае, оно было разработано с огромным талантом и выполнено с большим искусством. Сомневаюсь, что когда-либо возможно будет повторить нечто подобное. Конечно, ограбление гробницы стало возможным еще и потому, что египетское правительство считало, что ему требуются такие люди, как Картер и Карнарвон. Хорошо еще, что подобное уважение к образованным «джентльменам» длилось недолго, а теперь и вовсе отсутствует.

Будем надеяться, что в наши дни никто не сможет столько лет работать в обстановке полной секретности. В конце концов, если чего-то не обнаружат газетчики, то уж работники телевидения докопаются до истины. Для того чтобы в наши дни организовать обман мирового сообщества, да еще в таких масштабах, требуется быть либо специалистом информационных технологий, либо финансовым олигархом. Так что, вполне возможно, что Говард Картер и лорд Карнарвон были последними (зато величайшими) представителями огромного количества джентльменов-грабителей.

Остается лишь заметить, что вне зависимости от своих достижений эти двое, несомненно, создали величайшую сказку всех времен и народов.

Примечания

1 Охота за сокровищами, какой не знала Земля

¹ Reeves and Taylor, *Howard Carter Before Tutankhamun*, British Museum Press, 1992, p. 188.

² Hoving, *Tutankhamun: The Untold Story*, New York, 1978.

³ Romer, *The Rape of Tutankhamun*, Michael O'Mara Books, 1995, p. 9

⁴ Homer, *The Iliad*, tr. by Alexander Pope, Oxford University Press, 1954.

⁵ Evans, *Kingdom of the Ark*, Simon and Schuster, 2000, p. 33.

⁶ Ibid.

⁷ Reeves and Wilkinson, *The Complete Valley of the Kings*, 1996, pp. 56–7.

⁸ Ibid.

⁹ McCoan, *Egypt As It Is*, 1877.

¹⁰ Reeves and Wilkinson, *op. cit.*

¹¹ Cotterill, *The Lost Pharaohs*, Hodder and Stoughton, 1975.

¹² Edwards, *A Thousand Miles Up the Nile*, London, 1877.

¹³ Petrie, *Seventy Years of Archaeology*, London, 1933.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

2 Значение Тутанхамона

¹ Carter and Mace, *The Tomb of Tutankhamun*, London, 1922–33, p. 20.

² Hoving, *Tutankhamun: The Untold Story*, New York, 1978, p. 17.

³ Elliot Smith, *The Royal Mummies*, CCG, Cairo, 1912.

⁴ Ibid.

⁵ Reeves, *The Complete Tutankhamun*, Thames and Hudson, 1990 p. 22.

⁶ Osman, *The House of the Messiah*, HarperCollins, 1992.

⁷ Desroches, *Life and Death of a Pharaoh: Tutankhamun*, Penguin Books, 1963. pp. 164–5.

⁸ Evans, *Kingdom of the Ark*, Simon and Schuster, 2000, p. 118.

⁹ Ibid.

¹⁰ Reeves, *op. cit.*, p. 34.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

3 Говард Картер – не совсем джентльмен

¹ James, *Howard Carter: The Path to Tutankhamun*, Regan Paul Ltd, 1992, pp. 31–45.

² Frayling, *The Face of Tutankhamun*, Faber and Faber, 1992, p. 68.

³ Reeves, *The Complete Tutankhamun*, Thames and Hudson, 1990, p. 42.

⁴ James, *op. cit.*

⁵ *Ibid.*

⁶ Reeves and Taylor, *Howard Carter Before Tutankhamun*, British Museum Press, 1992, pp. 23–4.

⁷ Winstone, *Howard Carter and the Discovery of the Tomb of Tutankhamun*, Constable, 1991, P. 48.

⁸ Reeves and Wilkinson, *The Complete galley of the Kings*, Thames and Hudson, 1990, pp. 194–5.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ Reeves and Taylor, *op. cit.*

¹² James, *op. cit.*

¹³ Reeves and Wilkinson, *op. cit.*, pp. 70–80.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ Winstone, *op. cit.*, p. 86.

¹⁶ Hoving, *Tutankhamun: The Untold Story*, New York, 1978, p. 28.

¹⁷ Winstone, *op. cit.*, p. 95.

¹⁸ Breasted, *Pioneer to the Past*, London, 1948, p. 155.

¹⁹ Reeves and Wilkinson, *op. cit.*

²⁰ *Ibid.*

4 Лорд Карнарвон – повелитель всего, что ОН ВИДИТ

¹ Smith, *Tombs, Temples and Ancient Art*, Norman 197, p. 80.

² Hoving, *Tutankhamun: The Untold Story*, New York, 1978, pp. 19–22.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ Ibid.

⁷ Reeves, *The Complete Tutankharnun*, Thames and Hudson, 1990, pp. 44–7.

⁸ Winstone, *Howard Carter and the Discovery of the Tomb of Tutankharnun*, Constable, 1991; pp. 104–6.

⁹ Carnarvon and Carter, *Five Years Exploration at Thebes*, 1912, p. 32.

¹⁰ Reeves, *op. cit.*

¹¹ Hoving, *op. cit.*, pp. 50–1.

¹² Reeves, *op. cit.*

¹³ Ibid.

¹⁴ Hoving, *op. cit.*

¹⁵ Reeves, *op. cit.*

¹⁶ Winstone, *op. cit.*

¹⁷ Reeves, *op. cit.*

¹⁸ Hoving, *op. cit.*, pp. 40–7.

¹⁹ Reeves, *op. cit.*

²⁰ Hoving, *op. cit.*

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Hankey, “Arthur Weigall, The Tutankharnun Connection”, *International Review of Ancient Art and Archaeology*, July/August, 1994, p. 24.

²⁴ Ibid.

5 Официальная история открытия

¹ Carter and Mace, *The Tomb of Tutankharnun*, London 1922–33, pp. 96–8.

² Winstone, *Howard Carter and the Discovery of the Tomb of Tutankhamun*, Constable, 1991, p. 121.

³ Carter, *The Discovery of the Tomb of Tutankhamun*, New York, 1977, p. 82.

⁴ Ibid.

⁵ Reeves, *The Complete Tutankharnun*, Thames and Hudson, 1990, pp. 50–5.

⁶ Ibid.

⁷ Frayling, *The Face of Tutankharnun*, Faber and Faber, 1992, pp. 102–6.

⁸ Carter and Mace, *op. cit.*

⁹ Frayling, *op. cit.*

¹⁰ Ibid.

¹¹ Carter and Mace, *op. cit.*, pp. 102–4.

¹² Winstone, *op. cit.*, p. 144.

¹³ Frayling, *op. cit.*

¹⁴ Reeves and Taylor, *Howard Carter Before Tutankharnun*, British Museum Press, 1992, p. 142.

¹⁵ Frayling, *op. cit.*

¹⁶ Carter and Mace, *op. cit.*

¹⁷ Hoving, *Tutankharnun: The Untold Story*, New York, 1978, pp. 90–7.

¹⁸ Reeves, *op. cit.*

¹⁹ Hoving, *op. cit.*

²⁰ Ibid.

²¹ James, *Howard Carter: The Path to Tutankhaman*, Kegan Paul Ltd, 1992, p. 227.

²² Hoving, *Tutankharnun: The Untold Story*, New York, 1978, pp. 106–8.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid, p. 58.

²⁵ Carter, *op. cit.*, p. 107.

²⁶ Reeves, *op. cit.*

²⁷ Frayling, *op. cit.*, p. 54.

²⁸ Hoving, *op. cit.*

²⁹ Hoving, *ibid.*, pp. 195–8.

³⁰ Ibid.

6 «Тутанхомания»

¹ Winstone, Howard Carter and the Discovery of the Tomb of Tutankharnun, Constable, 1991, p. 25.

² Hoving, Tutankharnun: The Untold Story, New York, 1978, p. 109.

³ Hoving, op. cit.

⁴ Carter and Mace, The Tomb of Tutankharnun, London, 1922–33, chapter 7.

⁵ Hoving, op. cit., p. 153.

⁶ Winstone, op. cit., pp. 178–181.

⁷ Ibid.

⁸ Frayling, The Face of Tutankharnun, Faber and Faber, 1902, p. 28.

⁹ Ibid, pp. 10–11.

¹⁰ James, Howard Carter: The Path to Tutankharnun, Kegan Paul Ltd, 1992, p. 239.

¹¹ Ibid.

¹² Reeves and Taylor, Howard Carter Before Tutankharnun, British Museum Press, 1992, p. 154.

¹³ Hoving, op. cit., pp. 145–9.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

7 Проклятие фараона

¹ Carter and Mace, The Tomb of Tutankharnun, London, 1922–33, p. 159

² Gardiner, My Working Year, 1963, p. 40.

³ Fraylmg, The Face of Tutankharnun, Faber and Faber, 1992, PP. 43–51.

⁴ Desroches-Noblecourt, Life and Death of a Pharaoh: Tutankharnun, Penguin Books, 1963, p. 27.

⁵ Frayling, op. cit.

⁶ Spencer, *Death in Ancient Egypt*, Penguin Books, 1982, p. 93.

⁷ Frayling, op. cit.

⁸ Hoving, *Tutankharnun: The Untold Story*, New York, 1978, PP. 164–72.

⁹ Frayling, op. cit.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Brier, *The Murder of Tutankharnun*, Weidenfield and Nicolson, 1998, pp. 151–2.

¹³ Carter and Mace, op. cit.

¹⁴ Hoving, op. cit.

¹⁵ James, *Howard Carter: The Path to Tutankhamun*, Kegan Paul Ltd, 1992.

¹⁶ White, *The Tomb of Tutankhamun* by Howard Carter, Iris Press, 1970.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Winstone, *Howard Carter and the Discovery of the Tomb of Tutankhamun*, Constable, 1991. p. 189.

²⁰ Frayling, op. cit.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ Winstone, op. cit., p. 19.

8 Подлинная история открытия и ограбления

¹ Reeves and Wilkinson, *The Complete gallery of the Kings*, Thames and Hudson, 1996, p. 178.

² Carter, *The Discovery of the Tomb of Tutankhamun*, New York, 1977, p. 186.

³ Ibid.

⁴ Hoving, *Tutankhamun: The Untold Story*, New York, 1978, pp. 326–8.

⁵ Ibid, p. 75.

⁶ Carter, *op. cit.*, p. 203.

⁷ Carter and Mace, *The Tomb of Tutankamun*, London, 1922–55, pp. 256–75.

Notes

⁸ Hoving, *op. cit.*, chapter 6.

⁹ Carter and Mace, *op. cit.*

¹⁰ Hoving, *op. cit.*, p. 14–7.

¹¹ Brackman, *The Search for the Gold of Tutankharnun*, Robert Hale Ltd 1978.

¹² Hoving, *op. cit.*

¹³ Brackman, *op. cit.*

¹⁴ Hoving, *op. cit.*

¹⁵ White, *The Tomb of Tutankharnun* by Howard Carter, Iris Press, 1970.

¹⁶ Hoving, *op. cit.*

9 «ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА»

¹ Scott, Walter, *Pibroch of Donuil Dhu*.

² Hoving, *Tutankharnun: The Untold Story*, New York, 1978, pp. 64–5.

³ Ibid., pp. 123–5.

⁴ Ibid.

⁵ Winstone, *Howard Carter and the Discovery of the Tomb of Tutankharnun*, Constable, 1991, p. 169.

⁶ Hoving, *op. cit.*

⁷ Winstone, *op. cit.*

⁸ Reeves, *The Complete Tutankharnun*, Thames and Hudson, 1990, p. 131.

⁹ Carter, *The Discovery of the Tomb of Tutankharnun*, New York, 1977, p. 234.

¹⁰ James, *Howard Carter: The Path to Tutankharnun*, Kegan Paul Ltd, 1992, p. 218.

¹¹ Reeves and Wilkinson, *The Complete galley of the Kings*, Thames and Hudson, 1996. p. 72.

¹² Carter and Mace, *The Tomb of Tutankhamun*, London, 1922–33, p. 10.

¹³ Hoving, *Tutankharnun: The Untold Story*, New York, 1978, p. 120.

¹⁴ Reeves, *op. cit.*, p. 58–9.

¹⁵ Hoving, *op. cit.*, pp. 178–9.

¹⁶ Frayling, *The Face of Tutankhaman*, Faber and Faber, 1992, p. 115.

¹⁷ Carter, *op. cit.*, p. 181.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ Hoving, *op. cit.*, pp. 349–57.

²⁰ Carter, *op. cit.*

²¹ *Ibid.*

10 Говард Картер: блестящее завершение дела

¹ Reeves, *The Complete Tutankhaman*, Thames and Hudson, 1990, p. 106.

² Hoving, *Tutankharnun: The Untold Story*, New York, 1978, pp. 264–9.

³ Frayling, *The Face of Tutankhamun*, Faber and Faber, 1992, pp. 129–30.

⁴ Hoving, *op. cit.*

⁵ *Ibid.*

⁶ Carter and Mace, *The Tomb of Tutankharnun*, London, 1922–33, pp. 86–92.

⁷ Hoving, *op. cit.*

⁸ Hoving, *ibid.*, p. 288.

⁹ Frayling, *op. cit.*, p. 31.

¹⁰ James, *Howard Carter: The Path To Tutankharnun*, Kegan Paul Ltd, 1992, p. 153.

¹¹ Hoving, *op. cit.*, pp. 318-42.

¹² *Ibid.*

¹⁵ *Ibid.*

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ Carter, *The Discovery of the Tomb of Tatankhaman*, New York, 1977.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.*

²² Phillips, *Act of God*, Sidgwick and Jackson, 1998.

²³ Hoving, *op. cit.*, pp. 360-1.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Ibid.*

²⁶ Carter and Mace, *op. cit.*, p. 23.

²⁷ Harrison, "The Tutankharnun Post-Mortem", *Lancet*, 1975-

²⁸ *Ibid.*

²⁹ Forbes, "Abusing Pharaoh", *KMT*, Spring 1992.

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Ibid.*

³² Carter and Mace, *op. cit.*, p. 345.

³³ Hoving, *op. cit.*

³⁴ Reeves and Taylor, *Howard Carter Before Tutankhamun*, British Museum Press, 1992, pp. 178-80.

³⁵ *Ibid.*

11 Исчезнувшие папирусы

¹ Hoving, Tutankhamun: The Untold Story, New York, 1978, p. 311.

² Carter, The Discovery of the Tomb of Tutankhamun, New York, 1977. p.197.

³ Hoving, op. cit., pp. 172–5.

⁴ Ibid.

⁵ Brackman, The Search For the Gold of Tutankhamun, Robert Hale Ltd, 1978.

⁶ Hoving, op. cit.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Carter and Mace, The Tomb ofTatankhaman, London, 1922–33.

¹⁰ Osman, Moses Pharaoh of Egypt, Grafton Books, 1990, p. 159.

¹¹ Osman, Stranger in the Valley of the Kings, Souvenir Press, 1987.

¹² Ibid.

¹³ Osman, The House of the Messiah, Harper Collins, 1992, pp. 165–8.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Frayling, The Face ofTutankhamun, Faber and Faber, 1992, pp. 25–6.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Breasted, Pioneer of the Past, London, 1948, p. 347.

¹⁸ Hoving, Tutankhaman: The Untold Story, New York, 1978, pp 222–3.

¹⁹ Ibid.

12 Череда необходимых убийств

¹ Faulkner, *Book of the Dead*, British Museum Press, 1985, p. 185

² White, *The Tomb of Tutankhaman* by Howard Carter, Iris Press, 1970.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Reeves, *The Complete Tutankharnun*, Thames and Hudson, 1990 p. 47.

⁶ Ibid.

⁷ Brackman, *The Search for the Gold of Tutankhaman*, Robert Hale Ltd, 1978, p. 184.

⁸ Ibid.

⁹ Reeves, *The Complete Tutankharnun*, Thames and Hudson, 1990, p. 63.

¹⁰ Brackman, *op. cit.*

¹¹ Weigall, *Tutankharnun and Other Essays*, New York, 1924, pp. 119–36.

¹² Ibid.

¹³ Reeves, *op. cit.*

13 Неужели Дэвис, Эйртон и Джонс тоже слишком много знали?

¹ Reeves and Wilkinson, *The Complete Valley of the Kings*, Thames and Hudson. 1996, pp. 73–80.

² Ibid.

³ Smith, *Tombs, Temples and Ancient Art*, Norman, 1956, p. 105.

⁴ Hoving, *Tutankhamun: The Untold Story*, New York, 1978, p. 118.

⁵ Reeves and Wilkinson, *op. cit.*

⁶ Ibid.

⁷ Aldred, Akhenaten. King of Egypt, Thames and Hudson, 1988, pp. 195–219.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Harrison, An Anatomical Examination of the Pharaonic Remains Purported to be Akhenaten, JEA 52, 1966.

¹¹ Evans, Kingdom of the Ark, Simon and Schuster, 2000, pp. 132–3.

¹² Phillips, Act of God, Sidgwick and Jackson, 1998.

¹³ Brackman, The Search/or the Gold of Tutankhaman, Robert Hale Ltd, 1978, pp. 180–1.

¹⁴ Reeves and Wilkinson, op. cit.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ White, The Tomb of Tutankhamun by Howard Carter, Iris Press, 1970.

¹⁷ Weigall, The Life and Times of Akhnaton, Pharaoh of Egypt, London, 1925. pp. 283–4.

¹⁸ Evans op. cit.

¹⁹ Aldred, op. cit.

²⁰ Reeves, The Complete Tutankhamun, Thames and Hudson. 1990. p. 36.

14 Моисей, папирусные свитки и убийство Зигмунда Фрейда

¹ Freud, Moses and Monotheism. Knopf. New York, 1939.

² Gay, Freud: A Life for our Time, Vintage, 1989, pp. 28–52.

³ Freud, op. cit.

⁴ Gay, op. cit.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Freud, *op. cit.*

¹⁰ Braekman, *The Search for the Gold of Tulankharilun*. Kobert Hale Ltd, London, 1978, pp.154–5.

¹¹ Ibid.

¹² Ahmed, Osman, *Moses: Pharaoh of Egypt*, Grafton Books, London 1990.

¹³ Breasted, *History of Egypt*, New York, 1910.

¹⁴ Osman, *Stranger in the Valley of the Kings*. Paladin Press 1989, p. 49.

15 Наследие Картера и Карнарвона

¹ Hoving, *Tulankhaman: The Untold Story*, New York, 1978, pp. 330–1.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Охота за сокровищами, какой не знала Земля	10
Значение Тутанхамона	33
Говард Картер – не совсем джентльмен	43
Лорд Карнарвон – повелитель всего, что он видит ..	63
Официальная история открытия	83
«Тутанхомания»	107
Проклятие фараона	123
Подлинная история открытия и ограбления.....	139
«Дымовая завеса»	173
Говард Картер: блестящее завершение дела	205
Исчезнувшие папирусы	237
Череда необходимых убийств	259
Неужели Дэвис, Эйртон и Джонс тоже слишком много знали?	271
Моисей, папирусные свитки и убийство Зигмунда Фрейда	286
Наследие Картера и Карнарвона	299
Примечания	305

Научно-популярное издание
Серия «Историческая библиотека»

Джеральд О'Фаррел

**ВЕЛИКАЯ МИСТИФИКАЦИЯ.
ЗАГАДКИ ГРОБНИЦЫ ТУТАНХАМОНА**

Ответственный редактор *Ю. Г. Иванов*

Редактор *Е. Н. Агинская*

Дизайнер обложки *Е. В. Михалкина*

Технический редактор *М. Г. Потапова*

Корректор *Е. Н. Жеребилова*

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Формат 84 x 108^{1/32}. Объем 10 печ. л.

Гарнитура «SchoolBookC».

Тираж 4000 экз. Заказ № 26920 (К-См).

«РУСИЧ». Лицензия ИД №04277 от 15.03.2001

214016, Смоленск, ул. Соболева, 7

E-mail: info@russitch.ru (редакция)

E-mail: salerus-smol@rambler.ru (отдел реализации)

Тел.: (4812) 68-36-87, 68-36-86, 21-41-00

www.russitch.ru

Отпечатано в ОАО «Смоленский
полиграфический комбинат».

214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Великая МИСТИФИКАЦИЯ

...Открытие гробницы Тутанхамона в действительности являлось одной из самых дерзких мистификаций в истории. Авторами этой мистификации стали два уважаемых английских джентльмена, которые стремились скрыть хищение огромного количества бесценных ювелирных украшений и золота.

D. O' Фаррелл

ISBN 978-5-8138-0992-7

9785813809927